

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

3
2019

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Беляева Е.А.* Социокультурный подход в западной и отечественной социологии (к постановке проблемы российско-китайского взаимодействия) 3
- Боровой Е.М.* Проблема чужого в философии Жирара и Левинаса: сравнительный анализ 10
- Глазырин В.А.* Значение юридико-правовых установлений в обществах модерна: теоретико-социологический анализ ... 13
- Ковалев М.Н.* Методика преподавания английского языка в вузе в социологическом аспекте 18
- Кравченко А.И.* Справедливость в системе социологической бинарности 23
- Николаева Н.В.* Иррациональность и рациональная методология в диалектике творческого поиска 45
- Попов В.В., Музыка О.А., Бартенева С.Э.* Феноменологическая методология: соотношение субъективного и психологического времени в контексте философии инклюзии 50
- Шафаревич И.О.* Понятие ресентимента как инструмента анализа социальных явлений 54

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Дзуцев Х.В.* Общественная оценка ситуации в Республике Северная Осетия-Алания ... 59
- Дружинин Г.В., Пружинин А.Н.* Воспроизводство человеческого капитала в отечественных компаниях 62
- Журавлева И.А.* Интеллектуальный капитал университета как ресурс развития 71
- Малых С.В.* Социальная ответственность университета в развитии территории 75

- Малышев М.А.* Анализ региональной законодательной базы социального партнерства 80
- Полюшкевич О.А.* Семейная история как социальная практика 88

ГЛОБАЛЬНЫЕ И СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Гулина Д.С.* Современные вызовы миграционной политики: роль диаспор 93
- Гусевская Н.Ю., Никонов Р.В.* Российское образование в контексте современных геополитических вызовов 102
- Месропян М.Г.* Понятие цифрового здравоохранения в российском обществе: предпосылки и актуальные проблемы 107
- Кузьмичева А.А., Пономарева Д.И.* Исследование религиозной идентичности студентов мегаполиса в контексте христианских ценностей 113
- Чеберда М.А.* Современные методы разрешения конфликтных ситуаций в современных компаниях 118

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

- Богатырева Л.Г.* Традиционные ценности в аксиологии жизненного пути современной женщины 122
- Ильченко М.В.* Особенности социального положения женщины в Китае 127
- Мартыненко Е.В., Мирзабекова К.Р.* Этические принципы современной журналистики 131
- Скоробогатова А.Г.* Социальное сопровождение пожилых людей 80+ 135
- Степанов В.Е.* Теоретико-социологический подход к деятельности представительств субъектов Российской Федерации ... 140

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Социокультурный подход в западной и отечественной социологии (к постановке проблемы российско- китайского взаимодействия)

Беляева Е.А.

В статье рассматривается история формирования социокультурного подхода, анализируются позиции западных и отечественных исследователей социокультурного взаимодействия. Выделяются структурные элементы этнической культуры: общие поведенческие доминанты: язык, преемственность поколений, общность исторической судьбы и «вмещающего ландшафта». На основе теоретического анализа в статье были выделены следующие функции этноса: поведенческая (формирование неких общих поведенческих доминант), жизнеобеспечивающая, интегративная, дифференциальная, контролирующая и самооборонительная (самозащитная). Теоретический материал иллюстрируется на примере российского и китайского этносов.

Ключевые слова: российско-китайское взаимодействие, социокультурный подход, этнос, социология культуры, ментальность.

Belyaeva E.A.

Socio-cultural approach in Western and domestic sociology
(on the problem of Russian-Chinese cooperation)

The article deals with the history of the formation of socio-cultural approach, analyzes the position of Western and domestic researchers of socio-cultural interaction. Structural elements of ethnic culture are distinguished: General behavioral dominants: language, continuity of generations, common historical destiny and "accommodating landscape". On the basis of theoretical analysis in the article the following functions of the ethnos were identified: behavioral (formation of some common behavioral dominants), life-supporting, integrative, differential, controlling and self-defense (self-defense). The theoretical material is illustrated by the example of Russian and Chinese ethnic groups.

Key words: Russian-Chinese interaction, socio-cultural approach, ethnos, sociology of culture, mentality.

В переводе с латинского *interaction* означает взаимодействие, взаимосвязь, взаимоотношение, общение. В самом значении этого слова содержится смысл равноценного и равноправного обмена какими-либо ценностями. Термин взаимодействие является одним из ключевых в категориальном аппарате социологии. Так, еще в XIX веке Э. Дюркгейм рассматривает специфику социального взаимодействия через понимание «духовных и морфологических социальных фактов». По Э. Дюркгейму, духовные ценности и идеи содержатся в основе взаимоотношений субъекта и объекта познания и в этом смысле они трансцендентны. Но при этом они являются социальными фактами или фактами социального взаимодействия, требующими изучения и объяснения. Согласно Э. Дюркгейму, морфологические социальные факты составляют материальный субстрат общества (характер поселений, наличие дорог между ними, интенсивность общения людей, плотность населения, его демографический состав, экологические условия жизни и т.д.). Здесь социологический аспект взаимодействия заключается в том, что ценности и идеи воплощаются в социальные нормы и становятся рычагами социальной регуляции. Нормы и ценности являются двумя важными сторонами социального взаимодействия, жизни общества в целом. Нельзя не согласиться с мнением Э. Дюркгейма о том, что в основе как социального, так и социально-культурно-

го взаимодействия лежит обмен ценностями, которые формируют социальность жизни людей [1].

Более развернутая и глубокая характеристика социального действия и характера возможных социальных взаимодействий (которые рассматриваются как соотношение с действиями других лиц и ориентации на них) содержится в работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера. При выделении четырех типов социальных действий (целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное), М. Вебер отмечает, что социальные действия представляют собой результат сложного взаимодействия социальных и индивидуальных факторов. Социальный актор всегда действует в рамках конкретной ситуации с ограниченным набором возможностей и поэтому не может быть абсолютно свободным. Но так как его действия по своей структуре являются проектом, т. е. планированием средств по отношению к еще не реализованной цели, то они имеют вероятностный характер. Актор может отказаться от цели или переориентироваться на другую, хотя и в рамках своей ситуации. Таким образом, социальные действия обусловлены социальным контекстом, в котором они происходят по воле актора. Данный контекст задается общим уровнем культуры. В сущности социально-культурное взаимодействие в данном случае обуславливается как особенностями личности, так и социально-историческим контекстом, в котором они совершаются [2].

Геополитические и социально-экономические изменения, которые начинают происходить в первой половине XX века заставляют ученых по-новому взглянуть на особенности социально-культурного взаимодействия, как основы успешного сосуществования народов и этносов. Начинает формироваться представление о взаимном влиянии общества и культуры в целом, а также о воздействии механизмов культуры на человека. Социокультурный подход к анализу общественных проблем базируется на достижениях самых разных областей (социология, этнография (этнология), педагогика и психология и др.). При этом социально-культурное взаимодействие начинает рассматриваться как сотрудничество представителей различных национальностей и этносов, а также взаимодействие личностей внутри одного этноса. Речь идет о

сосуществовании различных личностей, социальных групп, этносов и государств, основанном на взаимопонимании и кооперации (совместной деятельности).

По мнению отечественного исследователя Ю.В. Бромлея под этнической культурой необходимо понимать некий социокультурный субстрат, который базируется на традициях и вековом опыте жизни этноса, всецело зависит от ландшафтной среды, в которой проживают или воспитывались представители того или иного этноса, в которой они укоренены. Этническая культура напрямую связана с таким понятием, как ментальность. Под ментальностью понимаются, как правило, неизменные составляющие этнической культуры, проявляющиеся на подсознательном уровне, в частности, - привычки, поведенческие доминанты, мотивы поведения, сформировавшиеся на уровне подсознания [3]. Именно эти поведенческие доминанты лежат в основе социально-культурного взаимодействия.

Согласно теории Л.Н. Гумилева, этнические особенности присутствуют в сознании и подсознании каждого человека, закреплены в определенных моделях поведения. А это значит, что человек живет в системе нравственных, поведенческих и культурных ценностей этноса, к которому принадлежит, ибо нельзя сознательно или по некой договоренности объединиться в этнос, как нельзя по той же договоренности сменить этническую принадлежность. Более того, этническая принадлежность неизменна как ландшафт, в котором человек родился и вырос и который сформировал ту систему ценностей, которая стала доминантой существования человеческой личности. Однако, как только мы начинаем изучать не одно состояние определенной этнокультурной системы, а множество таких состояний, то есть некий процесс, то картина резко меняется и начинает напоминать калейдоскоп. Такая калейдоскопичность основана на последовательной смене этапов развития этноса (этнических процессов). Более того, этнические процессы являются результатом социально-культурного взаимодействия личностей, социальных групп и этносов [4,5].

Созвучны Л.Н. Гумилеву историко-философские идеи Н.А. Бердяева, который считал, что именно ландшафт формирует сознание и систему ценностей народов и социальных групп. Например, гордость и воинственность у горцев,

чья жизнь проходит среди устремленных к небу вершин и хребтов; аккуратность - у выросших на ограниченном пространстве немцев, замкнутых в небольших городах и селах. Бескрайние степи и огромные леса Руси-России сформировали широту души русского человека, стали основой русской удали, безудержности и порой - бескомпромиссности. Подобная широта укоренена в подсознании русского народа, в его ментальных особенностях и поведенческих доминантах. Соответственно, не понимая ее, мы не способны осознать, каким образом представители русского этноса взаимодействуют с другими этносами [6]. По Н.А. Бердяеву, русские не могут осуществить себя в относительном и среднем, тогда как именно относительное и среднее царит в историческом процессе. Русские, как утверждал философ, могут либо пребывать в рабстве, являющемся средним и относительным, либо оправдывать себя тем, что, если они не свободны в истории, то свободны в творчестве, познании и воображении, т.е. в абсолютном и высшем.

Таким образом можно выделить структурные элементы этнической культуры: общие поведенческие доминанты: язык, преемственность поколений, общность исторической судьбы и «вмещающего ландшафта». На основе теоретического анализа мы выделяем следующие функции этноса: поведенческая (формирование неких общих поведенческих доминант), жизнеобеспечивающая, интегративная, дифференциальная, контролирующая и самооборонительная (самозащитная). Для любой этнической культуры важен контроль за соблюдением членами этноса неких жизненно важных норм и правил поведения.

Огромный вклад в формирование и развитие социокультурного подхода к анализу жизни человека и этноса внес П.А. Сорокин, он проанализировал взаимное влияние культуры и общества, их субъект-объектные отношения. Согласно теории П.А. Сорокина, замена одной формы культуры на другую важнее, чем смена систем правления. Культура, по мнению социолога, является фундаментом жизни общества, а самые важные изменения в социальной жизни связаны со сменой культурных ценностей и норм. П.А. Сорокин изучал соотношение между типами культуры и типами человеческой личности, считал личность, общество и культуру нераз-

рывной триадой, тремя основными составляющими человеческого мира. П.А. Сорокин считал, что, если культура находится в кризисе (как, по мнению философа, находится в кризисе современная ему западная культура XX века), то это означает, что данная мировоззренческая система исчерпала себя и, следовательно, формируются новые основания для создания иного культурного типа [7].

Социодинамическая модель П.А. Сорокина представляет собой последовательную смену определенных типов культур, выделяемых на основе ведущих представлений о мире и методах его описания. Этот процесс выражается в трех фазах единого цикла, через которые проходят все основные сферы социокультурной системы (архитектура, скульптура, живопись; музыка, литература, театр, искусствознание; религия, философия, наука; естественно-научные и технико-технологические изобретения; мораль и право; политика; экономика; семейно-брачные отношения; мировоззрение; формы свободы; государственное правление). Причём, в динамике каждой из этих сфер прослеживаются три стадии, после завершения которых цикл возобновляется: идеонациональная стадия, в которой преобладают процессы познания; идеалистическая стадия, где ведущей становится идеология; и чувственная стадия¹. Эти стадии у П.А. Сорокина тесно связаны с особенностями взаимодействия культур. На идеонациональной стадии культуры и этносы взаимодействуют через познание, процесс познания. На идеалистической стадии взаимодействие происходит с помощью идеологии (идеологий). На чувственной стадии коммуникация осуществляется посредством письменных контрактов и договоров, любых форм официально закрепленных договоренностей [7].

Американский социолог Т. Парсонс изучал взаимодействие общества и культуры, рассматривал общество как социетальную систему. По мнению ученого, культура, взаимодействующая с обществом, представлена в трех основных аспектах: наследство или социальная традиция; система обучения; общепринятые ценности и нормы. Т. Парсонс писал, что культура передается, т.е. составляет наследство или социальную традицию. Наконец, культуре обучаются. И, более того, культура является проявлением генетической природы человека; соответственно,

она является общепринятой. Культура, таким образом, представляет собой основу социального взаимодействия в комплексе социальных измерений: вертикальных и горизонтальных [8].

Другой представитель американской социологической школы Р. Мертон считал, что любая социальная группа идентифицирует свои культурные цели и выделяет способы их достижения, а также соотносит эти цели и задачи с характерными нормами общества, к которому принадлежит. Р. Мертон выделял пять типов индивидуальной адаптации. Эти типы адаптации возникают при разрыве между культурными нормами и способами достижения подобных норм, одобренными обществом. Речь идет о конформизме, инновациях, ритуализме, ретритизме, восстании. Через типологии адаптации, посредством этих типологий, осуществляется взаимодействие.

Конформизм — это соглашательство общества с навязываемыми сверху (как правило, политическими структурами) ценностями и нормами. Ритуализм связан со следованием (часто — слепым) определенным общественным и религиозным обрядам и ритуалам. Ретритизм — это стремление индивида или общественной группы убежать от навязываемых сверху социокультурных ценностей и норм, каким-то образом отказаться им следовать, не вступая в явные противоречия с политическими структурами. Ретритизм, как правило, приводит человека или социальную группу к «внутренней эмиграции». Наконец, нежелание общества тех или иных социальных групп следовать навязываемым сверху социокультурным ценностям и нормам приводит к восстанию, революции или реформам (социокультурной эволюции). В последнем случае социокультурные изменения неизбежны, происходит смена общественной модели (например, с традиционной, общинной, на либеральную, рационально-прагматичную, или же — наоборот) [9].

К главным характеристикам этноса многие исследователи относят знаки-обозначения, маркировки, связанные с принципом «свой-чужой». Так, социолог и культуролог Э. Холл делил все культуры на монохронные и полихронные, т.е. на «одновременные» (пунктуальные, точные, активные, действенные) и «многовременные» (непунктуальные, созерцательные). Например, культура Китая относится к числу полихронных,

где характеристика времени отличается от западных культур. Точные даты рождения и смерти в ней не важны, ибо человек приходит из вечности и в вечность уходит. Время — это часть китайского Дао, которое просто есть объективное бытие, в котором важны отдельные аспекты жизни человека — его мысли, движения, отношения, то есть все то, что формирует гармонию. Для сравнения, Россия, занимающая территорию Евразии, не имеет в данной системе однозначной типологизации. Для жителей городов-мегаполисов характерна монохронная культура характерна для жителей мегаполисов, жители сельской местности и малых городов более полихронны в быту.

В книге «За пределами культуры» Э. Холл, говоря о параметрах межкультурной коммуникации, делил культуры на высоко- и низкоконтекстуальные, то есть на культуры точные, конкретные и культуры метафорические, инсказательные, образные, символические [10].

Согласно позиции Э. Холла, высококонтекстуальным культурам свойственны следующие признаки и качества: многозначительные и многочисленные паузы в речи, связанные с теми или иными оттенками значения; высокая контекстуальность речевого общения, направленная на сглаживание острых углов, подразумевающая тактичность и деликатность в общении; важное значение невербального общения, основанное на умении «говорить глазами»; излишняя избыточность информации, базирующаяся на первоначальных фоновых знаниях о ситуации и собеседнике (собеседниках); отсутствие открытого выражения недовольства или гнева (вообще — ярко выраженных негативных эмоций), причем, при любых условиях и результатах общения.

Признаки, которыми Э. Холл наделил низкоконтекстуальные культуры, следующие: прямая, яркая и выразительная манера речи, основанная на желании максимально выразить свои чувства и эмоции; незначительная роль невербальных форм общения (нежелание «говорить глазами»); четкая, точная и ясная оценка всех обсуждаемых тем и вопросов, основанная на прямом общении; недосказанность понимается как недостаточная компетентность или слабая информированность собеседника; открытое и явное выражение недовольства, гнева, радости или любых сильных эмоций [10].

К высококонтекстуальным культурам ученый относил, например, Китай, Японию и Корею, а к низкоконтекстуальным – США и Германию, а также скандинавские страны. Для правильной интерпретации взаимодействия с представителем высококонтекстуальной культуры требуется знание культурного контекста, причем не узкого, ситуативного, а необыкновенно широкого, культурологического, фонового. Поэтому на уровне обыденного европейского сознания китайскую беседу часто описывают как игру недомолвок и недоговоренностей. Напротив, китайцам, в свою очередь, кажется, что европейцы слишком прямы и нетактичны.

Россия в данной парадигме относится скорее к низкоконтекстуальным культурам, что сказывается на характере межкультурного и социокультурного взаимодействия с такими странами как Китай. Российско-китайскую социально-культурную коммуникацию можно рассматривать как диалог низкоконтекстуальной (Россия) и высококонтекстуальной культур (Китай).

В книжной культуре, как важнейшем сегменте национальной культуры, наиболее отчетливо проявляются главные атрибуты культуры в целом, такие как духовность и материальность. Книга одновременно выступает и как духовная ценность, и как материальная ценность (товар). Размышления о различных аспектах книжной культуры, основные направления интерпретации подобной культуры, можно найти в работах М. Маклюэна, У. Эко, Р. Дебрэ, Д. Финкельштейна, И.Е. Баренбаума и др. Однако в настоящее время национальная культура, как правило, формируется не на основе традиций культуры письменной, книжной. На этот факт обращает внимание М. Кастельс в своих многочисленных работах, посвященных сетевому обществу и интернет-коммуникациям [14].

М. Маклюэн, в частности, утверждал, что технология коммуникаций является своеобразным продолжением сознания людей. Поэтому каждый новый этап развития средств коммуникации серьезно влияет на особенности восприятия реальности, сформировавшиеся ранее. Определенной метаморфозе подвергаются такие параметры, как образ жизни, ценности людей.

Он также считал, что к средствам коммуникации относятся такие реалии, как язык, деньги, дороги, печать, компьютеры, телевидение. Важ-

нейший тезис исследования Маклюэном М. социально-культурного взаимодействия состоял в том, что средство коммуникации - это сообщение, некий сформированный текст. Иными словами, некое событие (акция) приобретает общественную значимость не само по себе, а в связи с переданными посредством коммуникации сообщениями (текстами) [11].

Французский философ и социолог Р. Дебрэ в свою очередь предложил термин «медиа-логия» для обозначения нового учения о средствах, предназначенных для передачи знания и традиций, т. е. культурных ценностей²²

. Коммуникация, нацеленная на созидание, является залогом эффективного социально-культурного взаимодействия. Люди мыслящие, креативные в ходе социально-культурного взаимодействия передают друг другу знания и ценности. Более того, они организуют, формируют социально-культурные модели, согласно которым и осуществляется коммуникация (взаимодействие) [15].

Именно книга стала безальтернативным источником формирования личности, этических особенностей этноса. Несмотря на массовое распространение интернет технологий и новых средств коммуникации, У. Эко рассматривает книгу, а не телевидение, основным средством социально-культурного взаимодействия. Исследователь соотносил современные средства хранения и обработки информации с различными видами вероисповеданий, связанных в первую очередь с совершенно другим, отличным от нашего, типом культуры и этнической ментальности. У. Эко, как семиотик, в первую очередь, обращался к языку, а также к коммуникативным средствам и связям. Согласно У. Эко, люди и социальные группы (народы) часто ведут себя в соответствии с канонами и принципами, подсказанными языковыми значениями и нормами. Эти языковые значения и нормы являются, по У. Эко, основой социально-культурного взаимодействия [16].

Сходство книжных культур заключается прежде всего в способе передачи информации того или иного характера. Различия же связаны с особенностями воплощения результатов духовной деятельности людей в книжной культуре, а именно с продолжительностью традиций письменности и книгопечатания; объемами книгоиздания, его структурными характеристика-

ми; отношением к книге; распространенностью среди народов, этносов и социальных групп установок на использование книги и т.д.

Взаимодействие книжных культур способствует созданию единого информационного пространства, сближению народов и этносов. Сложность социокультурной коммуникации связана с особой культурной идентичностью этносов и особенностями передачи, трансляции тех или иных культурных значений, образов и символов, прежде всего с особенностями перевода.

Другой формой социально-культурного взаимодействия, помимо книжной культуры, является устная речь. Языковая система – это транслятор этнических особенностей, мост между культурами. Перевод в данном случае следует понимать не только буквально (как перевод некоего текста), но и как соотнесение неких культурных и поведенческих особенностей, умение соотнести различные культурно-ценностные системы, перейти из одной системы значений в другую. Если подобный перевод осуществлен, то происходит эффективное социально-культурное взаимодействие.

Б. Уорф считал, что язык напрямую связан с категоризацией, осмыслением и интерпретацией действительности. При этом мышление ученый рассматривал как индивидуальный уровень познания мира. Поведение личности, по мнению Б. Уорфа, формируется традициями и групповым уровнем сознания, а общая картина мира может возникать и при общении, и при коммуникации (переводе, понимаемом как переход из одной системы ценностей – в другую) [17].

Механизм «узнавания» и «принятия» социальных ценностей и стереотипов социальной среды позволяет идентифицировать различия «своих» и «чужих», таким образом, формирует условия для создания малых групп и социальных общностей. Адаптационный механизм культуры, как показал Ф. Барт в работе «Этнические группы и социальные границы», проявляется комплексно в целом ряде моментов, а именно, в базовой стратегии, пригодной для группового использования (включая социально-культурные цели, задачи и оперативные планы), в конкретных формах, которые она может принимать, а также в планируемых результатах и их последствиях³. Сочетание данных взаимозависимых факторов влияет на вариативность развития

социальных групп. По мнению Ф. Барта, идентичность социальных групп в современном обществе определяется их внутренней, в том числе, этнической спецификой. Например, китайцы мыслят и действуют иначе, чем африканцы, американцы или европейцы [18].

В понимании социокультурного взаимодействия представляется очень значимой такая характеристика как «культурный код» (социальный стереотип), содержание которой раскрывает Дж. Александер. Он вводит культуральную социологию, суть которой заключается в нахождении и исследовании «культуральных структур», под которыми понимаются внутренние, латентные, как правило, не осознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых смыслов социальной жизни. При анализе социально-культурного взаимодействия через призму культуральной социологии Дж. Александер приходит к выводу о том, что «культурная травма» (под которой понимается негативный исторический опыт) отдельных народов ведет их к необходимости ее преодолеть. Так происходит формирование новых политических режимов, появляется национализм, начитаются войны. Специфика социокультурного взаимодействия народов и этносов, считает Дж. Александер, должна строиться на такой силе, которая бы максимально сдерживала проявление уже существующих «культурных травм» и препятствовала проецированию негативного опыта в будущее. Таким образом, основой социально-культурного взаимодействия по мнению Дж. Александера должна стать этика, с ее не нарушением территориальных и культурных границ других государств и народов [19].

Рассмотренный выше социокультурный подход не может быть объективистским или субъективистским по своей сути. Индивид – это актер социального действия, общество не может развиваться вне действий и воли отдельного индивида. Индивид в контексте социальной системы и социального взаимодействия – это первичная и самодостаточная социальная реальность, которая обладает свободой воли и формирует социальные и культурные нормы. Именно индивид, его воля и действия, являются объектом изучения в социологии и культурологии.

Самосознание человека и социальной группы может не соответствовать тому типу обще-

ства, в котором они вынуждены жить, что приводит в итоге к изменениям социокультурной среды. Подобные изменения связаны с революциями, восстаниями, реформами и т. д. В то же время такой подход направлен на изучение основ социокультурного взаимодействия и на выявления точек сопряжения и напряжения общества и культуры. Именно подобные точки обеспечивают мобильность социокультурных изменений, регулируют социокультурное взаимодействие. Социокультурное взаимодействие связано с определенными типами классификации социума и культуры, которые могут поляризоваться по принципу традиционности или либеральности. Общественное развитие, таким образом, может быть направлено в сторону устойчивого развития традиционной (общинной) или либеральной (рациональной) общественной модели.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественно-го труда. Метод социологии. Изд. «Наука», М. 1991. 576 с.
2. Вебер. М. Протестантская этика и дух капитализма. Изд. Директ-Медиа, М. 2016. 178 с.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983 - 418 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. Азбука-классика, 2015. 435 с.
5. Гумилев Л.Н. Три китайских царства. М. Алгоритм, 2012. 272 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Азбука-классика, 2016. 416 с.
7. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Человек. Цивилизация. Общество: Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1992. 478 с.
8. Критика теории «социального действия» Т. Парсонса. М.: ИНИОН АН СССР, 1982.
9. Мирская Е.З. Мертон Роберт Кинг и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. — С. 12-13.
10. Холл Э. За пределами культуры. М.: АСТ, 2017. 540с.
11. Маклюен М. Понимание средств коммуникации. М.: Наука, 1964. 420 с.
12. Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010. С. 118.
13. Финкельштейн Д. // Finkelstein D. Internal Structure of Spinning Particles // Physical Review. 1955. Vol.100. P. 924–931.
14. Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура
15. Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010. С. 118.
16. Эко У. Заметки на полях "Имени розы". Интернет-ресурс: <http://bernoulli.mi.ras.ru/library/koi/UMBEKO/>
17. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 177.
18. Этнические группы и социальные границы. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта: перевод с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. - 200 с.
19. Александер Дж. К. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. No 1.
20. Политические учения XX-XXI вв / Егоров В.Г., Абрамов А.В., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Березкина О.С., Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., Лавренов С.Я., Синчук Ю.В., Федорченко С.Н. Москва, 2015.
21. Адыгезалова Г.Э. Развитие российской системы права: строительное право как отрасль права // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 3-6.

Ссылки:

- 1 Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Человек. Цивилизация. Общество: Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1992. С. 178.
- 2 Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010. С. 118.
- 3 Этнические группы и социальные границы. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта: перевод с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. - 200 с.

Проблема чужого в философии Жирара и Левинаса: сравнительный анализ

Боровой Е.М.

В статье описывается проблема чужого в философии Р. Жирара и Э. Левинаса. Автор раскрывается сущность концепция познания мира и бытия двумя авторами. Насилие рассматривается как неотъемлемая характеристика современного общества, коллективное насилие присуще разным областям: политике, истории, географии, литературе. Жирар раскрывает одну из вечных тем человеческого общества – отношения между насилием и порядком, используя в своей религиозной позиции политический консерватизм и христианскую теологию на примере античных, литературных и евангельских текстах. У Левинаса бытие отождествляется с тотальностью и превращается в насилие – борьбу тождественного и чужого. Свобода, ответственного, бытие, мышление рассматриваются именно в концепции наличия чужого.
Ключевые слова: чужой, тождественное, насилие, жертва, борьба, общество

Borovoi E.M.

Problem of another in the philosophy of Girar and Levinas: comparative analysis

The article describes the problem of the stranger in the philosophy of R. Girard and E. Levinas. The author reveals the essence of the concept of knowledge of the world and being by two authors. Violence is seen as an integral feature of modern society, collective violence is inherent in different areas: politics, history, geography, literature.

Girard reveals one of the eternal themes of human society - the relationship between violence and order, using political conservatism and Christian theology in its religious position on the example of ancient, literary and gospel texts.

By Levinas, being is identified with totality and transformed into violence - the struggle of the identical and the alien. Freedom, responsibility, being, thinking are considered nominal in the concept of the presence of someone else.

Keywords: alien, identical, violence, victim, struggle, society

Современные философские взгляды характеризуются двумя подходами к познанию мира – с точки зрения первого подхода мир познается на основе сходства или идентичности, с точки зрения второго подхода, – на основе подобия или различия. Первый подход представлен у Парменида, Канта, согласно которым «Бытие есть тождественное, Иное не есть». Однако у Платона уже можно обнаружить существование тождественного и иного вместе. Отметим, что мир познается на основе понятий, а понятия представляют собой тождества. Тем не менее иное или чужое представлено на фоне тождества. Понятие связывает вещи по закону тождества, чтобы постичь иное, необходимо выйти за пределы понятия. Как пишет Делез, «в центре различия, а Одинаковое – только по окружности». Данной точки зрения придерживаются Хайдеггер, Сартр, Деррида, Делез, Витгенштейн, Жирар и Левинас [6].

Рене Жирар раскрывает одну из вечных тем человеческого общества – отношения между насилием и порядком, используя в своей религиозной позиции политический консерватизм и христианскую теологию на примере античных, литературных и евангельских текстах.

Образ Чужого представлен на примере насилия как эпидемия, уничтожающая общество. Единственным механизмом защиты от эпидемии является культура как процесс духовный и социальный, которая ограничивает, контролирует и снижает действия насилия. Для автора высшим проявлением культуры является Евангелие, что четко отражается в его литературных текстах на примере философии Ницше, психоанализа Фрейда. Примечательным для философии Жирара становится понимание истории, используя знания и измышления Гоббса и Фрейда, Фрезера и Дюркгейма, Леви-Стросса и Бахтина [5].

Согласно теории Жирара, объектом насилия в обществе является некая жертва, в каче-

стве которой в разные века в разных культурах выступали: изгой как в греческих культах; король как в африканских монархиях и во время европейских революций; люди другой нации, как в еврейских погромах, а также рядовые, случайно выбранные граждане, как при сталинских чистках.

Особое внимание Жирар акцентирует внимание на жертве, которая выбирается обществом в качестве объекта насилия. Основным критерием выбора жертвы выступает наличие частично «своего», но жертва не должна быть полностью «своей», иначе за нее будут мстить, и частично «чужой», чтобы реализовать весь потенциал общественного насилия [4].

Жирар обращает внимание читателя на то, что в цивилизованном обществе опыт жертвы переключается с детскими и школьными переживаниями и мучениями. Поэтому подобные ситуации не новы у сюжетов многих писателей, например, Набокова [3].

Жирар указывает на особенности коллективного насилия – в политике, истории, географии, литературе. Для автора важно, с какой позиции написан текст – палача или жертвы. Жирар анализирует пример апостола Петра, жизни мучеников, Христа, воспоминания о Холокосте и ГУЛАГе, показывая, что чаще всего они были написаны очевидцами, а не участниками данных событий. Свидетельства войн, революций указывают на то, что многие истории разных жанров написаны с целью оправдать групповое, коллективное насилие над жертвами. При этом следует учитывать тот факт, что общество нередко защищает насилие: всеобщее насилие над жертвой или жертвами становится жертвенным как форма религиозного культа. Отметим, что согласно Жирару, создатели религий смогли создать «специальную» сакральную жертву, не требующую отмщения. Циклы агрессии, вины, искупления характерны для истории. В современном обществе акт отмщения заменяется судом: можно как избежать мести, так и быть отмщенным. Однако жертвенный кризис налицо – государственные институты заключены в порочный круг насилия [4]. Для Жирара любой опыт – это очередной жертвенный кризис, любое политическое или военное насилие подвергается логическому анализу. Автор указывает на факт самоограничения насилия в современном обществе: если африканских королей при сме-

не власти валяли в дерьме, русских царей убивали, то президенты демократических государств ходят друг к другу на ланч.

Жирар анализирует проблему безопасности в современном обществе в контексте жертвоприношения, раскрывая акт жертвоприношения как ритуал, сфокусированный вокруг одной жертвы в коллективе, направленный на удовлетворение негативных эмоций и защиту коллектива от его собственного насилия. Тем самым показывается теневая сторона христианства (гонения), глобальность (жертва в рамках общества, коллектива), историческая основа в контексте современности (жертвоприношение как утрата социального порядка, разрушение культурных и социальных норм) [3].

Э. Левинас представляет чужое с точки зрения образа Я и Другого Я на основе этической идентичности: мы смотрим на себя самих глазами других людей и сравниваем себя, свое поведение с наиболее адекватным образом, чтобы дать место чужому и представить себя как самоидентификацию Я и чужого Я [2].

В философии Левинаса появление чужого характеризуется наличием синхронии, то есть общим временем, которое определяет исторический путь и развитие общества, и справедливостью, которая подразумевает равенство, и высказанные мысли, к которым относится все, что лежит в речах и текстах (литература, философия, музыка, политика и т.д.) [8].

Посредством чужого становится возможным познание мира и практическое действие каждого субъекта, заключенное в рамках этической образа Я.

Трудно назвать Левинаса политическим философом, так как политика – это есть история и прaxis. В философии Левинаса политика относится к историческому синхронизированному времени противопоставленному эсхатологическому времени, которое существует параллельно [1].

Сходство Жирара и Левинаса обнаруживается в анализе и комментариях относительно политических событий насилия: нацизма, антисемитизма в довоенной Европе, истории возникновения Израиля как государства, противостояние США и СССР в Холодной войне.

Однако в отличие от Жирара у Левинаса скорее обнаруживается его собственное отношение к описанным историческим событиям, нежели их

объяснение. Тем не менее Левинас воспринимал политические вопросы как вторичные, поскольку есть другие более глобальные проблемы.

Представление о войне и насилии наиболее отчетливо прослеживаются у обоих авторов. Левинас относит насилие к оружию, при этом все, кто его используют, являются жертвами, которые постепенно обезличиваются и теряют свою индивидуальность. У Жирара насилие в схватке представляется как единственный победитель. При этом имеется разная интенсивность насилия, так как в схватке всегда присутствует Чужой – оспаривающий право на насилие. С нарастанием интенсивности противники становятся полными двойниками друг друга [8].

Левинас раскрывает опасность насилия в человеке: бытие для человека представляет собой особую ценность, поэтому стремятся продлить его, а это вызывает упорство, приводящее к вражде и борьбе за него. При этом, указывает Левинас, Чужой становится безразличным, но для его познания требуется включить Чужое в свои мысли. Насилие проявляется в мыслях также и в стремлении уничтожить Чужое как нечто отличающееся от своего *cogito*.

Таким образом, у Левинаса бытие отождествляется с тотальностью и превращается в насилие – борьбу тождественного и чужого. Свобода, ответственного, бытие, мышление рассматриваются именно в концепции наличия чужого. Однако большую опасность влечет за собой утрата предметами своего смысла, а участников – своей ценности и индивидуальности, что влечет к враждебности, борьбе и насилию – физическому и личностному (уничтожение, дискриминация), поскольку смысл участ-

ников за пределами тотальности не просматривается [7]. Поэтому индивидуальность в пределах тотальности не представляет ценности: на место умершего становятся другие, а посмотреть и проанализировать вклад в развитие общего дела можно будет лишь в том случае, когда тотальность достигнет определенного этапа в развитии.

Литература

1. Авалян С.А. Историко-философское осмысление категории Другого / С.А. Авалян // Психология и Психотехника. – 2011. – № 9. – С. 104-107.
2. Еселев Е.А. Проблема Другого в философии различия / Е.А. Еселев // Философская мысль. – 2013. – № 1. – С. 175 - 194.
3. Жирар Р. Козел отпущения / Р. Жирар. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.
4. Жирар Р. Насилие и религия: причина или следствие? / Р. Жирар // Логос №4 (67) 2008. – С.129-140.
5. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.
6. Козолупенко Д.П. Отношение к другому в мифопоэтических обществах (система родства как структурный принцип минимизации «дальнего» и система умолчания как принцип защиты от «чужого») / Д.П. Козупенко // Философия и культура. – 2011. – № 9. – С. 104-107.
7. Левинас Э. Ракурсы / Э. Левинас // Избранное. Тотальность и бесконечное. - СПб.: Университетская книга, 2000. - 310 с.
8. Левинас Э. Путь к Другому / Э. Левинас. Сборник статей и переводов. - СПб.: СПбГУ, 2006. - 186 с.

Значение юридико–правовых установлений в обществах модерна: теоретико–социологический анализ

Глазырин В.А.

Цель работы состоит в том, чтобы раскрыть на основе теоретико-социологического анализа значение юридико-правовых установлений в обществах модерна. Формулируется правило комплементарности институтов права и современных обществ. Рассматриваются различные грани взаимодействия социокультурных и правовых институциональных компонентов социума, а также разбирается проблема «эффекта колеи» (path dependency problem) для объяснения связи прошлого, настоящего и будущего в становлении правовых институтов современного общества.

Ключевые слова: институт, право, суд, общество, современность

Glazyrin V.A.

The value of juridical and legal establishments in modern societies: theoretical and sociological analysis

The aim of the article is to determine the value of juridical and legal establishments in modern societies on the basis of theoretical and sociological analysis. The rule of complementarity of legal institutions and modern societies is formulated. Different aspects of interaction between sociocultural and legal institutional components of a society are described. The author also considers "path dependency problem" to explain the connection of the past, the present and the future in the process of evolution of legal institutions of a modern society.

Key words: institution, law, court, society, the present time.

Институциональной основой, формально конституирующей современные общества¹ и государства, являются правовые установления [1, 2, 18]. Однако этот фундаментальный факт устройства обществ модерна нередко ускользает от надлежащего внимания социальных исследователей, социологов. Так, Р. Коллинз – один из крупнейших авторов в области исторической макросоциологии, рассматривая становление современных обществ, как многомерную социальную динамику, выделил четыре, связанных между собой модернизационных процесса. Это бюрократизация, секуляризация, индустриализация и демократизация [3, с. 264-293]. В этом перечне трансформаций, раскрывающих главные направления формирования эпохи современности, институтам права имплицитно/эксплицитно придаётся второстепенное значение. Цель работы состоит в том, чтобы раскрыть на основе теоретико-социологического анализа значение юридико-правовых установлений в обществах модерна.

Социологическое изучение правовых институтов имеет свою историю. На заре социологии о значении формальных/обезличенных отношений для становления обществ модерна писали Г. Мэн [4, с. 95-134] и Ф. Тённис [5, с. 63-170]. Гении социологии – Э. Дюркгейм и М. Вебер также внесли свой интеллектуальный вклад в изучение этого вопроса. Первый, разрабатывая правила социологического метода, предложил познавать общество посредством формальных юридических норм, институтов [6, с. 51-70], второй, в частности, осуществил концептуальное описание роли формально-правовых установлений в историческом процессе становления западноевропейского города как социальной Gesellschaft [7, с. 360-386]. В середине и второй половине XX века в социологической науке были сделаны значительные усилия по объяснению юридико-нормативных, правовых институтов в социальных системах [8, с. 360-451, 779-822, 19, 20].

В последние два десятилетия в социолого-правовых исследованиях утвердилось эмпирическая направленность изучения права [9, с. 34-42], придерживаясь которой социологи руководствуются исследовательской установкой «на самом деле»: как на самом деле судьи принимают решения, на самом ли деле в обществе глубокой социальной поляризацией все граждане равны перед законом и судом, кто на самом деле заинтересован в принятии того или иного закона, как на самом деле законы влияют на поведение людей и т.д. Важность таких исследований не вызывает сомнений. Они показывают, почему «работают» или «не работают» те или иные юридические законы, институты. В качестве препон для практической реализации законов обычно выделяются две группы препятствий. 1. «Плохие законы» (например, несогласованность определённых положений или различные лакуны, содержащиеся в законодательных актах). 2. «Социальные условия» (в частности, рассматриваются социокультурные обыкновения, привычные социальные практики, традиционные ценности, неформальные институты, которые де-факто ограничивают/исключают эффективное функционирование формальных юридических установлений в системе общественных отношений, социуме). Тем не менее, исследовательский спектр социологического постижения права значительно шире, не может ограничиваться изучением проблем взаимодействия формальных и неформальных институтов, имплементации правовых узаконений в различных социальных контекстах. Правовые законы имеют субстанциональное значение в жизни современных обществ. Вместе с тем, утверждение социального порядка, зиждущегося на правлении права, не является тривиальной задачей, учитывая тот факт, что несмотря на то, что любые общества кроме архаичных обладают юридическими установлениями, нужно сознавать, что *lex* («rule of government» - правление посредством норм/правил правителя/государства) не тождественно *jus* («rule of law» - правление посредством норм права, верховенство права), что означает, что не все юридические узаконения, государства и социумы имеют правовую основу. В.С. Нерсисянц – один из крупнейших российских юристов писал, что закон (позитивный юридический закон) соответствует природе и требованиям права лишь тог-

да, когда позитивирует право, а не произвол, в противном случае юридический закон может применяться в антиправовых целях [10, с. 37].

Исходим из того, что глубинная основа социологического изучения права в современных обществах заключается в том, как об этом проныцательно писал К. Поппер, что открытые общества являются абстрактными [11, с. 174-175]. Абстрактное общество, существование которого в чистом виде едва ли возможно, отличается от различных «контактных», «конкретных», «реальных» групп, сообществ, социумов безличным характером социальных отношений. По мысли австрийско-британского учёного, социальные науки такие, как экономика и социология должны изучать абстрактные отношения, поскольку не личностные/персонифицированные связи и отношения, а абстрактные отношения «создают действительные условия для общественной жизни» [11, с. 175].

Представление об абстрактном обществе позволяет сформулировать важное положение, что институциональная матрица современных социумов включает правило комплементарности институтов права и обществ модерна.

Можно усомниться в этом правиле, считать, что правовые законы есть лишь юридическая оболочка, устоявшихся в обществе нравов, культурных стандартов, ценностей и институций, утверждать, что законы, не соответствующие рутинной социальной практике, являются «плохими», полагать, что юридические институты всегда вторичны, а социокультурные – первичны. Безусловно, при изучении континуума отношений «общество и право» можно использовать различные исследовательские подходы, сознавая их возможности, нельзя не учитывать, что важнейшими компонентами институциональных каркасов современных социумов являются правовые установления.

Рассмотрим правило комплементарности правовых институтов и социумов модерна «в действии». Сначала покажем, что правовые законы (С.С. Алексеев) образуют институциональную структуру, позволяющую современным обществам противостоять мощнейшим социальным вызовам таким, как «пещера Полифема», государство-Левиафан, «теорема Карамзина», «дилемма Медисона». Затем рассмотрим вопрос о применимости ценностей и институтов права, являющихся столпами западных обществ и го-

сударств, в странах не западного мира.

Насилие, полностью истоки которого искоренить невозможно, является изначальной социальной проблемой любого общества. Гомеровское описание пещеры Полифема – это образ мира, основанного на силе. Одиссей и его спутники хитростью освободились от жестокого циклопа, спасли свою жизнь бегством из его пристанища. Уход/бегство в ситуациях, связанных с возможностью применения насилия/силы, может быть оправданной линией индивидуального (группового) поведения людей, но не является общим социальным правилом противодействия насилию/силе в жизни общества. Проблема насилия/силы должна решаться на социальном институциональном уровне, в первую очередь посредством принятия и применения юридически обязательных институций.

Есть гоббсовский вариант решения проблемы насилия, как структурирующего начала отношений между людьми. Парадокс состоит в том, что интерпретации происхождения войны всех против всех, описанной английским философом, сводятся к эгоистической природе человека. Между тем, первооснова войны всех против всех состоит в другом. Т. Гоббс писал, что поскольку все люди равны, постольку в естественном состоянии каждый человек имеет «право на всё». В этом корень. «Право на всё» порождает войну всех против всех [12, с. 186]. Таким образом, её главный источник заключается в отсутствии институциональных рамок, устанавливающих и регулирующих права. Чтобы прекратить эту войну нужен общественный договор, которым был бы учреждён социальный институциональный порядок, в том числе, отвергающий право каждого на всё. Конечно, гоббсовский мир, базирующийся на «общей власти, держащей всех в страхе» [12, с. 181], когда «государство Левиафан» в обмен на безопасность изымает у граждан их права и свободы, не является правовым порядком. Что несовместимо с конституционными основами современных обществ. В качестве примера, показывающего значение правовых институциональных основ современных социумов, можно сослаться на статью 1 Конституции Федеративной Республики Германии [13]:

(1) Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти.

(2) Исходя из этого, немецкий народ признает неприкосновенные и неотчуждаемые права человека в качестве основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле.

(3) ... основные права обязательны для законодательной, административной и судебной власти в качестве непосредственно действующего права.

У русского историка Н.М. Карамзина есть высказывание, что России не нужны Конституция и новые законы, а требуются 50 честных и толковых губернаторов [14]. С позиций современной институциональной теории это утверждение означает, что институты не имеют значения. Видимо, автор «Истории государства Российского» не мог помыслить, что, когда отсутствуют официальные установления государственного чиновника, желая осуществить те или иные проекты «на вверенной ему территории», переводит административную работу в режим «ручного» управления, чем большую настойчивость он будет проявлять, тем выше шансы, что ему придётся претворять свои начинания в принудительном порядке.

«Дилемма Медисона» заключается в том, что государство обладает достаточной мощью не только для того, чтобы устанавливать правила (законы) и обеспечивать их практическую реализацию, но также является сильным, чтобы «дозволить» некоторым группам («фракциям» по терминологии Дж. Медисона) использовать государство в их «узких» интересах за счёт общего блага. [15, с. 78-86, 253-260, 345-356]. В противоположность этому современное государство должно не только предупреждать войну всех против всех, но и быть институционально устроено так, чтобы обеспечить правление посредством права [10, с. 62-72], созидать условия для производства общественных выгод [10, с. 59-64] на длительную перспективу, в частности, в виде социально-экономического развития общества, преумножения человеческого и социального капитала. [16, с. 113].

Завершая этот обзор вызовов, возникающих перед обществами, можно сказать, что их решение сконцентрировано в правовых институтах, не в том смысле, что их можно использовать в качестве инструментария для построения идеального общества, а состоит в понимании того, что они являются «работающими» установлениями существующих современных социумов.

Могут ли правовые ценности и институты, порождённые западной цивилизацией, быть использованы в не западных странах? Разбирая этот сложный вопрос, нужно избегать его идеологически мотивированного обсуждения.

Общества модерна не создаются с чистого листа, всякое новое общественное образование вырастает из предшествующего социального порядка. У обществ своя культура и история. Но грядущее не предрешается прошлым. Запрограммированного *step by step* перехода от одного социального устройства к другому не существует, движение в будущее связано с историческими развилками, окнами возможностей. Р. Познер — один из самых известных исследователей в области экономики права, рассматривая вопрос о зависимости права от прошлого, формулирует вопрос: «почему прошлое должно управлять настоящим?» [2, с. 184]. Принято высказываться о вызове будущего, но также можно говорить о вызове прошлого. Общества, избегающие социальных перемен и замыкающиеся в себе, едва ли смогут в исторической перспективе — близкой или отдалённой — избежать цивилизационного и культурного шока и тупика.

Прежде всего, барьеры, препятствующие инкорпорации принципов и институтов права в «социальную ткань» не западных обществ, связывают с проблемой «эффекта колеи» (*path dependency problem*) и представлениями, что современность подрывает культурную и национальную идентичность народов и государств не западного мира.

Разделяем точку зрения нобелевского лауреата по экономике Д. Норта, что термином «эффекта колеи» злоупотребляют или употребляют неверно. Если бы всё, подчёркивал он, что следовало бы знать об этом эффекте состояло в том, что возможности выбора ограничены наследием институтов, накопленным в прошлом, то эта проблема решалась бы заменой «неэффективных» институтов «эффективными», но более глубокое объяснение «эффекта колеи» связано с пониманием того, что накопленные институты привели к созданию групп социальных акторов, существование которых зависит от этих институтов, они будут прилагать усилия, чтобы предотвратить изменения, угрожающие их выживанию [17, с. 83].

Нельзя отрицать возможность значительных трудностей и противоречий «включения»

современных правовых институтов в структуру обществ с различной культурой, но историческая реальность не укладывается в рамки механистических допущений о неизбежном разрушении национальных культур и идентичности в модернизирующихся обществах. Так, например, Япония, Сингапур и Южная Корея освоили западные институты в экономике, политике, праве, но при этом обладают свойственной этим странам уникальной не европейской культурой. Разве можно утверждать, что в Южной Корее национальная культура деградирует, а её граждане утратили национальную идентичность под влиянием Запада в сравнении с не западной Северной Кореей? Сказанное показывает непростые аспекты социокультурной динамики обществ, то, что, с одной стороны, гарантии того, что верховенство права может утвердиться в любой стране, отсутствуют, с другой стороны, что не преодолимых социальных барьеров освоению социумами институциональных устоев обществ, относящихся к другим культурам, цивилизационным порядкам, не существует. Что произойдёт на самом деле, определяется практикой социальных акторов.

Подводя итоги работы, отметим, что институциональная матрица современных социумов включает правило комплементарности институтов права и обществ модерна. Исключения из него неизвестны. Правозаконы структурируют общества таким образом, что права и свободы граждан выступают институциональной основой современных социумов. Общества обладают свойственной им культурой, но неодолимыми барьерами для учреждения и утверждения порядка «*rule of law*» не существует, как не может быть того, что История гарантирует торжество права любой стране, государству.

Литература

1. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
2. Познер Р. Рубежи теории права. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
3. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
4. Мэн Г. Древнее право, его связь с древней историей и его отношение к новейшим идеям. — СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1883.

5. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб.: «Владимир Даль», 2002.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990.
7. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
8. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002.
9. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4.
10. Нерсесянц В. С. Философия права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.
11. Полпер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона; Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – Киев: Ника-Центр, 2005.
12. Гоббс Т. Левиафан. – М.: РИПОЛ классик, 2016.
13. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation (дата обращения: 30.07.2019).
14. Межуев Б. В поисках 50 честных губернаторов [Электронный ресурс]. URL: <https://um.plus/2016/07/29/v-poiskah-50-chestny-h-gubernatorov/> (дата обращения: 28.07.2019).
15. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джейя. – М.: Издательство «Весь мир», 2000.
16. Волков В. В. Государство, или Цена порядка. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
17. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
18. Acemoglu D., Robinson J.A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.
19. Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology. 1996.
20. Luhmann N. A Sociological Theory of Law. N.Y.: Routledge, 2014.
21. Адыгезалова Г.Э. Развитие российской системы права: строительное право как отрасль права // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 3-6.
22. Адыгезалова Г.Э. Эволюция права: от слова к цифре // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 7-10.

Ссылки:

¹В работе под современными обществами (социумами модерна) понимаются открытые демократические общества. Право рассматривается в институциональном плане, как правовой закон.

Методика преподавания английского языка в вузе в социологическом аспекте

Ковалев М.Н.

В статье рассмотрены особенности взаимосвязи социологии и методики преподавания английского языка в вузе, обусловленной потребностями социально-экономического развития общества. Представлены способы и виды организации обучения английскому языку в вузе в рамках социологического подхода на основе применения законов социолингвистики и социальной психологии. Выделены социальные технологии преподавания английского языка в вузе, обеспечивающие социально ориентированный характер изучения иностранного языка не только как объекта овладения, но и как социокультурного явления.

Ключевые слова: социология, методика преподавания английского языка, социолингвистика, социальная психология, языковая среда, межкультурное общение, социальная компетенция.

Kovalev M.N.

Methods of English teaching at University in terms of sociology
The article deals with some relationship features of sociology and methods of English teaching at University due to the needs of socio-economic development of society. Methods and types of English teaching at University are presented according to the sociological approach based on the laws of sociolinguistics and social psychology. The article presents some social techniques of English teaching at University providing social-oriented approach of a foreign language teaching not only as the object of learning but the socio-cultural phenomenon.

Key words: sociology, methods of English teaching, sociolinguistics, social psychology, language environment, cross-cultural communication, soft skill.

В российском обществе давно утвердилось мнение, что успешность и конкурентоспособность современного специалиста на рынке труда зависит от владения иностранным (английским) языком. В целях соответствия выпускников ВУЗов требованиям рынка труда необходимо трансформировать образовательную парадигму преподавания иностранного (в частности, английского) языка.

Модернизация методики преподавания английского языка в современном вузе должна быть направлена на формирование личности студента, владеющего навыками общения на межкультурном уровне. К тому же, использование иностранного (английского) языка для специалистов различного уровня, будь то юристы, инженеры, педагоги и т.д. в профессиональных целях стало потребностью.

В современных условиях унификации международных образовательных стандартов все больше повышается фактор трудовой мобильности специалистов. В этих условиях вовлечение в производственную и научную деятельность невозможно без развитых языковых компетенций. Поэтому необходимо трансформировать представление о значимости дисциплины иностранного языка как вспомогательной при подготовке специалиста и рассматривать навыки владения иностранным (английским) языком не менее значимыми, чем знания и навыки о будущей специальности выпускника.

Отсюда возникает понимание, что стратегическая цель современного обучения иностранному (английскому) языку довольно сложна и многоаспектна. Целью методики преподавания иностранного (английского) языка в современном вузе становится формирование в студентах второй языковой личности, что даст им возможность адекватно социально воздействовать в ситуации межкультурной коммуникации (рис.1).

Межкультурное общение – это общение между представителями различных культур,

Рисунок 1. Цель методики преподавания английского языка в вузе

различных обществ. Не секрет, что культура – это один из элементов общественной жизни. Общество, культура, язык как часть этой культуры неразрывно связаны между собой. Направленность методики преподавания английского языка на формирование в студентах именно межкультурной компетенции говорит о необходимости изучения иностранного (английского) языка в социологическом аспекте.

Обратимся к объяснению понятия «социология». Согласно мнению Э. Гидденса, социология – это «изучение общественной жизни человека, изучение групп и обществ»¹. Обобщая мнение а можно сказать что социология – это наука об обществе и взаимоотношениях людей². С самых общих позиций социология – это наука об обществе, которая исследует представляющие его институты и системы с целью выявления особенности его формирования, функционирования и развития в динамике взаимоотношений между его членами.

По мнению автора, именно с позиции социологии необходимо осуществлять поиск моделей совершенствования преподавания английского языка, так как мотивация для овладения языковой компетенцией лежит именно в области экономического и социального развития общества. Для реализации данного положения необходимо применять прикладные исследовательские концепции смежных с социологии наук – социолингвистики, а также социальной психологии.

Прикладные задачи исследований в области социолингвистики заключаются в определении характера совокупности проблем опреде-

ления функций языка с позиции совокупности социальных факторов на него воздействующих.

В трудах российских социолингвистов Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского были сформулированы ее основы, в том числе в рамках развития достижений французского языковеда А. Мейе, научное наследие которого определило современные направления исследования роли социальных факторов в развитии языка³. Из всех проблем, которые исследуются социолингвистикой, для методики преподавания английского языка в вузах важной является обучение на базе взаимодействия между языком и процессами в обществе, в условиях оценки направления развития языка в различных общественных и профессиональных сферах. Основываясь на такие работы, реализуемые в рамках деятельности Совета Европы как «Общеввропейской компетенции владения иностранным языком» (1996)⁴, а также «Европейского языкового портфеля» (1997)⁵, можно сделать вывод о том, что процессы миграции, состоящей преимущественно из лиц не владеющих европейскими языками, для сохранения целостности языковой культуры необходимо «повышать уровень развития каждого человека, изучающего язык»⁶.

По мнению Пассова Е.И. преподавание английского языка в рамках страноведения и культуры отдельной страны необходимо исследовать совместно с концепцией коммуникативно-иноязычного образования как развития индивидуальности в диалоге культур⁷.

Конвергенция исследований в области психологии и социологии привела к созданию со-

циальной психологии – науки, целью которой является изучение закономерностей поведения и деятельности людей в рамках вхождения, нахождения или выхода из определенных социальных групп. Базовыми направлениями исследований социальной психологии являются:

а) методики оценки и воздействия на психологическую совместимость членов различных социальных групп (по отношению к данному исследованию – учебных);

б) оценку психологических особенностей определенной группы с позиции наличия некоторых присущих ей качеств, реализуемых при принятии решений, осуществлении совместной деятельности. Учебная группа также позволяет сформировать и реализовать такие качества, позволяя ее участникам получить опыт социальных ролей, таких как специалист, исполнитель, руководитель, эксперт.

Следовательно, ключевой компетенцией, которую необходимо развить преподавателю в своих студентах, являются навыки межкультурной коммуникации с представителями других стран. Очевидно, что данная компетенция основана на социологическом подходе, так как для ее реализации необходимо диагностировать и развивать социальную ситуацию.

Социальный характер преподавания английского языка в вузе зависит от создания в учебном заведении языковой среды. В данном случае все зависит от обеспеченности учебного заведения финансовыми и организационными ресурсами. Однако, в качестве рекомендаций стоит предложить следующее. Для организации языковой среды в вузе необходимо предоставить условия доступа к материалам на английском языке. Например, все таблички, все указатели на корпусах вуза можно написать не только на русском, но и на английском языке (в последствии убрать русские надписи), ввести англоязычные меню в вузовской столовой. Прекрасной языковой средой может стать студенческое кафе на базе вуза, в котором будут проводиться определенные дни английского языка, к примеру «англоязычная пятница», когда разговаривать в кафе можно только на английском языке, иначе обслуживаться клиент не будет. Возможно создание курсов академического письма на английском языке, а потом и курсы академического английского. Прекрасной языковой средой может служить центр иностран-

ного языка, где любой студент будет иметь доступ к различным инструментам повышения языковых компетенций. Для этого стоит пополнить библиотеку вуза специальной и художественной литературой на английском, картотечкой фильмов. В таком центре, в холлах вуза, где есть большие телевизоры, можно пустить вещание на английском языке, CNN либо BBC, чтобы живой язык был постоянно.

При невозможности таких глобальных перемены в вузе необходимо сами лекции английского языка социализировать. В ходе обучения необходимо использовать различные инструменты для формирования личностных качеств студентов, позволяющих проявлять эмпатию по отношению к представителям других культур, выражать свое мнение в рамках общих культурных ценностей.

Так, одной из наилучших основ современного преподавания английского языка является *сотрудничество*. При помощи сотрудничества реализуется ориентированный на развитие личностных качеств подход к формированию языковой компетенции, суть которого заключается в том, что общение это не только форма и инструмент получения навыков, но и его конечная цель. Базовая идея технологии может быть определена как формирование условий активной групповой учебной деятельности обучающихся при прохождении разных учебных ситуаций. Происходит объединение студентов в небольшие группы по 3-4 человека. Каждая группа получает одно общее задание. При исследовании кооперативного обучения американские ученые В. Джонсон и К. А. Смит выяснили, что сотрудничество при реализации совместной деятельности возможно только в случае, если при этом существует *положительное взаимодействие участников общения, индивидуальная подотчетность, адекватное использование личностных и групповых умений*⁸.

Языковой навык формируется за счет того, что студенты не только сами должны освоить материал, но и представить его в форме, понятной для остальных обучающихся. Говоря об индивидуальной подотчетности, необходимо понимать в чем заключается участие каждого студента в группе, как оно отразится на результатах всей работы. Для поддержания групповой динамики необходимо идентификация отстающих при выполнении определенного задания.

Все это приводит к возникновению качества ответственности всех членов группы за общий результат. Для этого необходимо применение инструментов педагогического измерения, позволяющих определять уровень и характер вовлечения в работу группы, а также способов и приемов поддержки индивидуальной деятельности в группе, определения ответственности каждого члена группы за конечный результат.

Успешное сотрудничество невозможно без использования умений группы и ее отдельных участников. Невозможно без психологической адаптации достигнуть эффективности группы при освоения языковых компетенций. С этой целью необходимо формирование атмосферы доверия и понимания, поддержки и эффективного предотвращения конфликтов.

Для преподавания английского языка в совокупности с социологией применяется *технология творческих мастерских*, суть которой заключается в открытии для себя студентами новых знаний в рамках коллективной работы, эффективно формируемой преподавателем, позволяющей в том числе рационально принимать обратную связь и корректировать свое речевое поведение.

Автором предлагается следующая систематизация видов творческих мастерских в зависимости от способа реализации и учебных целей:

Мастерская формирования знаний может направить внимание студентов на культурологические аспекты применения языка. В рамках учебной деятельности выявляются соответствия образных выражений, пословиц, поговорок с позиции из социально-культурного значения, исторических фактов, контекста повседневной деятельности, реалий повседневной жизни, ценностей и коллективных целей.

Мастерская творческого письма позволит создать сценарий торжественного события или праздника в учете социально-культурной составляющей, то есть на основании понимания особенностей культуры страны изучаемого языка. Примером такой учебной деятельности может быть сценарий викторины о деятельности президентов США 20-го века.

В рамках *мастерской выявления ценностных ориентаций* осуществляется сопоставление точек зрения в рамках обсуждения определенной темы, например, сопоставление семейных

ценностей русской/британской/китайской культур или обсуждение стереотипных мнений в отношении характера представителей стран изучаемого языка и страны учащегося. В рамках обсуждения студенты могут задавать друг другу уточняющие вопросы, давать обратную связь высказываемым суждениям, и тактично и вежливо представлять другой взгляд на события. Преподаватель при этом может применять соответствующие речевые формулы, суть которых заключается в передаче навыков вежливого выражения несогласия с собеседником, а также ненавязчивой дачи совета, соответствующей типичному для разговора британцев или американцев.

Прием установления ассоциаций предполагает поиск выявить и зафиксировать ассоциации к определенному слову, и далее в паре обсудить их в группе или в парах. Результатом работы является формирование семантического поля с последующим переосмыслением ассоциаций.

Приём «Незаконченное предложение» ориентирован на обучение монологу-рассуждению. Педагог начинает высказывание (цитату высказывания известной личности, отрывок фильма) или пересказывает отрывок текста и дает задание студентам развить представленные идеи. После того, как каждый студент представил свою версию завершения фразы в форме монолога, преподавателем представляется завершение фразы или отрывка текста. Частично, данные суждения могут озвучиваться в паре, где студенты могут готовить совместный диалог, дополняя его деталями.

Следовательно, применение методик преподавания английского языка в ВУЗе основанных на положениях прикладных направлений социологии позволяет сформировать социальные педагогические условия для освоения не только иностранного языка, но и соответствующих культурных ценностей. Все это определено общественным значением языка. При этом ориентация на восприятие иностранного языка посредством социальной составляющей реализуется как посредством подготовки выпускников в осуществлению межнационального общения, а также инструментом исследования окружающего мира, что в итоге приводит к формированию социально развитой личности.

Литература

1. Анишькович Н.Р. Интеграция социальных технологий в преподавании иностранных языков // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам II междунар. науч.-практ. конф. – № 2(2). – М., Изд. «МЦНО», 2016. – С. 12-20.

2. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // ТЕЗИС. Вып. 1. – М.: Начала – Пресс, 1993. безопасность [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://igiti.hse.ru/data/098/314/1234/1_2_1Gidd.pdf.

3. Джонсон Д., Джонсон Р., Смит К. Кооперативное обучение возвращается в колледж. Какие свидетельства есть тому, что оно работает // Дидактика высшей школы: сб. рефератов / редкол.: М. А. Гусаковский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2005. – 162 с.

4. Европейский языковой портфель для России/Н. Д. Гальскова и др. – СПб: МГЛУ; Златоуст, 2001. – 30 с.

5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 512 с.

6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Департамент современных языков. – Страсбург, 2001. – 256 с.

7. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования - М.: Просвещение, 2000. – 174 с.

8. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы / В.А.Ядов. - Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1995. - 328 с.

9. Янковская В.В. Свойства и основной принцип формирования профессионально-педагогического потенциала // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 741-745.

10. Межкультурная бизнес-коммуникация и инновационные проекты в обучении: монография. / Буханцева Ю.В., Бычкова Н.В., Волкова Н.С., Голубева Т.И., Кудряшова Н.В., Дудник Л.В., Ефанова Л.Д., Кайдалова Т.А., Маркова Т.С., Морозова А.В., Невская М.В., Павлюк Л.В., Павлюк Е.С., Паудяль Н.Ю., Пигасова И.В., Путиловская Т.С., Салынская Т.В., Тартынских В.В., Тучкова И.Г., Филиндаш Л.В. и др. Москва, 2015.

11. Путиловская Т.С. Овладение иностранным языком в современной парадигме нелингвистического образования // В сборнике: Лингвокультурное образование в системе вузовской

подготовки бакалавров и магистров. Москва, 2018. С. 39-52.

12. Путиловская Т.С. Принципы разработки контрольных измерительных материалов для оценки речевых и языковых навыков // Вестник университета. 2012. № 8. С. 270-275.

13. Путиловская Т.С. Уровневость как один из принципов формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Актуальные проблемы управления - 2015 Материалы 20-й Международной научно-практической конференции. 2015. С. 231-236.

14. Путиловская Т.С. Тестирование как фактор формирования коммуникативной компетенции // Вестник университета. 2012. № 6. С. 274-280.

15. Данько О.А., Мидова В.О., Минасян Е.Т. Знаково-контекстная модель обучения как концептуальная основа совершенствования языковой компетенций студентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 6-2. С. 98-101.

Ссылки:

¹ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // ТЕЗИС. Вып. 1. – М.: Начала – Пресс, 1993. безопасность [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://igiti.hse.ru/data/098/314/1234/1_2_1Gidd.pdf.

² Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы / В.А.Ядов. - Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1995. - 328 с.

³ А. Мейе Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 512 с.

⁴ Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Департамент современных языков. – Страсбург, 2001. – 256 с.

⁵ Европейский языковой портфель для России/Н. Д. Гальскова и др. – СПб: МГЛУ; Златоуст, 2001. – 30 с.

⁶ Там же

⁷ Е.И. Пассов Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования - М.: Просвещение, 2000. – 174 с.

⁸ Джонсон Д., Джонсон Р., Смит К.. Кооперативное обучение возвращается в колледж. Какие свидетельства есть тому, что оно работает // Дидактика высшей школы: сб. рефератов / редкол.: М. А. Гусаковский (отв. ред.) [и др.]. - Мн.: БГУ, 2005. - 162 с.

Справедливость

в системе социологической бинарности

Кравченко А. И.

Актуальность социологического подхода к осмыслению социальной справедливости обусловлена двумя обстоятельствами: 1) неоднозначность, противоречивость и синкретичность собственно социологических трактовок данной категории, 2) преобладанием в научной и нарративной литературе несоциологических дефиниций социальной справедливости. Собственно говоря, первое отчасти обуславливает второе и еще больше уводит социальную справедливость от ее сущности именно как социального явления в первую очередь. Дихотомия справедливость/несправедливость играет в социальной истории человечества уникальную роль. Наряду с аналогичными дихотомиями, в частности равенство/неравенство, свобода/несвобода или добро/зло, она играет роль яркой метафоры, оценочного инструмента, философской категории, юридического норматива, нравственной ценности, педагогического ориентира, идеологического лозунга, политической цели, психологического чувства, историко-культурной универсалии, наконец, социологического понятия. Аристотель, который ввел понятия справедливости уравнивающей (справедливость равенства) и распределительной (справедливость пропорциональности), дал свое толкование справедливости, из которого исходят и все последующие ее формулировки. Презумпция равенства, отчетливо сформулированная уже Аристотелем, состоит в том, что именно общественное неравенство, а не равенство нуждается в оправдании перед лицом справедливости. У Платона справедливость - добродетель общества. Аристотель разделяет положения Сократа и Платона о совпадении справедливого и законного. Проявление несправедливости в обществе всегда вызывало возмущение, гнев, народные волнения и приводило порой к серьезным социальным и экономическим трансформациям, стремление сделать этот факт достоянием гласности, и восстановить нарушенное равновесие, наказать виновных. В праве справедливое означает действие в границах закона, несправедливое - его нарушение. В этике справедливость - понятие о должном, соответствующее определенному пониманию сущности человека и его месте и роли в обществе и мире. В основе - признание равенства между всеми людьми и необходимости соответствия между деянием и воздаянием за добро и зло. Ключевые слова: бинарность, справедливость/несправедливость, равенство-неравенство, социология.

Kravchenko A.I.

Justice in the system of sociological binary

The urgency of the sociological approach to understanding social justice is due to two circumstances: 1) the ambiguity, contradictoriness and syncretism of sociological interpretations of this category proper, 2) the predominance in the scientific and narrative literature of the non-sociological definitions of social justice. Strictly speaking, the first is partly conducive to the second and further leads social justice away from its essence precisely as a social phenomenon in the first place.

The dichotomy of justice / injustice plays a unique role in the social history of mankind. Along with similar dichotomies, in particular equality / inequality, freedom / non-freedom or good / evil, it plays the role of a bright metaphor, assessment tool, philosophical category, legal norm, moral value, pedagogical reference point, ideological slogan, political goal, psychological sense, historico-cultural universals, and finally, the sociological concept. Aristotle, who introduced the concepts of equitable equality (justice of equality) and distributive (justice of proportionality), gave his interpretation of justice, from which all subsequent its formulation proceeds. The presumption of equality, clearly articulated already by Aristotle, is that it is social inequality, and not equality, that needs to be justified in the face of justice. Plato's justice is the virtue of society. Aristotle shares the position of Socrates and Plato on the coincidence of the just and legitimate. The manifestation of injustice in society has always aroused indignation, anger, popular unrest and sometimes led to serious social and economic transformations, the desire to make this fact public, and restore the disturbed balance, to punish the perpetrators. In the right, justice means action within the bounds of the law, unjust - its violation. In ethics, justice is a notion of what is proper, corresponding to a certain understanding of the essence of man and his place and role in society and the world. At the heart is the recognition of equality between all people and the need for correspondence between the act and the reward for good and evil.

Key words: binary, justice / injustice, equality-inequality, sociology.

Этимология и эпистемология

Этимологически русское слово «справедливость» с очевидностью восходит к слову «правда», родственному (или, по крайней мере, созвучному) слову «праведность». В европейских языках соответствующие слова указывают на происхождение от латинского слова «iustitia» — «юстиция», свидетельствующего о его связи с юридическим законом. В старинном значении слово «правда» означало и установленный закон. В Словаре В. Даля «справедливость» также приравнивается слову «правда», однако в значении «правосудие», а основное слово — «правильный», «сделанный законно», а затем уже «по правде», «по совести», «по правоте». Дуэт социальная справедливость/несправедливость появился в европейском культурном лексиконе в середине 1850-х годов, поскольку он часто использовался в католических текстах, передавая фундаментальную идею о том, что все члены общества должны иметь равные преимущества и возможности. Раньше термин «социальная справедливость» касался нищеты и необходимости равного распределения ресурсов. Сегодня он приобрел более широкое звучание, включая в том числе вопросы неравенства, дискриминации и сегрегации, подразумевающие конкретные способы морального обращения с индивидами¹.

По всей видимости, чувство справедливости незримо закладывается в соблюдение любой нравственной нормы. Справедливость предполагает за равное деяние равную плату. Мы спрашиваем: почему я должен работать так много, если другие трудятся так мало? Почему я должен жить в бедности, если другие живут в богатстве? Почему я должен не воровать, если другие крадут? Выходит так, если мне делают добро, то и я буду добр. А если нет? Тогда — извините. Подобным образом мы рассуждаем в повседневной жизни. Но есть ли это подлинная нравственность? Справедливость является одним из принципов, регулирующих взаимоотношения между людьми по поводу распределения (перераспределения), в том числе взаимного обмена социальными ценностями. Функцию

таких ценностей могут выполнять свобода, благоприятные возможности, доходы и богатства, знаки престижа и уважения и т.д. Справедливыми считают людей, исполняющих закон и отвечающих добром на добро, а несправедливыми – чинящих произвол, нарушающих права других людей (лишающих их свободы и имущества). Справедливым признается награда каждому по заслугам и соответственно несправедливым – незаслуженные почести и наказания. Справедливым признается исполнение обязательств, даже тех, которые неявно подразумеваются.

Справедливость есть воздаяние каждому должного. Как этическая категория она не всегда эквивалентна экономической рациональности, поскольку последняя выражает стремление индивидов к максимизации своих благ, а первая – стремление общества максимизировать выгоду для всех. В противоречии между всеми и одним кроется драма и загадка несправедливости. Она возникает, когда один человек начинает возмущаться: у всех это есть, а у меня этого нет – несправедливо. Либо инверсивная ситуация: почему у всех этого нет, а у соседа это есть – несправедливо. Когда у вас отсутствует эмоциональная оценка несоответствия между должным и реальным, несправедливости, как правило, не возникает: вы равнодушно взираете на хоромы соседа потому, что для счастья в жизни составляют дети, занятия дайвингом, созерцание природы или научные занятия. Нет зависти – нет несправедливости. Зависть рождает возмущение, возмущение ведет к практическому действию – наказать или уравнять.

Древнегреческие мыслители рассматривали справедливость как общественную добродетель. Сократ утверждал, что если кто из родных или друзей совершит несправедливость, то скрывать этого нельзя, – надо идти в суд и объявить о прегрешении близкого человека и, таким образом содействуя наказанию, помочь родичу или другу освободиться от зла. Совершить несправедливость, конечно, зло, но не самое большое. Самое большое зло заключается в том, чтобы совершить несправедливость и остаться безнаказанным. У Платона справедливость – одна из четырех добродетелей идеального государства. Она венчает ряд доблестей, без которых такое государство невозможно: мудрость, мужество, благоразумие. Справедливость присуща всем слоям общества, она обеспечивает

им возможность делать то и только то, к чему они призваны. Согласно учению Аристотеля, справедливость управляет другими добродетелями. Благодаря закону она предписывает, в каких делах человек проявляет себя мужественным, а в каких – благоразумным. Человека, склонного к порокам, например к трусости или предательству, называют подлым и несправедливым. От Аристотеля идет традиция различения двух видов справедливости. Первая заключается в распределении почестей и материальных благ между гражданами по достоинству, пропорционально заслугам. Вторая призвана уравнивать стороны, участвующие в обмене, независимо от критерия достоинства. А современные философы сравнивают справедливость с истиной. Через всю историю философии проходит мысль о том, что справедливость – это то, что содействует общему благу. Аристотель – создатель общей теории социальной справедливости, частные теории возникли уже в Новое время.

Главной целью справедливости, по мысли английского философа Фрэнсиса Бэкона, является забота об общем благе. Представители общественно-политической мысли XVII в. Томас Гоббс и Бенедикт Спиноза связывали свои представления о справедливости с главным политическим институтом общества – государством, ибо оно воплощает дух разума в своих законах и единственно способно их защитить. Другой сторонник теории общественного договора французский просветитель Ж.Ж. Руссо обосновал право народа на восстановление нарушенной справедливости путем насильственного низвержения власти. Американский просветитель Б. Франклин считал справедливость всеобщим принципом – основой личной морали и поведения отдельного человека. А немецкий философ Иммануил Кант утверждал, что свобода индивида является первейшей предпосылкой справедливости в отношениях между людьми. Опираясь на его идеи, современный теоретик либерализма Джон Ролз связывает идею справедливости с равной долей общественных благ, но он вносит и важное дополнение: мы относимся к людям как к равным, если устраняем не все неравенства, а только те, которые причиняют кому-то ущерб. Если общество ограничивает доступ к получению престижного образования или качественному медицинскому об-

Таблица 1
Основные виды неравенства

Вид	Определение
Социальное неравенство	неравномерное распределение дефицитных ресурсов (социальных благ) – денег, власти, образования и престижа – между различными стратами или слоями населения
Экономическое неравенство	неравномерное распределение экономических ресурсов – доходов и собственности – между различными стратами или слоями населения
Политическое неравенство	неодинаковый доступ к источникам власти и участию в принятии управленческих решений различных групп населения
Гендерное неравенство	неравномерное распределение дефицитных ресурсов (социальных благ) – денег, власти, образования и престижа – между мужчинами и женщинами
Культурное неравенство	неодинаковый доступ к культурным благам различных групп населения

служиванию только потому, что у человека нет или очень мало денег, то такой порядок вещей расценивается как *социальная несправедливость*. Существует еще одно значение слова «справедливость» - это когда человеческие отношения, законы, порядки и т.п., соответствуют нормам и требованиям.

Как правило, три понятия – неравенство, равенство и справедливость – анализируются в тесной связи друг с другом. Молодые революционеры в 1917 г. хотели утвердить на одной шестой части суши социальную справедливость, для чего стремились уничтожить социальное неравенство и всех людей сделать равными. Но оказалось, что достичь идеала совсем непросто. Если два человека вносят разный трудовой вклад в процветание общества, то их равный доход будет оценен одним из них как несправедливая оценка его заслуг. Социализм так и не смог утвердить устраивающее все слои населения справедливое общество. Правящий класс располагал большим количеством благ и лучшими жизненными шансами. Именно скрывавшаяся внутри него социальная несправедливость и социальное неравенство погубили этот прекрасный по своей идее общественный строй. Политолог Стивен Брамс из Университета Нью-Йорка и его коллеги - математики и экономисты - считают, что делёж будь то пищи, земли или денег “идеа-

лен” тогда, когда он эффективен, равен и не вызывает зависти.

Справедливость можно трактовать как стремление к обоюдовыгодному для спорящих сторон балансу потерь и выгод при решении спорного вопроса, например, о том, какую зарплату работодатель должен выплатить работнику, какое вознаграждение индивид должен получить за оказанную услугу, какую территорию побежденная сторона должна уступить победившей. Проблема справедливости возникает только там и только тогда, где и когда есть нерешенная проблема или простой вопрос, вдруг ставший неразрешимой проблемой. Несправедливость – это решение вопроса в пользу одной из сторон с точки зрения другой стороны. Справедливость – это беспристрастное, справедливое отношение к кому-либо или к чему-либо. Несправедливо, когда воруют по-крупному, а наказывают их по-мелкому, и наоборот, тех, кто ворует по-мелкому, страдает по-крупному. Причина: наши суды судят не по закону, а по совести. Справедливый человек тот, кто действует беспристрастно (без заранее сложного отрицательного мнения о ком-либо, чем-либо) в соответствии с истиной.

Социальная несправедливость очень своеобразно связана с социальным неравенством. Нет пропорционального отношений между ними: чем больше неравенства, тем больше не-

справедливости. При социализме всех стремились сделать равными, однако передовики труда считали несправедливым, что трудятся по-разному, а получают одинаково (табл. 1).

Равенство как социальный референт справедливости

Социальным референтом или эквивалентом нравственного чувства несправедливости выступает социальное *неравенство* – между социальными группами и классами, странами и нациями, партиями и движениями, между индивидами – по поводу доступа к социально значимым ресурсам: власть, деньги, территория, природные ископаемые, образование, статус, чувства. Аристотель различал два вида справедливости: *уравнительную* и *распределительную*. Первая является простым, “арифметическим равенством”, она действует в области гражданско-правовых сделок (возмещение ущерба). Вторая является “геометрическим равенством”, она предполагает распределение благ пропорционально вкладу в общее дело (от каждого по способностям, каждому – по труду). В “Никомаховой этике” Стагирит писал о том, что общественная справедливость подразумевает пропорциональность, но не равенство. Общество, учил Аристотель, держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности. Рабство, по Аристотелю, столь же естественны, как и отличия людей друг от друга. В силу такого отношения к рабству Аристотель считал войну с варварами для их обращения в рабство естественной справедливостью. *Презумпция равенства* Аристотеля предполагает, что равенство в обществе существует «по умолчанию», а неравенство нуждается в серьезном оправдании перед лицом справедливости. Для оправдания и допущения социального неравенства надо привести основательные аргументы, отталкивающиеся от принципов морали, религии, метафизики или беспристрастного анализа сложившихся условий жизни.

Равенство имеет три значения: 1) равенство перед законом, легальное (формальное) равенство – выражается в равенстве всех граждан перед законом (это относительно новое понимание равенства, появившееся в Западной Европе в XVII–XVIII веках); 2) равенство возможностей – каждый имеет одинаковые шансы добиться в жизни всего, чего заслужил благодаря

своим достоинствам и способностям (с этим связана проблема социальной мобильности, неосуществившихся желаний, неудачного стечения обстоятельств, помешавших реализовать, недооценки заслуг и непризнания, неравного жизненного старта); 3) равенство результатов – каждый должен иметь одинаковые стартовые возможности независимо от таланта, усилий и способностей (идеальным воплощением такого равенства является социализм). Сегодня социологи различают три типа равенства: *социальное равенство* как отсутствие классов и со-словий, деление людей на бедных и богатых; *экономическое равенство* как одинаковое отношение к средствам производства (орудиям труда и земле) и продукту труда (пище); *политическое равенство* как отсутствие управляющих и управляемых, господствующих и подчиненных. Три трактовки равенства не всегда совместимы между собой. Известный американский экономист и философ Ф. Хайек полагал, что соединение равенства возможностей и равенства результатов уничтожает равенство перед законом. Происходит это потому, что для достижения равенства результатов приходится нарушать принцип равенства всех перед законом и применять разные правила по отношению к простым и власть имущим. Нарушение равенства перед законом не обязательно происходит по злему умыслу. К примеру, пенсионеры, инвалиды и женщины имеют неравные возможности и способности к труду, если им не давать привилегии, то уровень их жизни резко снизится. Ф. Хайек считал: неравенство – необходимая плата за материальное благополучие в рыночном обществе.

Все общества, за исключением простейшего охотников и собирателей, характеризуются всеми тремя типами неравенства, выделенными М. Вебером в понимании власти: неравенство вознаграждения, неравенство статусов, неравенство доступа к политической власти. Согласно гипотезе Герхарда Ленски (1970), степень неравенства в разные исторические эпохи различна. Глубоким неравенством характеризовались эпохи рабовладения и феодализма. Меньшую степень неравенства в промышленном обществе Г. Ленски объясняет меньшей концентрацией власти у управляющих, наличием демократических правительств, борьбой за влияние между профсоюзами и предпринимателями, высоким

уровнем социальной мобильности и развитой системой социального обеспечения, которая повышает жизненный уровень неимущих до определенных, вполне приемлемых стандартов. Иные точки зрения на динамику неравенства высказывали К. Маркс и П. Сорокин.

Согласно Марксу, минимальное неравенство либо его полное отсутствие наблюдалось в первобытно-общинном строе. Неравенство появилось и стало углубляться в антагонистических формациях (рабовладение и феодализм), достигло максимума в период классического капитализма и будет нарастать быстрыми темпами по мере развития данной формации. Теорию Маркса можно назвать «эскалацией неравенства». Его теория абсолютного и относительного обнищания пролетариата гласит, что «богатые становятся богаче, а бедные — беднее». В противоположность К. Марксу П. Сорокин утверждал, что постоянного увеличения или уменьшения неравенства в истории человечества не существует. В разные эпохи и в разных странах неравенство то увеличивается, то уменьшается, т.е. флуктуирует (колеблется).

Равенство–неравенство, справедливость– несправедливость

Обозначим пары понятий *равенство-неравенство*, *справедливость-несправедливость* символами:

Равенство — Р, неравенство — неР (¬Р),
справедливость — С, несправедливость — неС (¬С).

Большинство социологов сходится во мнении, что социальная неС — это всегда либо чаще всего есть неР. Зафиксируем логическое выражение данного тождества:

$$\neg C \equiv \neg R,$$

где \equiv означает конгруэнтность (Approximately Equal To; \cong). Зеркальная ей формула $C \equiv R$ также формально выполняема: равенство всегда или в большинстве случаев означает справедливость.

Конгруэнтность как геометрическое равенство нас не должна смущать. В социологическом, как и в геометрическом, смысле речь идет не о точном математическом равенстве двух величин (равенство и справедливость не являются точными величинами, хотя могут выполнять функцию переменных при соответствующем

использовании метода шкалирования), но об эквивалентности (приблизительном равенстве, сходстве) множеств их эмпирических референтов. Иначе говоря, всякий раз либо в большинстве случаев, когда мы говорим о несправедливости (распределения доходов, налогов, зарплаты, привилегий и т.д.), мы подразумеваем неравенство в обществе в целом или в его конкретной сфере. Такова позиция общественного мнения как населения, так и научного сообщества.

Между тем существует множество случаев, когда исходное тождество не выполняется, и возникают другие комбинации. Так, например, официальная точка зрения советских властей заключалась в том, что при социализме равенство всегда означает справедливость: $R = C$. Иногда власти допускали послабление и считали, что «в большинстве случаев», т.е. выполнялось приблизительное равенство $R \cong C$.

Равная оплата труда и соответствующее этому равенство доходов характеризует солидарность людей вокруг базовых ценностей, равенство прав и возможностей, справедливое устройство общества. Однако неофициальная точка зрения, существовавшая в годы советской власти в научных кругах и отчасти общественном мнении, подразумевала, что равенство в оплате труда часто или всегда вызывает чувство несправедливости потому, что: 1) труженик и лодырь вознаграждаются одинаково; 2) при равенстве наступает демотивация труда — желание работать больше и лучше; 3) уравниловка служит основным тормозом развития социализма, не позволяя ему догнать и перегнать капитализм; 4) выполняет функцию антисоциальной нормы поведения, санкционируя нарушения трудовой дисциплины и товарищеских отношений в коллективе. Отсюда логически следует формула $R \cong \neg C$.

Таким образом, исходное уравнение $\neg C \equiv \neg R$ распадается на множество уравнений, отражающих разное состояние общества (в том числе его политический режим и экономический уклад), разную степень его социальной зрелости и различные формы организации совместной деятельности людей. К первому уравнению добавляются еще три других, логически с ним связанных: $R \cong \neg C$; $C \equiv R$; $C \equiv \neg R$.

Что означают новые уравнения? Первые две (и их варианты, вызванные перестановкой пе-

	РАВЕНСТВО	НЕРАВЕНСТВО
СПРАВЕДЛИВОСТЬ	$C \cong P$	$C \cong \emptyset P$
НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ	$P \cong \emptyset C$	$\emptyset C \cong \emptyset P$

Рис. 1. Логический квадрат понятий, связанных с несправедливостью.

ременных в уравнениях) мы уже рассмотрели. Формула $\neg P \cong C$ (или $C \cong \neg P$) определяет характерную черту капитализма с точки зрения господствующего класса, а именно: неравенство в обществе – это справедливая цена за более высокий риск предпринимательства, владение неодинаковой собственностью, филантропию, отчисление налогов и, наконец, управление обществом. Неравенство стимулирует движение капитализма и позволяет сильным управлять слабыми. С точки зрения подчиненных классов (среднего и низшего), неравенство при капитализме несправедливо потому, что вызывает дискриминацию и нарушение прав человека, ведет к социальной напряженности и разрушает солидарность общества.

Попробуем обобщить сказанное в формуле логического квадрата (рис. 1).

Социальная справедливость должна рассматриваться как ценность и как ценностная ориентация. Расшировка социальной справедливости как всеобщей ценности людей можно найти во всех словарях: 1) Справедливость – понятие и требование соответствия деяния и воздаяния (в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём); 2) в экономической науке – требование равенства граждан в распределении ограниченного ресурса; 3) в юриспруденции – требование равенства граждан перед законом; 4) социальная справедливость – обобщенная нравственная оценка общественных отношений; 5) справедливость – понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия.

Справедливое распределение, пусть и не совсем равное, социальных благ в обществе (по труду, по квалификации, по способностям или другим основаниям) во все времена почиталась как самая важная ценность наряду с добром и

свободой. Однако ее содержание слишком абстрактное – что есть справедливость? Насыщение конкретным содержанием и, следовательно, интерпретация справедливости превращает ее из всеобщей ценности в конкретную ценностную ориентацию. Если каждый индивид трактует социальную справедливость по-своему, то это должно считаться личной ориентацией. Если он придерживается групповой трактовки – политической партии, семьи, референтной группы, – то это уже групповая ценностная ориентация.

В качестве своей первой функции – всеобщей ценности – социальная справедливость может выступать целью общества, написанной на идеологических знаменах той или иной политической партии или общественного движения. Как ценность справедливость превращается в некий эталон, с которым сравнивают существующий строй, заветную цель, к которой следует стремиться, основание критики правительства (например, несправедливая распределительная политика) и даже критерий выбора друзей, межличностных отношений и круга общения. Всякий раз под социальной или нравственной справедливостью каждый человек может понимать совершенно разные вещи. Однако при пестроте мнений существует некоторый общий всем набор социальных стереотипов, которых придерживаются а) все, б) каждый. К примеру, в оценочный компонент справедливости, т.е. в справедливость как ценностную ориентацию, могут входить такие максимы поведения и отношений, как поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они с тобой поступали, или не наноси другим вреда больше, чем они наносят тебе.

Когда люди не находили социальной справедливости в настоящее время и в существующем строе, они переносили ее в 1) прошлое: золотой век в античности, советское время сегодня, б) в будущее: бесклассовое коммунистическое общество как светлое будущее всего человечества; обретение справедливости в загробном мире (религиозные представления). Индивиды, занимающие активную жизненную позицию, не откладывали осуществление своей мечты на будущее и не ностальгировали по прошлому, а занимались политическим активизмом – от организации демонстраций до создания групп заговорщиков и революционного свер-

жения существующего строя. Создание Робертом Оуэном утопической коммуны – один из мирных примеров воплощения мечты о социальной справедливости, организация социалистической революции большевиками – пример не мирного способа утопических мечтаний². Активизация классовая борьбой – пример политического протеста против социальной несправедливости.

Функциональная трактовка неравенства

Первыми в защиту социального неравенства как необходимого элемента стратификации, выполняющего позитивные функции, выступили в 1945 г. Кингсли Дэвис и Уилберт Мур. Под стратификацией они понимали неравномерное распределение материальных благ, властных функций и социального престижа в зависимости от функциональной важности (значимости) позиции. Важность позиции определяется оценкой ее, во-первых, личностью в качестве объекта социального действия, во-вторых, самого общества. По мнению К. Дэвиса и У. Мура, «каждое общество независимо от того, является оно простым или сложным, должно дифференцировать людей по престижу и уважению и должно иметь определенную степень институционализованного неравенства». Социальное неравенство представляет собой естественно эволюционирующий механизм, благодаря которому общество обеспечивает в продвижение на важнейшие позиции наиболее квалифицированных лиц.

Однако точно определить, какие именно позиции наиболее важны для общества, весьма затруднительно. В разных обществах одни и те же позиции в стратификации могут оцениваться по-разному, но в любом обществе есть позиции, которые требуют специфических способностей и подготовки, функционально более важные, чем другие позиции. Скажем, позиция управляющего компанией функционально более важна, чем позиция грузчика. Обе позиции необходимы компании, но позиция менеджера требует специфических способностей и подготовки.

Таким образом, социальное неравенство выполняет ряд очень важных функций. Напротив, всеобщее равенство лишает людей стимулов к продвижению, желания прилагать макси-

мум усилий и способностей для выполнения обязанностей (они будут считать, что получают за свою работу не больше того, что они получили бы, ничего не делая весь день).

Функциональная теория неравенства У. Мура и К. Дэвиса легла в основание созданной ими теории социальной стратификации и управленческой иерархии. Функциональная теория стратификации исходит из: 1) принципа равных возможностей; 2) принципа выживания самых приспособленных; 3) психологического детерминизма, согласно которому успех в работе предопределяют индивидуальные психологические качества – мотивация, потребность достижения, интеллект и т.д.; 4) принципов трудовой этики, согласно которой успех в работе является знаком Божьей милости, неудача – результатом только недостатка хороших качеств и т.д. Согласно функциональной теории стратификации и неравенства, высшие управленческие посты в обществе должны занимать самые способные и квалифицированные люди. Чем выше место в иерархии, тем более способным и квалифицированным должен быть человек. Чем выше место в иерархии, тем более качественными должны быть принимаемые управленческие решения. Чем выше качество принимаемого решения, тем выше должна быть ответственность за принимаемое решение, тем больше властных полномочий для проведения в жизнь данного решения должен иметь этот человек. Чем выше качество и ответственность за принимаемое решение, тем более жестким должен быть отбор кандидатов, претендующих на высокие места в иерархии. Максимально жесткими фильтры-барьеры должны быть на верхних ступенях пирамиды.

Теория У. Мура и К. Дэвиса направлена на объяснение позитивных и негативных последствий неравенства. Среди негативных последствий надо назвать социальное возмущение неравенством, которое иногда перерастает в открытый конфликт. Элита и группы наиболее богатых, стремясь сохранить свои привилегии и преимущественное положение в обществе блокируют продвижение наверх талантливых и предприимчивых представителей низов. Неравенство питается пассивностью низов, смирившихся со своей судьбой и фаталистически верящих в то, что при существующей системе прав-

ления у них никогда не будет шансов выдвигнуться и активно участвовать в политической жизни страны.

В традиционном обществе наблюдается так называемый *эффект консервации неравенства* — оно обладает завидной устойчивостью и передается из поколения в поколение. Отсутствие динамизма в общественной жизни в значительной части объясняется преобладанием сельского населения в социальной структуре общества и сельского образа жизни — в традициях и обычаях народа. Сельская община малоподвижна, инертна, невосприимчива к товарно-денежным отношениям и социальным перемещениям. В деревенском социуме преобладают многодетные семьи и малообеспеченное население, дети наследуют те же статусные позиции и властные возможности, что были у родителей. Восходящей мобильности в таком обществе, если речь идет о низших классах, практически нет либо она очень незначительная. Сословное общество — как тип закрытой социальной системы — можно назвать увековеченным неравенством, замкнутым кругом бедности и нищеты.

Социальное неравенство с специфической формой социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. Под неравенством понимается неодинаковый доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти. Неравенство существует во всех обществах. Для измерения неравенства используют два показателя — богатство (запас активов) и доход (поток денежных поступлений в единицу времени). Самый распространенный и легкий в расчетах способ измерения неравенства — сравнение размеров самого низкого и самого высокого доходов в данной стране. П. Сорокин сравнивал таким образом различные страны и различные исторические эпохи. Например, в средневековой Германии соотношение высшего и низшего доходов составляло 10000:1, а в средневековой Англии — 600:1.

По уровню неравенства и бедности (второе — следствие первого) можно сравнивать между собой индивидов, народы, страны, эпохи. Кросс-

исторический и кросс-культурный анализы широко используются в макросоциологии. Они раскрывают новые аспекты развития человеческого общества. Социальное неравенство — результат неравного распределения экономических благ. В 1972 г. в Англии 20% самых богатых и зажиточных англичан владели 82% богатства, а на долю оставшихся 80% приходилось 18%. Со временем подобная тенденция мало изменилась, поскольку не изменился экономический строй общества. Межстрановой анализ, выраженный в децильных коэффициентах, показал, что в современной России уровень неравенства находится на отметке 12–13 (в СССР он не превышал 5, в Швеции — 6). Это наглядно свидетельствует об углубляющемся разрыве между тонким слоем богатых и нищающим большинством общества.

Социологи доказали, что разные группы населения имеют неравные жизненные шансы. Они покупают разное количество и разного качества продукты питания, одежду, жилье и т.д. Люди, имеющие больше денег, лучше питаются, живут в более комфортных домах, предпочитают личный автомобиль общественному транспорту, могут позволить себе дорогой отдых и т.д. Но кроме явных экономических преимуществ зажиточные слои имеют скрытые привилегии. У бедных короче жизнь (даже если они пользуются всеми благами медицины), менее образованные дети (даже если они ходят в те же самые общественные школы) и т.д. Однако социальное неравенство может быть выражено в терминах не только классовой, но гендерной и расовой стратификации. При равных доходах дети черных и цветных родителей могут иметь худшие жизненные шансы, чем дети белых.

Субъективные аспекты справедливости

Справедливость — субъективная оценка социального неравенства, в зависимости от того, правильным путем развивается общество или неправильным, справедливым или несправедливым по отношению к самим людям является разрыв в доходах. Одни могут считать неравенство совершенно справедливым и правильным, полагая, что неравенство в получаемых доходах объективно отражает неравенство трудовых вкладов в общее дело: чем выше производительность труда, тем выше должна быть его

оплата, а, стало быть, и семейный доход. Увеличивающееся неравенство происходит от того, что трудовой вклад семьи, ведущей праведный и трезвый образ жизни, накапливался ни одного поколения, а накопленное богатство закреплялось государством в специальных законах, охраняющих право собственности. Законами о наследовании общество как бы поощряет трудолюбие, праведность, бережливость, не позволяя людям легкомысленным и ленивым посягать на имущество и мгновенно обогащаться за чужой счет. Такова философия, оправдывающая справедливость неравенства в обществе. Она существует многие сотни, если не тысячи лет, выглядит вполне уместно и с социальной, и с юридической точек зрения.

Ее противники считают неравенство несправедливым по иным соображениям. Они обвиняют своих оппонентов в узости взгляда на мир и полагают, что на бедность и происхождение богатства влияет не один фактор – трудолюбие, а несколько одновременно, действующих почти независимо друг от друга. Они приводят множество несокрушимых фактов в пользу того, как представители самого «трудолюбивого класса» вдруг начинают вести праздный образ жизни, погрязают в разгулах и разврате, но богатства у них не отбирают. Более того, вельможных сыночков правительство всячески выгораживает, когда те совершают преступление. Если последовательно придерживаться критерия трудолюбия и праведности, то поступать так нельзя. Но это происходит на каждом шагу, следовательно, наряду с этим критерием в происхождении богатства замешаны другие факторы.

Первый среди них – узурпация власти в обществе. Как только группа людей накапливает – благодаря удобному законодательству – немалые состояния, она прибирает к рукам политическую власть, а вместе с ней суды, полицию и армию, подавляя с их помощью любое возмущение людей. Этот фактор не имеет никакого отношения к трудолюбию и праведной жизни, независим от них и действует даже в противоположном направлении.

Второй фактор – жизненные шансы: везение, благоприятные обстоятельства, счастливый случай. И этот фактор никак не связан с трудолюбием и праведностью. Фортуна слепа и способна вознаграждать тех, кто этого не заслу-

жил, не отличается высокой нравственностью или прилежанием.

Третий фактор – образование. Высокое образование позволяет получать более высокие доходы, а низкое – оставаться на дне общества, занимаясь малоквалифицированным трудом. В рыночном обществе, а их подавляющее большинство, за учебу приходится платить, стало быть, у бедных меньше возможности получить приличное образование и продвинуться по службе. Этот фактор лишь наполовину независим от трудолюбия и праведности, поскольку известно немало случаев, как бедные студенты благодаря своему прилежанию получали блестящее образование и «выходили в люди».

Четвертый фактор – талант. Способность быть удачливым предпринимателем часто даруется природой, и в этом смысле не зависит от трудолюбия и праведности. Многие богачи в США сколотили несметные богатства единственно благодаря личным навыкам, изобретательности, смысленности, хитрости, а то и откровенному цинизму. При этом они не имели престижного или профильного для их дела образования.

Пятый фактор – удачная женитьба. И этот фактор никак не связан с трудолюбием или праведностью. Он даже не предполагает наличия предпринимательского таланта, но зависит от каких-то иных – внутренних или внешних данных, – вызывающих симпатию у противоположного пола.

Противники философии справедливого вклада указывают на то, что производительность труда не только неспособна отражать истинную меру трудового вклада в общее дело, но даже маскирует и искажает его. Американские экономисты подсчитали, что в период между с 1973 по 1998 г. производительность труда в США повысилась на 33%. Если бы такими же темпами росла заработная плата, то рабочие в год должны были получать на 11000 долл. больше. Но разницу богачи положили себе в карман. Между прочим, на повышении производительности труда топ-менеджеры корпораций наживают фантастические барыши: если в 1980 г. их жалование равнялось заработной плате 42 промышленных рабочих, то в 1998 г. – 419 рабочих.

Таким образом, в обществе существует очень много факторов происхождения богатства, которыми никак не назовешь справедли-

выми или такими, которые прямо с ней связаны. Никто еще не провел научного исследования, задавшись выяснить, вклад каких именно факторов – справедливых или несправедливых – в происхождение человеческого богатства больше.

Социальная несправедливость – это субъективная оценка социального неравенства с позиций своего социального статуса. Она формируется на личностном уровне, а заканчивается на глобальном. Справедливость – стержень Я-концепции по отношению к окружающей среде и оценки отношения человека к самому себе: меня несправедливо оценивают в школе, в семье, во дворе, в компании сверстников. Результатом является всплеск адреналина и буря эмоций: жалость к себе, желание отомстить обидчикам, зависть к тем, у кого больше или лучше и др.

Несправедливость – болезненно переживаемое нравственное несоответствие между тем, каким, по мнению данного человека, должен быть порядок вещей, и тем, каков он, опять по его точке зрения, на самом деле. По представлениям ребенка, его мать должна любить его больше всех, а любит исключительно, как ему кажется, его младшего братика, только что появившегося на свет. Много работающий и мало получающий человек чувствует несправедливость от того, что его сосед, меньше его работающий, получает больше его.

В исследовании И.С. Урсу и П.В. Соломина была предпринята попытка изучить представление о социальном неравенстве в среде российской молодежи³. Авторы опросили в 1998-2000 гг. более 200 учащихся 10 и 11 классов двух гимназий г. Волхова и г. Кировска, а также двух лицеев г. Кингисеппа и г. Гатчины. Выборки носила многоступенчатый и целенаправленный характер. Выяснилось, что 9,0% респондентов положительно отнеслись к росту имущественного неравенства, 45,3% – безразлично, 34,3% – отрицательно. Еще 10,9% затруднились занять одну из предложенных трех позиций. Итак, чуть более 1/3 отрицательно отнеслись к росту имущественного неравенства. И это при том, что более 2/3 отнесли материальный достаток своих родителей к среднему уровню, 17,4% – к низкому, 2,1% – к высокому. Таким образом, в основе ответов учащихся на вопрос об имущественном неравенстве людей в современной России лежит комплекс факторов,

в первую очередь, социально-психологического характера.

Справедливость как предмет торга и тема дискурса

Справедливость – не только внутреннее желание восстановления поправных прав или ущемления себя со стороны других. Это еще и предмет скрытого торга. Теория общественного договора Гоббса и Локка предполагает: для того чтобы достичь в обществе гражданского мира, каждый из нас должен отказаться от части своих прав и свобод и делегировать их коллективному центру власти – государству. Власть в таком случае есть законное (свободно дарованное гражданами) право применять насилие в рамках действующего законодательства, все пункты которого, если общество демократическое, действующие в качестве запретов, установлены по согласованию с гражданами. Для своей целостности государство иногда вынуждено запрещать и те свободы, которые граждане считают своим неотъемлемым (не отбираемым и не дарованным государству) правом, а правительство считает их покушением на государственную безопасность. От имени коллектива и во имя коллектива оно проводит аресты среди диссидентов, оппонентов, заговорщиков, иностранных агентов влияния и др. Такое поведение государства, а не редко (хотя и не всегда) и большинство законопослушных граждан, считает справедливым. Сами же пострадавшие оценивают аресты как проявление несправедливости.

Спрашивается, если ты отказался от значительной части своих прав и свобод, то зачем возмущаться, когда тебе напоминают об этом и кто-то поступает в соответствии с делегированными ему полномочиями? С абстрактно-теоретической точки зрения, возмущения неправомерны. Но арестант может сказать «Лично я не подписывал отказа от части своих прав ни с кем» и будет прав. Не прав он потому, что живя в обществе, нельзя быть свободным от общества, как говорил известный классик. Коллективное бытие, его правила и права, определяют права индивида, а не наоборот. Но поскольку точный круг делегированных государству прав и свобод не определен, начинается торг. Государство говорит: эти и эти права отчуждены. Гражданин спорит: отчуждены другие, а не эти

права и свободы. Торг гражданина с государством принимает вид общественного дискурса о том, что есть гражданские свободы и каковы границы вмешательства государства. Дискуссии такого рода происходят ныне во всех странах с большим или меньшим накалом. Спорящие стороны не соглашаются уступить ни пяди своей позиции. Каждая считает себя правой, ибо, как ей думается, она поступает во имя высшей справедливости. Поскольку же справедливость как высшая ценность есть наивысшей абстрактнейшая из общественных добродетелей, о конкретном содержании можно спорить до бесконечности, нынешние дискуссии, споры, форумы, всевозможные «круглы столы» и научные диспуты не прекратятся никогда.

Справедливость в трактовке коллектива (общества, государства, большинства населения) всегда будет расходиться с индивидуальным истолкованием и оценкой справедливости. Гражданин может свободно высказываться и поступать только до тех пор, пока эти действия не вредят другим. Но как узнать, когда они начинают вредить? Можно провести опрос общественного мнения, и часто так поступают по политически важным вопросам (референдум). Однако по поводу частной ситуации – человек вышел на Красную площадь и громко заявляет об интервенции России на Украине – опросы не проведешь. Необходимо оперативное вмешательство специальных органов власти, уполномоченных обществом охранять порядок и безопасность. Для оратора его арест – акт несправедливости, для большинства россиян – оскорбление их чести и достоинства, которое необходимо пресечь как проявление несправедливости. Действительно, Россия спасает русских в Донбассе от истребления, и это высший акт гуманизма и политической справедливости. Многие же украинцы (по известным всем причинам) считают такую помощь интервенцией другого государства, бороться с которым они считают верхом справедливости.

На самом деле ни о какой справедливости здесь речь не должна идти. Если в двух выражениях одно и то же понятие употребляется в противоположных смыслах, от него следует отказаться и использовать другое или другие термины, которые наилучшим образом отражают суть происходящего. Когда покупатель называет товар низкосортным и снижает цену, а про-

давец всячески расхваливает его и «ломит цену», торг необходимо приостановить в виду невозможности достичь консенсуса. Очевидно, что в общественных дискуссиях справедливость в различных формах ее проявления становится (если уже не стала) разменной монетой для противоборствующих сторон, каждая из которых присваивает себе монопольное право быть справедливой, употребляя эту категорию – если говорить откровенно, – только для профформы. Если из вербальной плоскости перейти в реальную и посмотреть на все действия в защиту социальной справедливости – от революционных переворотов до террористических актов, – то и там справедливость остается весьма проблематичным вопросом. Чаще всего за ней маскируются какие-то иные социальные или политические интересы.

Государство у Гоббса и Локка возникает как естественный результат стремления людей установить справедливые законы, беспристрастные суды и объективный орган управления. Если это так, и все произошло как в теории, то куда потом девались эти институты справедливости? Кто их отменил или испортил внешние враги или внутренние жители? Если бы то были враги, то против них ополчился бы весь народ и не дал разрушить фундамент государства. Остаются только внутренние враги – самые обычные граждане, выполняющие предписанные им роли (чиновников, служащих) не вполне добросовестно, не вполне квалифицированно или откровенно корыстно. Так происходило четыре тысячи лет тому назад, о чем имеются подтверждающие египетские папирусы времен Древнего царства, так происходит в наше время и так, вероятнее всего, будет происходить еще тысячи лет. Если справедливость – главная цель любой социальной революции, то какой смысл их вообще затевать? Справедливость – неисполнимая мечта всего человечества. И поскольку она не исполнимая, она вечно будет нас притягивать. Правда, каждого на свой лад.

Социальная справедливость как консенсус и порядок

Социальная справедливость, как и социальный порядок, суть социальные потребности людей. Первичной выступает потребность в порядке, которая выражает себя через психологическое чувство спокойствия и безопасности

(это базовый уровень потребностей у А. Маслоу). Но людям нужен не порядок вообще — он и в концлагере существует, — а вполне определенный, отвечающий этическим представлениям о справедливости. Следовательно, справедливость — характеристика качества порядка. Она изначально сороднена морально-нравственным принципам. Но откуда в справедливости эстетическая составляющая? Она являет собой логическое продолжение чувства симметрии, уравновешенности, а, стало быть, красоты. Даже научные теории оцениваются (традиция идет от А. Эйнштейна) по критериям красоты. Порядок как антитеза беспорядку и хаосу, асимметрии и неравновесности покоится на согласии частей, индивидов, партнеров или сторон. Стало быть, мы можем записать уравнение:

порядок = справедливость = консенсус.

Между тем, достижение ценностного консенсуса между разными партиями, слоями и группами — крайне трудный процесс, поскольку на повестке дня консенсуса всегда — явно или скрыто — стоит вопрос о справедливости. Достаточно посмотреть на самый крупный водораздел российского общества — между низами, ориентированными на консерватизм и советское прошлое, у которого уже нет будущего, и верхами, ориентированными на ценности неолиберализма, который, как прозападное течение, считается чуждым русскому народу⁴. О том, как распределяются массивы ценностей и каково к ним отношение среди населения, можно судить, в том числе, по итогам выборов в Государственную думу. В декабре 2011 г. они продемонстрировали крах неолиберализма в России, который совпал с его крахом в мировом масштабе⁵. Как поступают власти в такой ситуации? Президент страны предлагает гармонично соединить обе половины («консервативный неолиберализм») — патернализм социального государства и капитализм частной выгоды, что все были сыты — и овцы, и волки. Пока синкретическая модель социальной справедливости, которую В.В. Путин старается вывести за рамки любой идеологии, себя оправдывает. Консенсус как основа миропорядка в обществе вроде бы достигнут, во многом благодаря тому, что власти по отношению к народу проявляют терпимость, способность к компромиссам, разумность и обоснованность решений, честность в

соблюдении договоров. По аналогии «неолиберализма с китайским лицом»⁶ можно, видимо, говорить о «неолиберализме с российской спецификой», поскольку обе модели сочетают в себе принципы неолиберализма в экономике с принципами авторитаризма в политике. «Гибридность российского неолиберализма является причиной и следствием двойственного восприятия населением его ценностей через призму понимания социальной справедливости. Также дуальность неолиберализма проявляется в противоречивой политике, проводимой властными институтами, с «раскачиванием» доктринального и идеологического «маятника»...»⁷. Справедливое решение — это выгодное для всех и для каждого решение того или иного важного вопроса.

В 1990-е годы Россия встала на рельсы рыночных отношений, а при них стремление к обогащению не ограничивается. И что же? Появились богатые, которым стали не только завидовать другие, но и начали люто их ненавидеть. Их богатство считалось нажитым несправедливо. Откуда вдруг из всеобщего социалистического равенства вдруг появились особо привилегированные? Может быть, они из поколения в поколение неимоверным трудом накапливали сокровища? Или им улыбнулась фортуна, и они унаследовали неслыханные богатства? Ничего подобного не было. Оставалось одно: нечестно нажитые блага, а это безнравственно. Часть «новых русских» совершенно справедливо, чтобы они ни говорили, должна быть зачислена в категорию нечестно разбогатевших. Другая часть, обладающая организаторскими способностями и талантом, к ним не принадлежит, но в общественном сознании все равно подпадает под ту же статью. В результате класс богатых справедливо и несправедливо причислялся к одной категории людей, несправедливо разбогатевших. Из общества исчезли одновременно и равенство, и справедливость.

Видимо, человеческому обществу одинаково вредны и крайнее равенство, и крайнее неравенство, и полная справедливость, и ее отсутствие. Надо, чтобы присутствовало немного неравенства, немного несправедливости. Только пропорцию заранее, т.е. теоретически, очень трудно определить. Приходится то и дело экспериментировать, пробуя разные соотношения. Причем у каждой нации и культуры свой ре-

цепт: кому-то больше надо добавить индивидуальных свобод, а кому-то по вкусу придется коллективистские идеалы. Стоит нарушить равновесие, как в стране поднимается ропот — душат личную свободу или, наоборот, не уважают традиции соборности. Приходится принимать законы, уравнивающие перекосы. И снова недовольство. Их не избежать хотя бы потому, что в любом обществе, в силу разнородности его состава, обязательно найдутся сторонники и противники практически у любой идеи, программы, нововведения. И каждая группировка, политическое движение будут лоббировать через парламент или президента собственные идеи, считая их самыми справедливыми.

Принцип неопределенности и справедливости как экзистенциальная проблема

Экзистенциальная проблема возникает на границах существования человека, когда он встает перед выбором: сохранить самое дорогое — жизнь, но жить в бесчестье, или сохранить не менее дорогое — честь, но расстаться с жизнью. Выбор в условиях глубокого фундаментального кризиса на самом деле случается в нашей жизни гораздо чаще, чем мы думаем. Как правило, такое происходит, когда абстрактные ценности добра и зла, справедливого и несправедливого, которое априори понятны пока они находятся в отдаленных высях абстракции, спускаются на землю и им предстоит проверить свои аутентичность в конкретной жизненной ситуации. Возникает когнитивный парадокс — понятное и очевидное превращается в расплывчатое и неопределенное. Чем-то такое напоминает физический парадокс неопределенности Гейзенберга: можно определенно измерить у элементарной частицы один параметр, но при этом получить совершенно неопределенную информацию о другом, вроде бы сопряженном с ним параметре, скажем, между скоростью и местоположением.

Как только мы пытаемся измерить один из конкретных параметров справедливости, появляется неопределенность по отношению к другому или другим ее параметрам. Можно ли, к примеру, пожертвовать одним человеком во имя спасения многих? В такой экзистенциальной проблемой столкнулся Ж.-П. Сартр, рассмат-

ривая притчу о французском юноше, который в годы Второй мировой войны вынужден был выбирать: остаться с умирающей матерью или идти в ряды сопротивления. Одно исключало другое, хотя оба выбора представляли вполне сопряженные параметры.

Дилемма Платона-Сократа «Сократ мне друг, но истина дороже (или Платон мне друг, но истина дороже)» — крылатая фраза, ведущая начало со времен Древнего Рима и Древней Греции⁸, означает: сказать неправду и сохранить дружбу или сообщить истину и потерять друга. Сократ сделал свой выбор, но проблему так и не решил. Она не решается в принципе. Что справедливо — сохранить жизнь населения и допустить оккупацию страны или пожертвовать миллионами жизней, но сохранить независимость? Первый вариант в годы Второй мировой войны выбрала Франция, второй — СССР. Что справедливо: дать чиновникам крупную взятку, построить на отведенном участке больницу для онкобольных детей или добиваться решения вопроса долгие годы, обрекая на смерть тысячи маленьких жизней? Чью сторону надо занять законодателям, решающим вопрос о том, за кем закрепить приоритетное право на ребенка — за суррогатной матерью, выносившей ребенка, или биологической, отдавшей свои клетки? «Суждения о справедливости в подобных ситуациях проверяют эффективность социальных институтов, а также границы тех общих принципов, которые лежат в их основе. Сами противоречия, рожденные в «сумеречных» зонах, где сталкиваются между собой общие принципы и варианты поведения в конкретных ситуациях, свидетельствуют о поливариантности интерпретации понятия «социальная справедливость» в современном обществе, об отсутствии в нем однозначности, которая могла бы детерминировать отношения больших социальных групп»⁹.

Часто можно слышать: он заслужил такую смерть; я не заслужила такого к себе обращения; зачем ты мне врешь, я этого не заслужила; не хочу никого судить, но, похоже, они свою судьбу заслужили; Похоже, я так и не заслужил вашего доверия; Наверно, я не заслужила ничьей поддержки; Не поступай так со мной! Я этого не заслужила!; За что мне это??? я этого не заслужила! Это ничто иное, как выражение справедливости/несправедливости.

Справедливость – это жизнь, рассмотренная через призму Я

Человек – мера всех вещей, событий и поступков, знают с античных времен. И мир вокруг себя человек пропускает через себя, через свое Я. Как к нему относятся, так и он будет относиться к другим. При этом он смотрится в других как в «зеркальное Я» и ждет от них не просто оценки себя, но уважения и почета, которых он заслуживает по своему разумению. Не по их разумению, а по своему. Конечно, другие могут оценивать нас ниже того, как мы себя оцениваем. Но нас это интересует во вторую очередь. Мы-то себя лучше знаем, чем они. И мы точно знаем, что заслуживаем самой высокой оценки или самого безмерного снисхождения. А когда пропорционального нашему мнению о себе ответной реакции со стороны других не происходит, мы возмущаемся, злимся, негодуем, обижаемся, мстим и т.д. Здесь не уместно произносить слово *несправедливость*, достаточно посмотреть на эмоциональные реакции человека, чтобы почувствовать ее присутствие. Несправедливость выдает шлейф сопровождающих ее эмоций и чувств.

Справедливость/несправедливость – в гипертрофированном и субъективном виде – пронизывает все Я и всю создаваемую нами картину мира. Ты вытащил львенка из колодца, а тот цапнул тебя за палец. Как часто мы ловим себя на мысли «не делай добра, не получишь зла»? слишком часто. Подтверждением тому служит факт возведения этой мысли в поговорку. Стало быть, такое случается со всеми и очень часто. И возникла эта поговорка как отражение проявленной по отношению к тебе несправедливости – непропорционально плохого воздаяния за добрый поступок. Хотя львенок вел себя в соответствии со своей природой, которая позволяет всякого, кроме значимых других своего прайда, рассматривать как агрессора и врага. Не так ли ведут себя люди, отвечающие на наше добро. Они, видимо, считают добром только собственное добро, а чужое – корыстью. Зачем ты вытащил меня из беды? Это было выгодно тебе, ты хотел унижить меня, показав мою беспомощность, ты надеялся на щедрое вознаграждение от моих родителей или друзей, а может быть это твоя работа? Тогда получай формальное «спасибо» - так будет пропорционально совершенному и справедливо с моей стороны.

Субъективизация справедливости – это присвоение себе роли института суда: я тебе судья, я тебе не судья, я вызываю тебя на товарищеский суд, я лично буду тебя судить.

Чувство справедливости аккумулируется с возрастом и жизненным опытом. Одна и та же фраза «Выйди из комнаты, ты мешаешь работать» ребенок и взрослый воспримут по-разному. Первый спокойно, второй с обидой. Почему? Смысл фразы один и тот же, но его восприятие адресатом разное. Взрослый сочтет фразу неуместной, невежливой, обидной, нетактичной, грубой, незаслуженной, неуважительной, наконец, несправедливой, т.е. непропорционально жестокой по сравнению с совершенным действием – присутствием в неполюженном месте и времени, потому, что он уже имеет обо всем этом представление. Чем больше человек гордится собой, думает о себе позитивно, возносит или любит себя, тем с большей вероятностью обидится и сочтет несправедливым любое обращение с собой, хоть на йоту отличающееся от того, каким он представляет должное отношение к себе. Наилучшее представление о себе чаще всего бывает преувеличенным, иногда даже гипертрофированным, а в отдельных случаях доходящим до абсолюта – тогда возникает мания, что все вокруг тебя обижают и относятся несправедливо.

Жизнь, посвященная другим

Межличностные отношения должны быть предсказуемыми, чтобы не пугать людей своими неожиданностями. Подлянки от близких не ждешь, а когда они устраивают ее ради хохмы, ты, понимая их, все равно злишься. Поступая с другими так, как хочешь, чтобы они с тобой вели – золотое правило нравственности. Для предсказуемости отношений, взаимодействий и поведения людей придуманы правила, нормы, обычаи, традиции и законы – своего рода инструкция по эксплуатации Homo Socialis. Если я соблюдаю правила, то и другие должны делать то же самое – таков негласный и не подписываемый общественный договор. Договор по умолчанию. А если кто-то нарушает, когда я не нарушаю, это считается мною несправедливым. Я не ворую и ты не воруй. Если я ворую, то и на тебя я смотрю снисходительно, приговаривая: мол, с не бывает.

Жизнь, посвященная другим, - это жизнь ради прокормления семьи, защиты родины, свер-

шения карьеры и т.д. Ты не живешь каждое мгновения, наслаждаясь видами природы или ее плодами, а вкалываешь, добываешь, горбатись... а тебе в ответ не благодарность, твои заслуги не признают или достойно не ценят. Сколько семейных драм происходит на этой почве: я весь день горбатюсь на работе, а ты ужин во время приготовить не можешь! Это справедливо!?

Жизнь для других – жизнь вне справедливости, но в рамках необходимости. Лев охотится для себя, а когда жертву ловят самки, самец берет себе большую и лучшую часть. Так, он считает, будет справедливо. Но человек ведет себя иначе. Не всякий зверь посвящает свою жизнь другим, а человек посвящает. Но и в ответ он получает много – общество значимых других, которое позаботится о тебе и в плен не сдаст. Обмен «я вам столько же, сколько вы мне» – справедливый, сбалансированный, эквивалентный обмен. А когда он нарушается, мы вопим: меня это бесит, я возмущена тем, как он ведет себя, что он творит.

Справедливость предстает несколькими модусами существования – как идеал, как реальное состояние общества, как потребность индивида, как социальная норма отношений, как механизм регулирования социального взаимодействия.

Социальные различия и стратификация

Невозможно найти двух одинаковых людей. Люди различаются по полу, возрасту, темпераменту, росту, цвету волос, по уровню интеллекта и многим другим признакам. Различия между людьми, обусловленные их физиологическими и психическими особенностями, называются *естественными*.

Но невозможно найти и две одинаковые социальные группы. Они различаются по профессиям, доходам, образу жизни, политической и религиозной принадлежности и т.п. Социальными называются те различия, которые порождены социальными факторами: укладом жизни (городское и сельское население), разделением труда (работники умственного и физического труда), социальными ролями (отец, врач, политический деятель) и т. д.

К *социальным различиям* относятся такие свойства, которые формируют социальную сферу общества. Ее основу составляет групповая

структура общества. На английском языке различия означают «дифференциация». Отсюда принятый в международном лексиконе термин «социальная дифференциация» – разделение общества на группы. Корнем социальных различий выступает социальное неравенство.

Социальное неравенство – предпосылка возникновения социальной стратификации. Под стратификацией понимают неравномерное распределение материальных благ, властных функций и социального престижа в зависимости от функциональной важности (значимости) позиции.

Однако точно определить, какие именно позиции наиболее важны для общества, весьма затруднительно. В разных обществах одни и те же позиции в стратификации могут оцениваться по-разному, но в любом обществе есть позиции, которые требуют специфических способностей и подготовки, функционально более важные, чем другие позиции. Скажем, позиция управляющего компанией функционально более важна, чем позиция грузчика. Обе позиции необходимы компании, но позиция менеджера требует специфических способностей и подготовки.

Экономические ресурсы в современном обществе распределены не поровну и люди осведомлены об этом. Так, разрыв в доходах в США в 10 раз больше, чем в Швеции. Богатые в любом обществе обладают богатствами, размеры которых превышают доходы низшего класса в сотни и тысячи раз.

По степени неравенства доходов и собственности современная Россия занимает одно из ведущих мест в мире, превосходя все индустриальные страны мира и отставая только от бывших колоний и полукolonий. По абсолютному числу миллиардеров Россия занимает третье место в мире после США и Китая, а по числу миллиардеров на душу населения прочно держит мировое первенство. Словом, Россия сейчас – самая капиталистическая страна в мире. Однако слово «капитализм» у правящей элиты не в почете. Его заменяют эвфемизмом «рыночная экономика», считая, что он не так раздражает обнищавший народ. Никогда не употребляет слово «капитализм» и президент В. Путин. Его примеру следуют министры и прочие чиновники. Россия заняла второе место по числу миллиардеров в списке журнала «Форбс». По данным опроса ВЦИОМ, 39% россиян испытали из-

за этого большое чувство стыда: столь большой список миллиардеров в стране, где люди живут трудно, для них прежде всего свидетельствует о крайне несправедливом распределении общественных благ. Социальное неравенство в России чудовищно. Нувориши выставляют напоказ кричащую роскошь: шикарные особняки, яхты и самолеты. Закатывают нескончаемые балы и пиры, где можно блеснуть новыми бриллиантами и отведать свежих устриц. А другие, в том числе пенсионеры и ветераны ВОВ, замерзают у себя зимой в квартире, потому что за неуплату у них отключают электричество.

В годы советской власти система уравниловки в зарплате и пенсии, дешевизна базовых товаров и услуг (хлеба, молока, лекарств, квартплаты, проезда в метро, книг, бензина, билетов в кино) создавали у населения ощущение «справедливости» и даже уверенности в завтрашнем дне. В 1990-е годы привычное «справедливость» и «равенство» (равенство в бедности) мгновенно рухнули. Быть богатым стало не зазорно, и на владельца шикарного «мерса» сегодня с раздражением смотрят не более четверти россиян. Но большинство пожилых людей по-прежнему считают, что большие богатства нажиты несправедливо, их надо отнять и поделить поровну.

Согласно данным Экономической комиссии ООН, замедленный хозяйственный рост стран Латинской Америки объясняется отсутствием необходимой увязки экономического прогресса с социальной справедливостью. Там, где переход к рыночному обществу происходил в условиях резкого социального расслоения и роста социального неравенства, экономические реформы не ускорялись, а замедлялись. Национальная элита сумела приумножить свои богатства, обращая принадлежащие ей финансовые средства в твердую валюту и направляя их в иностранные банки. Ее образ жизни поведения сильно отличался от образа жизни основной массы населения, он представляли собой вызов всему обществу. Материальное положение большей части тех, кого можно отнести к средним слоям, а именно служащих, интеллигенции, заметно ухудшилось. Широкие массы трудящихся все больше нищали, приближаясь по жизненному уровню к социальному дну.

Вывод экспертов ООН состоял в том, что темпы либерализации экономики необходимо

соизмерять с социальной обстановкой, для чего нужно повысить роль государства с целью обеспечить социальную справедливость. Там, где это достигается, темпы экономических преобразований ускоряются. Сравнительный анализ экономической политики ряда евро-пейских и азиатских стран, близких по своим характеристикам латиноамериканским государствам (Испания, Португалия, Южная Корея, Тайвань, Таиланд), показывает, что их несомненные успехи в экономике зависели от умелого сочетания экономической эффективности и социальной справедливости.

Хотя неравенство создает недовольство большой массы людей и ослабляет социальное единство нации, современное общество остается удивительно стабильным. Загадку устойчивости социальной стратификации, основанной на неравенстве, социологи объясняют функциональной полезностью пирамидального устройства общества, позволяющего оценивать и вознаграждать индивидуальные вклады пропорционально заслугам личности и продвигать наверх наиболее заслуживающих индивидов.

Среди негативных последствий надо назвать социальное возмущение неравенством, которое иногда перерастает в открытый конфликт. Элита и группы наиболее богатых, стремясь сохранить свои привилегии и преимущественное положение в обществе блокируют продвижение наверх талантливых и предприимчивых представителей низов. Неравенство питается пассивностью низов, смирившихся со своей судьбой и фаталистически верящих в то, что при существующей системе правления у них никогда не будет шансов выдвинуться и активно участвовать в политической жизни страны.

Справедливость и равенство

Хотя справедливость нередко касается распределения благ, она сама от благ не зависит. Социальная справедливость относительна. Справедливым можно считать любой произвол монарха, поскольку он — первое лицо в государстве и его власть от Бога. Справедливым является гнев возмущенной толпы, казнящей монарха, поскольку его правление довело людей до нищеты. Справедливым считались так называемые «тройки» (сталинские суды), в спешном порядке приговаривавшие к смерти невинных людей (пролетарское государство должно

безжалостно расправляться с врагами народа). Коротче говоря, справедливым можно сделать все или почти все что угодно. Но как бы ни манипулировали справедливостью верхи, подставляя их под свои корыстные интересы, у низов всегда остается некое стихийное и более правильное понимание социальной справедливости. Ею они и руководствуются в отстаивании своих интересов.

С точки зрения общества, справедливость чаще всего рассматривается как проблема равенства. Самое простое содержание принципа справедливости заключается в требовании соблюдения равенства. Связь справедливости и равенства была прочувствована еще в первобытном обществе и нашла отражение в институте кровной мести (требование возмездия): поступай по отношению к другим так, как они поступают по отношению к тебе, или «око за око, зуб за зуб». Месть предполагает, что обидевший не останется ненаказанным, что за равную вину следует нести равную ответственность.

Такого рода понимание равенства являло собой огромный шаг в социальном и культурном развитии общества. В самом деле, на стадии дикости в человеческом сообществе (ученые именуют его предчеловеческим стадом) властвовал закон сильнейшего: сильный грабит слабого, лучший властвует над худшим, могущественный стоит выше немощного. (Вспомните из главы о политической власти за 8–9 классы, как называется такая форма влияния.) Закон кровной мести требовал коллективного отмщения со стороны обиженных. Виновный знал о возможном отмщении, и это сдерживало произвол в отношениях между людьми. Таким образом, идущий из родового строя закон кровной мести стал первым регулятором социальных взаимоотношений.

Однако позже, на более зрелых ступенях развития, а именно в Античности, люди задумались над тем, восстанавливается ли в отмщении справедливость, если зло, заключенное в убийстве, не исчерпывается гибелью виновного — никто не вернет убитого и никто не остановит страдание родственников. Возмездным убийством всего лишь совершается отмщение, но справедливость не восстанавливается. Зло, причиненное первый раз, только усиливается во второй, но не исчезает. Известны случаи, когда кровная месть тянулась веками, передавалась

из поколения в поколение, когда она служила причиной гибели целых родов.

Новым этапом в эволюции справедливости стало христианство, исповедовавшее принцип «не отвечай злом на зло», «не судите, да не судимы будете». Новая этика требовала запретить кровную месть. Однако заповедь любви прививалась среди людей, пусть даже более цивилизованных, гораздо сложнее. И сегодня на бытовом уровне мы гораздо чаще предпочитаем пользоваться первым правилом, а не вторым. Даже в политике модифицированный принцип кровной мести часто выступает причиной международных конфликтов и войн.

По мере развития в обществе нравственного сознания справедливость перестала сводиться исключительно к равенству. Тем не менее до сих пор большинство из нас справедливость понимают прежде всего как равенство. В сфере социальной политики справедливым считается, с одной стороны, позволение людям зарабатывать так много, как только удастся, с другой — перераспределение части заработанных благ в пользу бедных через механизм прогрессивного налогообложения (вспомните из курса для 8–9 классов, что такое прогрессивное налогообложение, в чем его суть).

Чем больше богатых в обществе, тем больше от них можно взять на помощь бедным. Так рассуждают на Западе. С этим согласны и наши политики, но только реализовать подобный принцип им не удастся по ряду вполне объективных условий. Но не так рассуждали советские политики. Они полагали: пусть у всех будет поровну, даже если то, что есть у людей, им хватает лишь на скромную жизнь (такая политика не распространялась на правящую верхушку, высшую бюрократию). Скромное такое существование снимало множество социальных проблем и до поры служило на пользу обществу. Оно не порождало жгучей зависти, а та — агрессии и бунта.

Социальная среда и социализация

Социальная среда — как субъект социализации. Социальная среда — преимущественно анонимная (но не обязательно всегда или полностью таковая) совокупность людей, выражающих сходные интересы, мнения, потребности, ценности, длительное время оказывающих вли-

яние на объект социализации – прямое или косвенное, которое не обязательно выражается в личных контактах. Представителям социальной среды подражают, они оказывают групповое давление, являют собой гетерогенное или гомогенное образование. Разновидностью социальной среды, имеющей меньшие размеры и составленной из лично знакомых людей, выступает *социальный круг*.

Социальная среда считается гетерогенной, если она состоит из трех и более фракций (групп, частей, долей), выражающих различные ценности, интересы и поведенческие модели. При этом все фракции по своему значению, численности и влиянию должны находиться приблизительно в равных пропорциях, например поклонники оранжевого, синего и зеленого цветов (берем абстрактный случай) соотноситься как 30%, 35% и 35%. Если одна фракция крайне незначительна, а две другие – велики по размерам или значению для объекта социализации, то гетерогенная социальная среда превращается в полярную.

Гетерогенная и полярная социальные среды оказывают неодинаковое воздействие на объекта социализации. Первую следует считать более благоприятной с точки зрения формирования у объекта социализации плюрализма, свободы выражения своей точки зрения, диапазона выбора, терпимости к инакомыслию, чем полярная среда. Где все многообразие точек зрения или интересов сведено к двум противоположностям. Все типы общества, предшествовавшие постиндустриальному, строились на противоборстве двух классов (политических, социальных сил) – рабов и рабовладельцев, помещиков и крестьян, буржуазии и пролетариата. Подавляющая часть населения, прошедшая социализацию в подобных условиях, знает только насильственные способы отстаивания своих позиций в условиях классового дискурса, конфликта, соперничества.

В постиндустриальном обществе, если рассматривать цивилизованные европейские страны конца XX – начала XXI веков, преобладает атмосфера веротерпимости, мультикультурализма, классовой гармонии, политического плюрализма. Объективной почвой для ее формирования является отсутствие классового антагонизма, противостояния двух полюсов социальной пирамиды – бедных и богатых. Сред-

ний класс, составляющий 60-80% населения этих стран, не только разводит далеко друг от друга две противоборствующие социальные силы, но, сформировавшись из носителей ценностей низшего и высшего классов, по своей природе являет компромиссное и примирительное начало. Помимо того, сами классы не только поменяли свою политическую валентность (перестали быть инициаторами политического господства, захвата власти), но и перестали быть реальными группами. Современные классы – это номинальные или статистические группы, принадлежность к которым определяется рядом формальных признаков, главными среди которых выступают занятие, доход и образование. Ни наследственные титулы, ни завещанная собственность не играют в судьбе человека определяющей роли. Выходец из низов способен добиться тех же общественных вершин и признания, что и наследный принц. Широкий доступ к классоформирующим факторам, прежде всего к получению высшего образования, растворяет классы в структуре статистических страт, т.е. неких анонимных образований, выделенных по таким социальным критериям, которые хотя и значимы, но общедоступны, а потому не выступают в роли социальных барьеров.

Социализация для индивида – это еще и поиск своего места в жизни, прежде всего классовой позиции в социальной структуре. Родители часто говорят детям: не суйся не в свое дело. Тем самым они очерчивают границы того социального топоса, за пределами которого начинается не его, а чье-то чужое дело и пространство. В кастовом строе каждая страта четко знает свое место и никогда не посягнет на чужое. В открытом обществе карьера – это тоже поиск своего места, проба сил, как бы говорящая человеку: попробуй себя, до каких вершин ты доберешься, чего сможешь достичь в жизни, каков твой потолок. Ученые из Карлсруэ установили связь между физическим развитием детей и социальным положением родителей. Если родители занимаются умственным трудом, то их дети в среднем на 5-7 см выше, чем дети родителей, занимающихся физическим трудом.

В связи с этим важно рассмотреть стратификационный срез социализации. Дело в том, что рабочий класс, по крайней мере на протяжении большей части своего исторического су-

ществования и особенно в малоразвитых странах, скорее полагался на стихийный процесс социализации, полагая, что судьба сама куда надо вынесет.

Напротив, средний и высший классы мучают своих детей практически до того времени, когда у них самих не появятся дети. Они окружают свои чада скопищем мучителей: нянек, репетиторов, тьютеров, советников, учителей, преподать семейный бюджет.

Высший и средний класс держат или стараются держать под контролем любую социальную среду, в которую на разных отрезках жизни попадает их чадо: детский сад или частный пансион, дворовая среда, университет, место работы. Родители целенаправленно, нередко долго выбирая и советуясь, подбирают напарников по играм, спутника жизни, коллег по работе. Богатые и зажиточные люди стремятся контролировать стихийный по своей сути процесс социализации. Они не хотят доверить воле случая свое единственное (а это сейчас происходит все чаще) дитя. Родители считают, что они лучше знают жизнь, чем их нерадивое дитя, а потому оно во всем должно слушаться их. Дитя, естественно, сопротивляется, поскольку стремится накопить собственный запас ошибок и заблуждений, которые с социологической точки зрения необходимы человеку не меньше, чем опыт правильных решений. Удивительно кроется в другом: чуть подросшие дети, обычно уже на студенческой скамье, ближе к старшим курсам, понимают правоту родителей.

Воспитание в неблагополучной или неполной семье – это тоже вид социального неравенства, который не зависит от самого ребенка. Иначе говоря, неравноценное воспитание ребенка – предписанный статус. В таких ситуациях семья и родительство становятся неконкурентоспособными по сравнению с такими ценностями, как повышение социального статуса, уровня образования, материального благополучия и т.п., что и приводит к росту числа неблагополучных семей. Неблагополучные семьи (конфликтные, аморальные, педагогически несостоятельные, асоциальные) негативно влияют на умственное, духовно-нравственное, эмоциональное развитие юношества, не способствовали социализации его в плане подготовки к семейно-брачным отношениям. По данным исследований, среди подростков 14-17 лет, проявив-

ших устойчивое антиобщественное поведение, от 60 до 80% воспитывались в неблагополучных семьях (неполная семья, безнадзорность, конфликты между родителями). Одним из ярких показателей функциональных расстройств в семье, имеющих открытый либо скрытый (латентный) характер, является наркотизация подростков. Если ребенок приобщился к наркотикам, значит семья неблагополучная. Неумение родителей внушить и воспитать стойкое неприятие к ним – показатель неумения их быть настоящими социализаторами. Типичными чертами родительско-детских отношений в семье наркомана являются: делегирующая позиция родителей (когда ответственность и вина за наркоманию приписывается исключительно подростку); тотальный контроль, недоверие и подозрительность; патологическая лживость и др.

Проблема неполных семей в том, что в ней ребенок часто встречается лишь с одной ролью родителя – либо только карающей, либо только поощряющей. Поскольку дети в неполных семьях не могут наблюдать отношений между мужчиной и женщиной, то они вырастают, не имея целостной модели этих отношений. В будущем для них более проблематично будет строить собственные отношения. Воспитательные возможности в неполных семьях ограничены: затрудняется контроль и надзор за детьми, отсутствие отца лишает детей возможности знакомиться с разными вариантами семейных отношений и влечёт за собой односторонний характер психического развития. Это связано с отсутствием образцов сексуального поведения взрослого человека, которым можно было бы подражать в будущем. Число женщин, вынужденных растить детей в одиночку, увеличивается во всем мире. Источником их пополнения выступают разводы, вдовство (смерть одного из родителей), внебрачная рождаемость, а кроме того – юридически неоформленное раздельное проживание супругов, усыновление ребенка одиноким родителем, опекой или попечительством в случае смерти родителей, а также в случаях, когда родители бросают детей, лишаются родительских прав. К отсутствию одного из родителей в своей семье ребенок не может примириться всю жизнь, считая его отсутствием сильнейшим проявлением несправедливости (общества, судьбы, Бога). Брошенный ребенок

всегда завидует сверстникам, у которых с папой можно сходить на рыбалку, что-то смастерить, попросить помощи и защиты.

Опираясь на негативный опыт родительской семьи, супруги из неполных семей легче идут на разрыв и в собственной семье. Вследствие отсутствия одного из родителей оставшемуся приходится брать на себя решение всех материальных и бытовых проблем семьи. При этом ему необходимо также восполнить возникший дефицит воспитательного влияния на детей. Исследования показывают: у детей из неполных семей, в отличие от детей из полных семей, несколько более выражены такие качества, как возбудимость, покорность, мягкосердечность, чувствительность, подавленность, тревожность, они менее беспечны. Частенько они демонстрируют большую неудовлетворенность семейной ситуацией. Сами себя они считают менее смелыми, радостными, спокойными. Для детей, которых воспитывает только один родитель, вероятность возникновения проблем с психикой и даже суицида вдвое выше по сравнению с их сверстниками, которые растут в благополучных семьях с отцом и матерью. В разводе родителей, как и в их конфликте, дети часто винят самих себя. Такая перенесенная вина выступает проявлением несправедливости. Сам одинокий родитель, как и ребенок, чувствует себя невинно обиженным, а свое положение несправедливым. На эмпирических данных доказано, что дети, растущие в неполных семьях, получают более низкое образование и потому имеют впоследствии более низкий уровень доходов.

Выводы

Итак, мы познакомились со сложнейшим миром нравственных категорий и выяснили, что их содержание менялось в разные эпохи, культуры и в разных философских школах оно было неодинаковым. Да и люди в своем повседневном поведении руководствуются порой противоположным пониманием добра и зла, чести и достоинства, порока и добродетели. Две страны воюют за погнанную справедливость, а потом выясняется, что обе они были далеки от понимания того, что на самом деле она представляет. Одним словом, мораль напоминает огромный нравственный лабиринт, где личность на каждом повороте сталкивается то с проблемой морального выбора, то с нравственным ту-

пиком. В течение всей своей жизни вы будете учиться в нем ориентироваться.

Понятие справедливости является морально-нравственным и философским, а неравенства – социологическим и экономическим. Справедливость предстает несколькими модусами существования – как идеал, как реальное состояние общества, как потребность индивида, как социальная норма отношений, как механизм регулирования социального взаимодействия. У справедливости очень много аспектов – философский, психологический, социальный, экономический, политический, педагогический – и в соответствии с ними очень много определений, трактовок, оценок, подходов, концепций и теорий. Иными словами, справедливость остается методологически открытым понятием, допускающим обобщения самого разного любого уровня – от психологического определения справедливости как способа персонализации внешних отношений в стремлении привести их в соответствие с внутренними установками и оценками до глобального эпифеномена структурного миропорядка.

В социальной бинарности справедливость/ несправедливость формируются принципиально разные жизненные стратегии, социетальные структуры и культурные практики. Справедливое и несправедливое, равное и неравное – два измерения жизненного пространства, где одно совершенно невозможно и бессмысленно без другого. При этом «другое» может выступать не просто отрицанием «своего», а его превращенной формой. Бинарность справедливости неизбежно отсылает к диалектике «своего» и «чужого», к утрате и поиску идентичности.

Справедливость как всеобщая ценность и нравственная норма получает реальный статус существования при трех условиях, а именно когда 1) в обществе тем или иным образом определенным образом структурирована социальная реальность, 2) в человеческом сознании сформировалась структурированная система принципов справедливости, 3) эти принципы, благодаря жизненному опыту, подкреплены конкретными примерами. Самые первые – черновые наброски, эскизы – справедливости рождаются в сознании ребенка (пока точно не установлено, с какого возраста). Возможно, это первые прорывы социального начала в человеческом существе, поскольку трудно сказать, суще-

стует ли справедливость у животных. Неравенство — объективная величина, измеряемая по отношению (по размерам доходов или процентным долям населения) самых богатых к самым бедным. Социальное неравенство предстает в виде социальной иерархии и служит основанием социальной стратификации. На шкале неравенства на верхней позиции находятся богатые (их меньшинство, но они владеют большинством благ), а на нижней — бедные (их большинство, но они владеют меньшинством благ).

Справедливость-несправедливость — единственная парная категория в социальных науках, сыгравшая исключительно важную роль не только в теоретическом дискурсе, начиная с античности и заканчивая постмодернизмом, но и в социальной практике. Под стать ей может быть другое парное понятие равенство-неравенство. Но оба понятия рассматриваются учеными в неразрывном единстве, так что одно может служить зеркальным отражением другого.

Справедливость-несправедливость — универсально-историческая категория, выступающая когнитивным ядром целого круга наук: социологии, этики, экономики, философии, педагогики, искусство, юриспруденции и др. Ни одна другая категория самого общего порядка, скажем общество, личность, стратификация, не играют ключевую роль сразу в нескольких науках

Литература

1. Agartan K. Globalization and the Question of Social Justice // *Sociology Compass*. (2014). 8 (6): 903–915.
2. Anderson E. What is the Point of Equality? // *Ethics*, 1999, 109: 287–337.
3. Banai A., Ronzoni M., Schemmel C. *Social Justice, Global Dynamics: Theoretical and Empirical Perspectives*. Florence: Taylor and Francis, 2011.
4. Barry B. *Theories of Justice*, Vol. 1, Berkeley: University of California Press, 1989.
5. Barry B. *Why Social Justice Matters*. Polity, 2005.
6. Boylan M. *A Just Society*, Lanham: Rowman and Littlefield, 2004.
7. Bush G., Meyer R. *Indivisible: Poems for Social Justice*. Norwood House Press, 2013.
8. Capreheart L., Milovanovic D. *Social Justice: Theories, Issues, and Movements*. Rutgers University Press 2007.
9. Clayton M., Williams A. *Social Justice*. Malden MA: Blackwell Publishing, 2004.
10. Daniels N. (ed.), *Reading Rawls: Critical Studies of A Theory of Justice*, Oxford: Basil Blackwell, 1975.
11. Dworki R. What is Equality? Part 1: Equality of Resources // *Philosophy and Public Affairs*, 1981, 10: 185–246.
12. Feagin Joe R. *Social Justice and Sociology: Agendas for the Twenty-First Century: Presidential Address* // *American Sociological Review*, Vol. 66, No. 1 (February 2001), pp. 1–20.
13. Fleurbaey M. Equal Opportunity or Equal Social Outcome? // *Economics and Philosophy*, 1995, 11: 25–55.
14. Fraser N. *Social Justice in the Age of Identity Politics: Redistribution, Recognition, and Participation* // *Geographic Thought: A Praxis Perspective*. Edited by George Henderson and Marvin Waterstone, 72–89. New York: Routledge, 2009.
15. Goldman Alan H. *The Principle of Equal Opportunity* // *Southern Journal of Philosophy*, 1977, 15: 473–485.
16. Hillman Arye L. *Globalization and Social Justice* // *The Singapore Economic Review*. (2008). 53 (2): 173–189.
17. Miller D. *Principles of Social Justice*. Harvard University Press, 2001.
18. Novak M. *Social Justice: Not What You Think It Is* // *The Heritage Foundation*, December 29, 2009
19. Papageorgiou G.J. *Social Values and Social Justice* // *Economic Geography*, Vol. 56, No. 2 (April 1980), pp. 110–119.
20. Rawls J. *A Theory of Social Justice and Its Critics*. Stanford University Press, 1990.
21. Sandel M. *Justice. What Is the Right Thing to Do?* New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2009.
22. Sen A. *The Idea of Justice*. Harvard University Press, 2011.
23. Smith David M. *Social Justice Revisited* // *Environment and Planning A* 32.7 (2000): 1149–1162.
24. Stevenson Br. *Just Mercy: A Story of Justice and Redemption*. Spiegel & Grau, 2015.
25. Tyler Tom R., Boeckmann Robert J., Smith Heather J., Huo Yuen J. *Social Justice in a Diverse Society*. Boulder, CO: Westview, 1997.
15. Адыгезалова Г.Э. Эволюция права: от слова к цифре // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2019. № 1. С. 7–10.

16. Адыгезалова Г.Э. Развитие российской системы права: строительное право как отрасль права // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 3-6.

Ссылки:

¹ What is Social Justice?: Pachamama Alliance 2018; <https://www.pachamama.org/social-justice/what-is-social-justice>

² В 1817 г. (т.е. ровно за 100 лет до русской революции) Р. Оуэн выдвигает программу радикальной перестройки общества путем создания самоуправляющихся «поселков общности и сотрудничества», где нет частной собственности, классового антагонизма, эксплуатации, противоречий между умственным и физическим трудом. Оуэн перенес на коммунистическую общину порядок, отработанный им на капиталистической фабрике: жесткая регламентация и контроль, четкость операций, движений, поведения. Методы «военного коммунизма» люди не выдержали. Прежде всего, психологически - ломались прежние стереотипы и мотивация. В коммуну шли добровольно в надежде на свободную жизнь, а получили жесточайшую регламентацию. Основанные им опытные коммунистические колонии в США («Новая Гармония») и в Вели-кобритании потерпели неудачу. Постепенно в них начинается социальное расслоение, конфликты и неравенство. Тем не менее, в 1835-1845 годах бурно развивается движение оуэнистов - последователей Оуэна, в основном усвоивших его отрицательное отношение к традиционной религии. Существовала даже целая секта «Рациональная религия», которая проводила религиозные службы в «храмах науки» по всей стране. Другие ученики Оуэна пытаются воплотить его коммунистические идеи - возникает несколько экспериментальных коммун, или «внутренних колоний».

³ Урсу И.С., Соломин П.В. Политическая и правовая социализация учащихся 10-11-х классов гимназий и лицеев (www.polit.spb.ru).

⁴ Мы не станем здесь обсуждать тот парадокс, что оба они – марксизм и либерализм – пришли на отечественную почву из-за рубежа, т.е. являются заимствованием чужого.

⁵ Вилисов С. 2012. Крах Единой России 4 декабря – это крах неолиберальной идеологии, 12 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-krahedinoy-rossii-4-dekabrya-eto-krah-neoliberalnoy-ideologii/> (дата обращения: 18.11.2017).

⁶ Харви Д. Краткая история неоллиберализма. Актуальное прочтение / пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007, с. 286.

⁷ Хмелинин А.А. Проблема социальной справедливости в неоллиберальной политической доктрине и практике: теоретический анализ // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2014. №3. С.157.

⁸ Греческий философ Платон (427-347 гг. до н.э.) в сочинении «Федон» приписывает Сократу слова: «Следуя мне, меньше думай о Сократе, а больше об истине». Аристотель в сочинении «Никомахова этика», полемизирует с Платоном и имея в виду его, пишет: «Пусть мне дороги друзья и истина, однако долг повелевает отдать предпочтение истине». Лютер (1483-1546) говорит: «Платон мне друг, Сократ мне друг, но истину следует предпочесть» («O parabolatam voluntati», 1525). Выражение «Amicus Plato, sed magis amica veritas» – «Платон мне друг, но истина дороже», сформулировано Сервантесом во 2-й части, гл. 51 романа «Дон Кихот» (1615).

⁹ Черныш М.Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. Социология. Этнология. 2015. №4. С. 11.

Иррациональность и рациональная методология в диалектике творческого поиска

Николаева Н. В.

В статье проделан сопоставительный анализ места и роли рационального и иррационального познания в формировании мировоззрения личности. Дана методологическая оценка научного поиска в объективной картине мира, его роли для формирования образа действительности в соотношении с другими, в том числе интуитивными формами. Особый акцент автор сделал на доминантном, но не исчерпывающем характере роли и места рационального познания в понимании действительности, неизбежности участия всех форм познания в полноте и многогранности понимания объективной реальности и цельности истины рационального знания.

Ключевые слова: рационализм, иррационализм, интуиция, диалектическая природа личности, противоречивость и диалектичность развития.

Nikolaeva N. V.

Irrationality and rational methodology in the dialectic of creative search. The article provides a comparative analysis of the place and role of rational and irrational knowledge in shaping the personality outlook. A methodological assessment of scientific research in the objective picture of the world, its role for the formation of the image of reality in relation to other, including intuitive forms, is given. The author placed particular emphasis on the dominant, but not exhaustive, nature of the role and place of rational knowledge in understanding reality, the inevitability of the participation of all forms of knowledge in the fullness and versatility of understanding objective reality and the integrity of the truth of rational knowledge.

Key words: rationalism, irrationalism, intuition, dialectic nature of the personality, inconsistency and dialectical development.

Антропологическая проблематика философского знания в своем наборе всегда имела проблемное поле, в котором решался вопрос о соотношении мифологического, религиозного и философского познания как инструментов постижения связей предметов и процессов объективного мира. Одним из главных вопросов оставался вопрос истины как соответствия знания фактам реальной действительности. Современные экзистенциалисты, помимо ставших традиционными проблем, задавались вопросами пользы разных инструментов познания и знаний, получаемых с их помощью, для гармонии и комфорта существования личности, в том числе в социуме.

История духовного человеческого наследия знает множество путей и направлений решений данного вопроса, более или менее обоснованных, проверенных временем, практикой. Основные известные решения этого вопроса находились всегда на стыках аспектов бытия человека, вскрывающих противоречия его существования: души и тела, материи и духа, знания и веры, интуиции и рациональности. Каждая философская эпоха адекватно своему времени и потребностям прогресса решала этот насущный вопрос, и сегодня один из важнейших его аспектов рассматривается как проблема соотношения бытия и познания. И как всегда, та, или иная концепция в его решении, рано или поздно становилась неудовлетворительной там, где находилось место удивлению, сомнению, творчеству.

Современное знание накопило огромный арсенал концепций различного рода, часть из которых и по сей день вдохновляет современных философов к поиску ответов. Например, идеалистический рационализм Платона, Гегеля, Спинозы, рационализм Канта. Они не подвержены испытанию временем, практика также показала, что концепции классиков наиболее целостно отражают основные, ставшие главными направления решения вопроса соотношения бытия и познания. Платоновская концепция ус-

тройства бытия отражала высшую степень реализации личного творческого познающего начала самой личности философа, а в системе мироустройства вскрыла противоречивость в развитии. Неразрывное единство материи и духа, лежащее в основе платоновского миропонимания, решалось в пользу несомненного приоритета идеи, духа. Но Платон не умалял онтологической роли материи в круговороте идей и вещей в изменении видимого земного мира. Эти две первоосновы бытия выступали по отношению друг к другу в отношении дополнительности [3, с. 25-29], а принцип достаточности в развитии мог осуществляться только при обязательном присутствии обеих сторон бытия. Гениальность Платона и Гегеля, Аристотеля и других выдающихся ученых, философов, состояла в том, что взгляды на связи и процессы в мире выходили далеко за пределы видимого мира, а «угол зрения» был максимально развернут. Кант, например, осознавая ограниченность возможностей человеческого разума в познании, постоянно раздвигал границы рационального познания по мере накопления знания, соотношения его с практикой, оставляя место интуиции.

Противоречивость человеческого бытия, да и самой природы личности, как и противоречивость всего развивающегося в мире, также отражается и в противоречивости человеческого познания. Именно основные законы (диалектические) сосуществования вещей, явлений, процессов в единстве и противоречии и выявляли выдающиеся умы всех времен.

Сегодня уже очевидно, что чистая рациональность (иногда порождающая запрет разума на иррациональные, например, интуитивные прорывы) в познании, приводит иногда к ограниченности результатов. Это становится заметным, когда человек со вниманием прислушивается в своих познавательных процессах к тем иррациональным началам, которые подчас неосознанно, произвольно приводят к смежным или тем же результатам, что и разум. Чувственное познание, как и рациональное, имманентно устройству человеческой психики. Умаление его роли в познании неизбежно приводит к оскудению картины мира в понимании и объяснении последней.

По мере развития эмпирической науки, особенно начиная с 17 века – времени становления

науки в Европе как социального института, из нее постепенно вытеснялись иррациональные способы познания, а тем более обоснования иррациональных истин как «чувственно неопределенных». Научная истина только тогда имела право на признание таковой, когда она облекается в общепринятые нормы научного языка, методологии в научном сообществе. Сообщества также складывались не на основании «одинаково чувствующих» ученых, а разделяющих на рациональной основе те или иные научные принципы, теории, методологии, что позволяло строить аргументации. В пользу или в противовес той или иной точки зрения на общепринятом научном логическом языке. Но это стремление науки к четким рациональным формам, точным формулировкам и выводам, богатой и основательной эмпирике всегда объяснялось ее претензиями на универсальность, самостоятельность, достоверность, достаточность как единственно прочного фундамента современного мировоззрения. Она развивалась менее «благодаря» и более «вопреки» господствовавшим ранее формам мировоззрения (мифологической, религиозной), отстаивая возможности силой человеческого разума, а не чистой веры, делать истины теории и практики прозрачными и объяснимыми. Мировоззренческую победу рации науки помогли одержать научная практика и ее успехи (прикладные отрасли механики в 17-18 веке перевели Европу на индустриальные рельсы, тем самым тем самым подняв общество на новый социально-экономический уровень развития). Таким образом, постепенно, проникая во все структуры мироустройства и рационально объясняя их, развивая на этих основах прикладные отрасли, наука за четыре столетия вывела прогрессивное человечество на качественно новый технологический уровень развития. Но ни один здравомыслящий ученый не припишет эти могучие успехи науки только мощи чистого рации.

Еще Кант говорил о слабости и ограниченности человеческого познания. Человеческое сознание (познание) как и все в этом мире противоречиво, непостоянно. Нашему рации постоянно нужны нерациональные «подпорки» в виде признания идей, социальной и экономической значимости идей, собственной рефлексии относительно своего научного творчества. Эти психологические механизмы составляют нашу

культурную, этническую, интеллектуальную, психологическую самоидентификации, и немалую роль играют в принятии личностью самой себя и результатов своей и чужой деятельности, особенно творчества. Это другая сторона жизни человеческого сознания и познания личности, и только она, в сочетании с произвольной познавательной активностью, делает личность цельной, гармоничной, свободной и понастоящему творческой. Наша рациональность оказывается неспособной, где-то даже мешающей решать некоторые познавательные задачи.

Если рассуждать о развитии человеческого знания с точки зрения Т. Куна и его парадигмального подхода, то рациональная деятельность ученых-профессионалов позволяет разрабатывать в горизонтальной плоскости конкретную научную парадигму, образец научного описания мироустройства и развития, разрешенный или подтвержденный каким-либо фундаментальным законом физики. Все законы, вскрываемые учеными в рамках существующей парадигмы обогащают обозначенный парадигмой уровень научного понимания мира, обеспечивая его полноту и глубину, но не выходят за пределы этого уровня. Выйти за пределы, шагнуть на новую ступень и обозначить новые пределы под силу только такой творческой личности, в самореализации которой гармонично развиты оба начала (рациональное и иррациональное). Такими личностями-провидцами были Ф. Аквинский (систематизация средневековой европейской схоластики), И. Ньютон (систематизация классической механики), Г. Галилей (формулировка принципа относительности), Н. Бор (систематизация квантовой физики), А. Эйнштейн, поломавший все каноны «детерминированного» мира. Цельная творческая личность совершает прорыв в понимании действительности, и смотрит на мир по-новому благодаря слитному цельному способу познания действительности — интеллектуальной интуиции, описать которую очень сложно, так как она рождается случайно, как предчувствие, с одной стороны, а с другой детерминирована рацией, колоссальным опытом в предпринимаемой творческой деятельности, обусловлена личностно-психологическими особенностями, творческим воображением.

Творческая сторона познания личности не определяется простым сложением рациональ-

ных и иррациональных аспектов работы психики. Она составляет неразделимое целое. В этой связи интерес представляет анализ творчества в аспекте эмоционального переживания человеком процесса создания нового продукта. Философия, психология и художественная литература дают здесь богатый материал (Платон, О. Бальзак, С. Цвейг, А. Эйнштейн, А. Пуанкаре, В. Гейзенберг и многие другие) [1]. Р. А. Зотов в своей статье «Самореализация и творчество» пишет: «Хорошо известно, что высокая эмоциональная подвижность, являющаяся необходимым условием всякого творческого процесса, характерна для детского возраста. Для творческой личности она характерна в любом возрасте. Поэтому не удивительно, что творчески одаренные люди в течение всей жизни неизменно сохраняют ярко выраженную инфантильность, как правило, удивляющую и раздражающую современников. К сожалению, и в наше время усилия общества направлены на то, чтобы искоренить такую инфантильность, что постоянно наблюдается в системах воспитания и образования. В результате мы постоянно теряем творчески одаренных людей».

Р. А. Зотов [2] подчеркивает активный характер человеческого познания, выступающий основой самореализации, саморазвития личности, в связи с чем мы постоянно нуждаемся в притоке новой информации о динамичном, меняющемся мире. Эта активность в поиске новой информации является основой познавательных потребностей, творчества личности. Но с возрастом, постигая общие принципы динамики в мире явлений, эта потребность постепенно истощается, минимизируется. Так по мере накопления знаний ребенком в непонятном пока еще мире, потребность в рациональном осмыслении мира очень актуальна, отсюда активный поиск новой информации как рациональными, так и иррациональными способами. Но по мере взросления и накопления знания, мир средне-статистического обывателя становится все более «понятным» в соответствии с его представлениями о нем, а в круге потребностей постепенно меняются приоритеты поиска нового в соответствии с достижениями и свершениями личности на поприще самореализации. Поиск нового во взрослом возрасте Р.А. Зотов у многих людей ассоциирует с неопределенностью и даже зачастую тревогой и опасностью. Форму-

ла жизни «привычное всегда понятнее» блокирует творческий процесс и порождает интеллектуально-творческую лень. Потребность в рациональном понимании и объяснении мира берет верх над стремлением постичь неизведанное, в котором практически не остается места интуиции, прозрению, инсайду.

Сложившийся упорядоченный строй нашей повседневной жизни требует от нас подчинения и организации, дисциплины и порядка. А творческий поиск вносит хаос и дезорганизует упорядоченные процессы. Так у творческого человека любое знание, полученное, в том числе, по иррациональным схемам, подпадает под жесткий контроль разума, проходит проверки, вписывается в выверенные и общепринятые методологические схемы, которые делают его логичным, понятным, ясным и доступным для усвоения другими. Так формируется новый «угол зрения» на мир, имеющий рациональную природу, но в следствие этого – узость сегмента наблюдаемого. Зачастую, мы не видим «леса за деревьями», а наш творческий результат несколько обедняется, «выхолащивается» разумом. По этой причине творческий уровень познания можно назвать высшим уровнем самовыражения личности. В нем обязательно есть место интуитивному поиску, осторожному движению «поступью», ведь мы не знаем, что встретим на пути. При таком подходе к познанию у нас формируются новые формы осознания себя и взаимосвязей с окружающим миром, мы не только открыты новому, но и восприимчивы к нему.

В процессе творческого развития личности происходит ее обогащение и саморазвитие, благодаря рефлексии повышается уровень самоуважения и самооценки. Творческая личность всегда отличается большим притяжением и обаянием для окружающих людей. Она интересна, неординарна в своих идеях, мироощущении и миропонимании. Психологический комфорт жизни творческого человека при определенной доле оптимизма позволяет ему не заикливаться на неудачах, быть активным и устремленным в достижении целей.

Творчество, как правило, протекает в рамках культурного контекста, который представляет собой общепринятые и проверенные временем образы мыслей, действий, принципов. Именно культурный контекст определяет став-

шее в истории культуры традиционным соотношением рационального и иррационального. Нарушение этого соотношения, его отклонения от общепринятого приводит к дисбалансу, и, как следствие, к неприятию большинством результатов творческого поиска.

Так называемое «чувство меры» формируется вместе с усвоением культуры, что хорошо видно на примерах культуры античной Греции, эпохи Возрождения и др. В рамках культур, где «чувство меры» выражено достаточно слабо (Китай, тоталитарные государства с их культом порядка и т.п.), отношение к творчеству и творческой личности является достаточно прохладным, а зачастую и прямо враждебным. Об этом говорят широко распространенные пословицы типа: «избавь меня от великого человека», «не приведи Бог жить в эпоху перемен» и т.д. В таких условиях трудно ждать расцвета творческих способностей человека. «С традицией связан вполне определенный устоявшийся взгляд на мир (общество, природу и человека), выработанный рядом поколений, и попытки сформировать новые позиции рассматриваются как нечто негативное и нежелательное... Частичная дестабилизация общества является фактором, явно благоприятствующим протеканию творческих процессов (состояние «паузы»)[2].

Интересной представляется мысль Р.А. Зобова в описании им этнокультурного контекста понимания творчества на Востоке и Западе. Динамичное общество современной Европы более динамично, открыто и восприимчиво к различным творческим инновациям, в то время как восточное понимание творческой личности и продуктов ее деятельности, кардинально отличается от европейского закрытым традиционализмом, настороженностью ко всему новому как потенциально опасному и угрожающему разрушением традиционных понятий, принципов и устоев в чаще всего религиозной картине мира.

Автор также отмечает возрастание значения творческой личности и ее роли в историко-культурных процессах особенно в переломные моменты истории, когда традиционные решения являются неэффективными в решении имеющихся проблем.

Анализируя составляющие активного познания творческой личности ученые, философы не могут сойтись во мнениях о стандартном наборо-

ре системных качеств таковой. Это объясняется в том числе сложностью и противоречивостью природы личности, но среди факторов, способствующих развитию творчества, перечисляют способности, наследственность, активную мощную мотивацию к поиску, внешние социальные факторы, условия образования и воспитания, роль личности воспитателя в становлении и многие другие. Все эти сочетания факторов обуславливают многообразие подходов к пониманию творчества и творческой природы личности.

Например, субъектоцентрический подход [4] представляет собой направление, нацеленное на рассмотрение противоборства интеллектуальных сил личности, реализацию высших форм ее психической активности, талантов, способностей и т.п., А при социоцентрическом подходе творчество трактуется как активность, которая представляет собой деятельность по созданию оригинальных инновационных продуктов. Все они при этом имеют общественную значимость.

Сложнейший личностный феномен творчества не поддается однозначным трактовкам, его нельзя вписать в выверенные методологические схемы и предложить в его понимании строй-

ную систему принципов. Любой творческий акт отличается единством и целостностью наряду с дискретностью и противоречивостью — он диалектичен. В реальной жизни творчество отличается и порывистым интуитивным прозрением, и прочувствованными идеями, оно сочетает в себе свободную игру интеллектуальных сил и неограниченность полета идей жесткими образцами понимания объективной действительности. Целостное понимание творчества позволяет интерпретировать его многомерно, как с субъективно-индивидуальной точки зрения, так и при оценке его значения для социума.

Литература

- 1.Евлахов А. Введение в философию художественного творчества. В 3-х тт. Варшава, 1923-1926. Т.2.
- 2.Зобов Р.А. Понятие «паузы» и его роль в развитии // Вестник СПбГУ. № 7. 1997.
- 3.Реалистическая философия /Под ред. В.Л. Обухова и В.П. Сальникова. Разд. 1. СПб., 1999. С.25–29.
- 4.Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь / Под ред. В.Н. Келасьева. СПб.: СПбГУ., 1998.

Феноменологическая методология: соотношение субъективного и психологического времени в контексте философии инклюзии

Попов В.В., Музыка О.А., Бартенева С.Э.

В статье рассматривается феноменологическая методология и теоретические основания философии инклюзии. Представляются особенности изучения субъективного времени как компоненты субъективной реальности и рассмотрения внутренней структуры субъективности как единственно человеческой реальности. Исследуется специфика соотношения субъективного и психологического времени в рамках «включающего» общества.

Ключевые слова: темпоральность, феноменология, философия инклюзии, субъективное время, психологическое время, «включающее» общество.

Popov V.V., Musika O.A., Barteneva S.E.

Phenomenological methodology: the relation of subjective and psychological time in the context of the philosophy of inclusion

The article deals with the phenomenological methodology and theoretical foundations of the philosophy of inclusion. The features of the study of subjective time as components of subjective reality and consideration of the internal structure of subjectivity as the only human reality are presented. The specificity of the ratio of subjective and psychological time within the "inclusive" society is investigated.

Key words: temporality, phenomenology, philosophy of inclusion, subjective time, psychological time, "including" society.

Введение. Одна из приоритетных проблем современной философской концепции инклюзии – недостаточная разработка методологических и теоретических оснований проблемы. В истории философской мысли к проблеме субъективного времени обращались многие философы. Исследования в основном шли по двум направлениям: изучение субъективного времени как компоненты субъективной реальности (от античности до марксизма) и рассмотрение внутренней структуры субъективности как единственно человеческой реальности (современные западные теории). Феноменологическая методология должного отражения не получила, тем более применение таких концептов как субъективное и психологическое время.

Основная часть. Поиск соотношения субъективного и психологического времени в контексте философии инклюзии следует проводить в русле теории темпоральности и тех темпоральных структур, которые в настоящее время достаточно неплохо развили ряд современных и отечественных ученых. В этой связи можно предположить, что рассмотрение субъективного и психологического времени подразумевает ряд вопросов, которые находятся в компетенции обеих сфер исследования, естественно, с различным категориальным аппаратом, это и интерпретация, и оценка времени, и темпоральная хронология и, безусловно, ряд вопросов, которые связаны с достаточно сложной областью социально-философского исследования: обращением к сознанию человека.

В данном случае отмечаем, что подобное соотношение субъективного и психологического времени в рамках философии инклюзии не может влиять на социального субъекта в контексте переживания им того времени, в котором он находится, но это безусловно предполагает, как минимум, две сферы переживания, с одной стороны, это его субъективное отношение

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта "Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей", № 19-013-00117/19

ние к той реальности, в рамках которой он находится, и его отношение к различным версиям социального бытия вообще и собственного бытия, в частности, а, с другой стороны, это переживание некоторого психологического времени, психологических феноменов, которые безусловно актуальны в данной ситуации.

В этой связи уместно заметить, что когда в ряде научных исследований на первое место выходит например физиологическое, биологическое и психологическое время, то в этом случае действие индивида с ОВЗ как социального субъекта далеко не всегда имеют приоритетный характер. Более того, подчеркнем, что, например, если рассматривать социального субъекта в подобном контексте, то иногда бывает бессмысленно рассматривать его познавательное отношение к существующей реальности, что влечет за собой отсутствие смысла в констатации того или иного субъективного времени и вообще проблема сознания и социального опыта в подобных ситуациях становится иногда излишней, а иногда уходит на второй план.

Поэтому, когда в явном виде постулируется феноменологическая междисциплинарность самой проблемы, связанной с тем или иным сочетанием субъективного и психологического времени, то, естественно, следует помнить о том, как это влияет на характер основного исследования, создавая такие его фрагменты, которые не только препятствуют рассмотрению опыта и самого сознания социального субъекта, но и дают возможность уйти в другие проблемы, которые по отношению к философии имеют вторичный характер. Нельзя забывать о том, что исследуемое соотношение имеет целый ряд различных аспектов, и если проблема темпоральности в данном случае выходит на приоритетные позиции, то правомерно вести дискурс о том, что она имплицитно охватывает все то, что из нее вытекает, то есть будем иметь дело как с субъективным временем, так и с иными видами времени.

Прежде всего, речь пойдет о психологическом времени в рамках теории инклюзии, так как, например, если учитывать какой-то уровень психологического отношения к той реальности, относительно которой социальный субъект с ОВЗ переживает, то исследователь не будет иметь прямого контакта с реальной действительностью во времени, но он может предпола-

гать определенную картину получения человеческого опыта в результате приспособления его к тому или иному темпоральному отношению в рамках психологического времени.

В этом случае можно иметь ввиду целый ряд аспектов, которые связаны с социализацией лиц с ОВЗ, но в данном случае нельзя не отметить, что есть несколько аспектов, которые напрямую с ними не связаны и это будут аспекты психологического времени, а именно: психологическое время будет коррелировать с определенными временными параметрами, с которыми социальный субъект сталкивается. Результат этого столкновения фактически даст определенную картину той реальности, которую социальный субъект переживает и эта реальность будет касаться того, что проблема времени может перейти от субъективного времени к психологическому времени, так как в этом случае просто рассматриваются иные аспекты человеческого сознания.

В подобной ситуации существует весьма серьезная проблема, которая затрудняет исследование в рамках психологического времени, с чем не сталкивается исследователь при рассмотрении субъективного времени. Дискурс идет о том, что в рамках рассмотрения проблемы темпоральности по отношению к субъективности, на первый план выходят как концептуальные схемы, так и темпоральные структуры. В этом смысле субъективное время вмещает и концептуальный аппарат динамических теорий, чего нельзя сказать о времени психологическом, которое в большей степени зависит от некоторых особенностей собственного опыта социального субъекта с ОВЗ. Это действительно весьма интересная проблема и в современной социально-философской литературе, социологии, в других науках проблема поднимается весьма активно.

Действительно, проблема, которая сейчас поднята в феноменологической методологии, а именно сочетание, соотношение, синтез или корреляция субъективного и психологического времени в контексте философии инклюзии имеет весьма различные аспекты и оттенки. И надо сказать, что в современной социально-философской и иной литературе существует целый ряд работ, связанных с тем, что субъективное время выходит на первый план благодаря тому, что оно связывается не только с уровнями со-

циального бытия и пониманием бытия того или иного социального субъекта, в том числе лиц с ОВЗ. Оно связывается непосредственно с темпоральностью, которая безусловно присуща как субъективному, так и психологическому времени. Отметим, что на приоритетную роль соответственно выходит связь субъекта с ОВЗ с переживанием времени в рамках интервальных структур, которые выделяются на фоне общего представления о концепции интервального времени.

Отметим, что философы и ученые, которые работали в данном направлении комплексно подошли к интервальной концепции времени, рассматривая ее с точки зрения тех возможных структур, которые она может нести, откуда появились моментно-интервальная структура, метрическая интервальная структура, периодически-интервальная структура и иные структуры, другое дело, что данные философы возможно не всегда напрямую связывали понятие субъективного времени с данными структурами, что предполагает проблемы, связанные с глубоким анализом интервальной концепции с выходом на определенные интервальные структуры, связанные с возможностью изучения субъективного времени субъекта с ОВЗ, с его переживаниями внутри той реальности, в рамках которой он находится. Эти исследования дали действительно интересные результаты по которым в настоящее время можно исследовать не просто структуру субъективного времени, но и выходить в более общие проблемы, связанные с отношением субъективного времени человека и социального развития, социальными и историческими процессами, которые происходят в сфере «включающего» общества.

Заключение. Отметим, что достаточно важной представляется проблема связи субъективного времени с определенным переходом от интервальной концепции к ее возможным расширениям или смешанным структурам, а это, как нам представляется, достаточно серьезный вклад в онтологические проблемы социальной философии, так как анализируются не только вопросы, связанные с представлением или построением тех или иных структур, касающихся осмысления времени, но, и главным образом, дается путь к конструированию и моделированию субъективного времени, также в стороне не остаются вопросы, соотношенные с интер-

претацией и оценкой субъективного времени, что является достаточно важным сегментом рассмотрения субъективного времени в контексте социально-философского знания.

Литература

1. Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического // Философия права. - 2011. - № 4 (47). - С. 86-90.
2. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. / Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по курсу "История и философия науки": в авторской редакции / В. В. Попов, И. Н. Самойлова, Б. С. Щеглов; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Таганрогский гос. пед. ин-т". Таганрог, 2007.
3. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал-2017- № 4 (107). - С. 373-375.
4. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал-2017- № 4 (107) - С. 419-421.
5. . Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеенко В.А.. Социальное противоречие в контексте социальных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований-2017- № 1-2. - С. 361-364. 6. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований- 2017- № 3-2. - С. 315-318. 7. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н Случайность в контексте динамических категорий // Философия права- 2015- № 1 (68)- С. 25-29.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеенко В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.- 2017. - № 1-2. - С. 361-364.
9. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // Фундаментальные исследования- 2015- № 2-25- С. 5730-5733.

10. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке// Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.
11. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества// Социально-гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45
12. . Попов В.В., Тимофеенко В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве// Фундаментальные исследования. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.
13. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа.- 2006. -№ 1.- С. 24
14. Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика. ежегодный прогноз. Дынкин А.А., Барановский В.Г., Адно Ю.Л., Афонцев С.А., Богаевская О.В., Володин А.Г., Кудинова О.Н., Кузнецов А.В., Леонтьева Е.Л., Луконин С.А., Мачавариани Г.И., Миркин Я.М., Никитина Е.Н., Попов В.В., Сергеев П.А., Амиров В.Б., Андреев Ф.А., Вода К.Р., Громогласова Е.С., Звягельская И.Д. и др. Руководители проекта - А.А.Дынкин, В.Г.Барановский; подготовлен ИМЭМО РАН, ЦСА РАН и ФПИИ в сотрудничестве с ТПП РФ. Москва, 2012.

Понятие ресентимента как инструмента анализа социальных явлений

Шафаревич И.О.

Понятие ресентимента характеризует завистливую бессильную злобу низших по отношению к высшим, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус. Исследование ресентимента в трудах Ф. Ницше и М. Шелера, а также ряда современных философов, свидетельствует, что данное понятие используется ими как инструмент анализа социальных явлений. Ф. Ницше выявил психологические и исторические истоки ресентимента, показал его вину в пороках общества и выдвинул программу его преодоления. М. Шелер сделал понятие ресентимента оружием критики буржуазного общества и включил его в контекст своей философской антропологии. Современные авторы продолжают использовать данное понятие для анализа социальной, в том числе виртуальной, реальности и выявления в ней признаков ресентимента. Ключевые слова: ресентимент, ценность, человек, М. Шелер, Ф. Ницше.

Shafarevich I.O.

The concept of resentment as a tool of analysis of social phenomena
The concept of resentment characterizes the envious impotent anger of the lower towards the higher, the painful consciousness of the futility of attempts to improve their status. The research of resentment in the works of F. Nietzsche and M. Scheler, as well as a number of modern philosophers shows that they use this concept as a tool for the analysis of social phenomena. F. Nietzsche revealed the psychological and historical origins of resentment, showed his guilt in the vices of society and put forward a program to overcome it. M. Scheler made the concept of resentment a weapon of criticism of bourgeois society and included it in the context of his philosophical anthropology. Modern authors continue to use this concept for the analysis of social, including virtual, reality and identification of signs of resentment in it.

Key words: resentment, value, person, M. Scheler, F. Nietzsche

В самом общем смысле понятие ресентимента характеризует завистливую бессильную злобу низших по отношению к высшим, тягостное сознание тщетности попытки повысить свой статус. Исследование феномена ресентимента в качестве инструмента анализа социальных явлений представляется весьма актуальным, так как, по мнению ряда авторов, сегодня происходит массовое смещение ценностей, а само общество никак не обретет равновесие. Оно как бы зажато в «культурные тиски», причиной чего является расхождение идеальных и реальных ценностей, а человек балансирует на своеобразных «качелях», бросаясь из крайности в крайность. Следствием этого состояния стал кризис духовности, одним из свидетельств которого стало возникновение ресентименторной личности. Используя понятие ресентимента, можно прояснить причины духовных проломов, а также нивелировать столкновения интересов в межличностной, социальной и религиозной сфере. Выход из состояния ресентимента является непростым и болезненным процессом, который требует трансформировать негативные эмоции и изменить социальную практику.

Понятие «ресентимент» происходит из французского языка, однако первым к его исследованию обратился Ф. Ницше. Указанный термин также вызвал интерес у православного русского мыслителя Н. А. Бердяева: он обратился к нему перед началом революционных событий, так как не мог подобрать другого понятия для характеристики духовного состояния российского общества того времени [1, с. 61]. К рассматриваемому понятию проявил интерес и М. Шелер, который отмечал, что ресентимент – сложное понятие, которое отличается от зависти, ненависти или неприязни [6]. Как отмечал З. Фрейд, феномен ресентимента имеет корни «в сублимации понимания собственной неполноценности в обособленную систему морали» [2, с. 51].

Большинством современных авторов ресентимент рассматривается в аксиологическом ас-

пекте, при этом обозначается его роль в формировании новых ценностей. Заслуживают внимания труды таких авторов, как Р. Г. Апресян, А. С. Синебрюхова, В. А. Жилина, которые исследовали проблему ресентимента с этической точки зрения [11]. По мысли М. Н. Эпштейна, ресентимент позволяет провести анализ скриптов хранения социальной информации, в основе которых заключены современные обобщения скрипторики солидарности социально групповых отношений.

Целью данной статьи является исследование понятия ресентимента как инструмента анализа социальных явлений.

Как уже было отмечено, термин «ресентимент» был введен в научный оборот Ф. Ницше. В работе «К генеалогии морали», целью его применения была критика «морали современного ему общества» [3, с. 71]. Перевод с французского слова «ресентимент» означает негодование и мстительность, возникающие у слабых людей (рабов) по отношению к людям, которые располагаются на «высших ступенях» лестницы, причиной чего является собственная неполноценность человека. Ф. Ницше отмечал, что феномен ресентимента зародился в Европе в качестве «комплекса негативных эмоций» [3, с. 82], всплеска ненависти, ожесточения толпы против реформ XVI–XVII веков, которые были призваны преобразовать католическое христианство. Как отмечает Ф. Ницше, формирование ресентимента произошло после того, как субъект осознал свое низкое положение в обществе, следствием чего стало формирование стыда, отчаяния, злости, вызванной ощущением униженности собственного достоинства. Многократно возвращаясь к негативным эмоциям, человек начинает испытывать зависть и ненависть, которые перерождаются в желание мстить, при этом одновременно формируется объект для мести. Если у субъекта есть убеждение, что его неустроенность есть вина посторонних лиц (правительства, работодателя), то направленность его мести определена заранее, происходит формирование экстравертируемой модели ресентимента [3, с. 89]. В случае, когда социальным субъектом особенно остро осознается собственная ущербность и никчемность по сравнению с другими, если им признается собственная несостоятельность, то злость и ненависть могут быть направлены на самого

себя. Тогда имеет место формирование интравертируемой модели ресентимента. И в первом, и во втором случае деформируется ценностная система и изменяется поведение субъектов.

Ф. Ницше также выдвинул идею существования морали господ и морали рабов, которые он разделяет по ряду оснований, основным из которых выступает аксиологическая антитеза «внутреннее» – «внешнее». Если мораль господ исходит изнутри субъекта, то реализация плембей происходит в отрицании, так как ему приходится подчиняться и подлаживаться под господ. Если первую мораль можно назвать инициативной, то вторую именуют реактивной.

Особенно ярко феномен ресентимента, как отмечает Ф. Ницше, проявляется в «восстании рабов»: «Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности...» [3, с. 94]. В процессе восстания рабов утверждается новая мораль и новый способ оценивания. Местом концентрации ресентимента выступает «поворот оценивающего взгляда»: взгляд с необходимостью обращается «вовне, вместо обращения к самому себе»; «мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения, прежде всего, в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — её акция в корне является реакцией» [3, с. 95]. Напротив, мораль господ является спонтанной, и «ищет своей противоположности лишь для того, чтобы с большей благодарностью, с большим ликованием утверждать самое себя» [3, с. 98].

Таким образом, Ф. Ницше использует понятие ресентимента для анализа современной ему духовной ситуации, выявляет ее исторические корни и психологические причины, предлагает «мораль господ» как средство решения проблемы.

Концепция ресентимента Ф. Ницше в дальнейшем получила развитие по ряду направлений. Одним из ее проявлений является критическая верификация, при которой концепцию ресентимента принимают, но критически переосмысливают в соответствии с каким-либо основанием. В частности, М. Шелер, давая высокую оценку сделанному Ф. Ницше открытию феномена ресентимента, критически высказывается о его учении, в рамках которого христианство трактовалось как чистейший продукт ресентимента. М. Шелером было убедительно

доказано, что ряд выводов Ницше, относительно ресентименторной сущности христианства был обусловлен неправомерной трактовкой христианства только как морального учения, которое ограничивает заповеди благоразумия. Подлинное понимание духа христианства возможно только тогда, когда принято фундаментальное для него представление о Царстве Божьем [4, с. 68].

Как определяет М. Шелер, ресентимент является скрытой движущей силой, вызвавшей разложение этоса, по той причине, что произошел переворот в позитивном порядке ценностей. Центром творчества М. Шелера всегда выступает «брюющийся» скептический мыслитель, который антагонистически противостоит яду ресентимента своего времени.

Понятие «ресентимент» играет важную роль в системе взглядов М. Шелера, обладает в ней всеохватывающим значением. Другими словами, основной тезис шелеровской концепции ресентимента в концентрированной форме включен во все затрагиваемые им темы, составляя с ними единое целое. В шелеровском учении о симпатии происхождение ресентимента феноменологически объясняет ненависть, а происхождение симпатии, или сочувствия, — любовь [4, с. 71]. При этом, отправная точка в концепции ресентимента — материальная этика ценностей с ее вечным ранговым порядком ценностей (*ordre du coeur*). Заблуждения в *ordo amoris* (*desordre du coeur*) рассматриваются М. Шелером в качестве первых негативных проявлений ресентимента [5, с. 19]. То, что ресентимент фальсифицирует ценностные таблицы, вызывает в восприятии личности (или групп) процесс искажения образа конкретного объекта или же всего мира, причем, получаемые искаженные образы включаются затем в качестве «идеальных факторов» в действие человека и преобразуют общество, используется в теории действия и социологии знания. Если же М. Шелер позиционирует ресентимент в качестве «отравляющего личность яда», нарушающего акт, где личность, открываясь миру, независимо от масштабов и числа наблюдений или телесно обусловленного опыта, может постичь множество сущностных качеств и структурных форм мира, то это раскрывает ряд основных положений шелеровской философской антропологии и теории интерсубъективности.

Особую опасность ресентимента Шелер усматривает в становлении «механистического мировоззрения» как необходимой составляющей буржуазного общества. Все неудобства, вызванные развитием индустриализации, рассматриваются не как временные трудности, а становятся ценными сами по себе, предпочтительными и благородными. Причины этих процессов Шелер видит в смещении порядка материальных ценностей: замена ценностей «витального» на ценности «полезного», ценность орудия труда определяется выше ценности человеческой жизни. Эти процессы, по мнению Шелера, способствуют деградации общества, упадку жизни. Таким образом, понятие ресентимента у М. Шелера используется как инструмент социальной критики буржуазного общества, а также как философская характеристика целостного модуса человеческого бытия.

В современные научные исследования понятие ресентимента продолжает использоваться для понимания социальных процессов. Ч. Пак писал: «Верно, когда в ресентименте видят первопричину переворота в абсолютном порядке ценностей и, отправляясь от него, описывают этот процесс. Но переворот в ценностях еще не означает того, что влияние ресентимента закончилось. Оно идет дальше, чем обычно предполагают» [6, с. 152]. В качестве социальных предпосылок, которые способствуют возникновению ресентимента, исследователи называют: социальную дифференциацию общества; социальную неудовлетворенность субъектов, вызванную статусной неопределенностью или социальной несправедливостью; социальную дезорганизацию (аномия), маргинализацию при потере социального статуса; социальную изоляцию (отчуждение); личностную неустроенность (потеря работы, неудачи в жизни, непризнание) [7, с. 52]. С психологической точки зрения ресентимент как негативная реакция субъекта содержит в себе посыл враждебности. В структуру враждебности всегда включаются аффективный и поведенческий компоненты, которые могут представлять собой вербальную или невербальную агрессию. Любые проявления агрессии обладают разрушительной силой, под их воздействием деформируется внутренний мир субъекта, складываются деструктивные наклонности, следствием чего является увеличение правонарушений во всех сферах жизни.

На нынешнем этапе развития общества очень остро ощущается социальная дифференциация, по причине которой у людей отсутствует равный доступ к материальным и духовным благам. Еще одним критерием социального неравенства выступает возможность для граждан участвовать в политической и общественной жизни общества. Если у субъектов власти формируется чувство вседозволенности, то в остальных слоях общества из-за отсутствия ресурсов власти складывается комплекс униженных, следствием чего выступают различные формы протеста [8, с.62]. Из-за социального и политического неравенства разрушаются нравственные основы общества, нивелируется мораль, пропагандируется прагматизм и гедонизм, а субъекты стремятся достичь успеха любой ценой, пусть даже путем проявления агрессивности.

Еще один фактор, который сегодня повышает уровень завистливой агрессивности, – это рыночные отношения, так как конкуренция диктует свои правила, порождает неудовлетворенные амбиции, бессильную зависть к чужому богатству. Стремясь достичь успеха, субъекты рынка воздействуют на конкурента разными способами, в том числе и публичным унижением, мстостью, физическим насилием.

Новые проявления ресентимента формируются в информационно-сетевом пространстве. Сегодня индивиды реализуют свою активность при помощи социальных сетей, а соответственно, ресентимент в значительной степени генерируется в электронных коммуникациях. Исследователи сетевых текстов утверждают, что имеют место определенные шаблоны и клише, ведутся игры бессубъектных форм культуры. Сетевые дискуссии строятся по определенным правилам, которые кодируют реальность и где существуют определенные правила общения. Сетевыми текстами репрезентируется целый ряд социальных отношений, где полным ходом идет «сетевая жизнь» [8, с. 62]. В социальных сетях люди, представляющие определенные слои общества, демонстрируют высокий уровень жизни, достаток, успешность и беззаботную жизнь, которые выступают предметом зависти и ненависти тех, кто не может получить данные материальные и духовные блага. Отсутствие возможности самореализации, неполноценность и неудовлетворенность создают благоприятные условия для формирования ресентимента. Нельзя

не отметить роль в этом процессе ряда сайтов, имеющих экстремистскую направленность: они распространяют информацию, которая призвана изменить жизненные установки, ценности, сформировать межклассовую, межэтническую вражду, сформировать чувства ненависти, желание мести, а значит, и ресентимент [9, с.56]. Перенос реальной жизни в виртуальную дает многим возможность уйти от реальных проблем, но при этом проявлять все свои чувства – от ненависти до восторга – в социальных сетях и виртуальном мире, где также сегодня имеется некое расслоение общества, но, однако есть и возможность некоторой безнаказанности действий. Именно через призму ресентимента можно исследовать современный социум, в котором имеет место отказ многих людей от реальности, напрямую связанный с чувством беспомощности, неспособностью сопротивляться обстоятельствам.

Таким образом, понятие ресентимента остается полезным философским инструментом анализа социальной реальности, поскольку фиксируемый им феномен воспроизводится все в новых формах и обстоятельствах.

Выводы. Понятие ресентимента характеризует завистливую бессильную злобу низших по отношению к высшим, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус. Исследование ресентимента в трудах Ф. Ницше и М. Шелера, а также ряда современных философов, свидетельствует, что данное понятие используется ими как инструмент анализа социальных явлений. Ф. Ницше выявил психологические и исторические истоки ресентимента, показал его вину в пороках общества и выдвинул программу его преодоления. М. Шелер сделал понятие ресентимента оружием критики буржуазного общества и включил его в контекст своей философской антропологии. Современные авторы продолжают использовать данное понятие для анализа социальной, в том числе виртуальной, реальности и выявления в ней признаков ресентимента.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Путь, 1911. – 254 с.
2. Фрейд З. Введение в психоанализ / Перевод Г.В. Барышниковой. - Алетейя СПб, 1999. – 371 с.

3. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. 461 с.

4. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения / Под ред. А.В. Денежкина. М., 1994. С. 129–194.

5. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М.: Наука, 1999. (URL: http://krotov.info/libr_min/25_sh/el/er1.html).

6. Пак Ч. Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств / Перевод А.Н. Малинкина [Электронный ресурс] // Социологический журнал, 1997. № 4. С. 151–164.

7. Рулина Т. К. Ментальные подходы к фасилитации больших социальных групп: проблема безопасности коллективного интеллекта общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2015. № 3(12). С. 52–55.

8. Бакшутова К. В. Проблема ресентиментности этноса сетевой среды: социальная эпистемология сетевого ресентимента // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2018. – № 3. – С. 61–64

9. Исаченко Н. Н. Ресентимент как социальное явление современного общества // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 2. – С. 55–61

10. Синебрюхова А. С., Жилина В. А. Ресентимент как черта современных моральных рисков // Социальные нормы в условиях современных рисков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 мая 2017 г.). Челябинск, 2017. С. 278–282.

11. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общественная оценка ситуации в Республике Северная Осетия – Алания

Дзуцев Х.В.

Статья основана на материалах массового (250 респондентов) и экспертного (25 человек) опросов, проведенных в период с 18 сентября по 5 октября 2018 года в г. Владикавказе. Целью исследования стало изучение общественного мнения об эффективности деятельности такого института государственной исполнительной власти, как глава республики.

В качестве объекта массового опроса выступили жители г. Владикавказ, в котором сосредоточено 43,6 %¹ населения республики. Эксперты были представлены действующими и бывшими чиновниками, депутатами Парламента РСО-А, представителями научной интеллигенции, СМИ, горожанами.

Ключевые слова: перемены, современный мир, законы, политический аппарат, регионы, власть, работодатели, социум, агрессия, душевное состояние.

Dzutsev H.V.

Public assessment of the situation in the Republic of North Ossetia-Alania. The article is based on the materials of mass (250 respondents) and expert (25 people) surveys conducted from September 18 to October 5, 2018 in Vladikavkaz. The purpose of the study was to study public opinion on the effectiveness of the institution of state executive authority, such as the head of the republic.

Residents of the city of Vladikavkaz, in which 43.6% of the population of the republic are concentrated, acted as the object of the mass survey. The experts were represented by current and former officials, deputies of the Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania, representatives of the scientific intelligentsia, the media, and citizens.

Keywords: changes, modern world, laws, political apparatus, regions, power, employers, society, aggression, state of mind.

Многие аспекты в современном мире, в том числе в сфере управления, подвергаются капитальным изменениям. Это прежде всего регулярное проведение законов, установок, решений и государственных дел официальными лицами, входящими в политический аппарат. С их помощью власть применяет меры, меняя социальную ситуацию. С этой целью мы изучаем эффективность ее работы, насколько она способна заставить граждан с их интересами даже при оказании со стороны общества сопротивления. Власть является неотъемлемой частью практически всех общественных взаимоотношений, включая отношения между работодателями и работниками. В данной статье рассматривается более узкий аспект власти: как Глава РСО-А может влиять на перемены, произошедшие за последние два года с момента его вступления в должность.

На наш вопрос мы получили следующий ответ (табл. 1).

По мнению большинства респондентов (37,2%), в республике произошли некоторые перемены к лучшему, 30,4% за два года не заметили никаких перемен, почти четверть (22,3%) считают, что произошли некоторые перемены к худшему, 6,0% видят перемены к худшему и только 4,1% респондентов довольны результатом двухлетнего правления Главы РСО-А.

Современная система власти старается принимать решения с учетом мнения прежде всего того социума, которым он управляет (населе-

Таблица 1

Как Вы оцениваете перемены, произошедшие за последние два года с момента вступления в должность главы республики В.З. Битарова? (выбрать один ответ) в %

Произошли значительные перемены к лучшему	4,1
Произошли некоторые перемены к лучшему	37,2
Произошли некоторые перемены к худшему	22,3
Произошли значительные перемены к худшему	6,0
Никаких перемен не произошло	30,4
Всего	100,0

Таблица 2

Как Вы оцениваете перспективы развития РСО-А на ближайший год? (выбрать один ответ) в %

РСО-А будет развиваться успешно	11,3
РСО-А ждут трудные времена	28,1
Ничего принципиально не изменится	42,4
Затрудняюсь ответить	18,2
Всего	100,0

Таблица 3

Как бы Вы охарактеризовали свое обычное, повседневное эмоционально-психологическое состояние? (Дайте один ответ, точнее всего характеризующий Ваше состояние) в %

Ощущаю эмоциональный подъем	4,0
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	35,8
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	25,3
Ощущаю тревогу	7,1
Чувствую раздражение	11,2
Ощущаю чувство озлобленности	12,3
Ощущаю чувство агрессии	4,3
Всего	100,0

Таблица 4

Что преобладает в психологическом состоянии тех людей, которые чаще всего окружают Вас в повседневной жизни (родственники, друзья, коллеги по работе)? (Выберите не более 2-3 ответов, точнее всего характеризующих их преобладающее состояние)² в %

Эмоциональная приподнятость	25,0
Спокойствие, уравновешенность	45,0
Безразличие, апатия	23,1
Тревожность	23,0
Раздраженность	19,2
Озлобленность	20,0
Агрессивность	10,3

ние республики, региона, страны в целом). Для этого есть разная форма отчета Президента РФ перед Федеральным собранием и Советом Федерации, отчет Главы РСО-А перед Парламен-

том РСО-А и республиканскими СМИ, где он докладывает, как власть решает насущные проблемы в республике. Есть также форма - проведение массовых социологических исследований, где можно получить ответы на многие вопросы локального характера вплоть до таких проблем: как народ готов к сегодняшним изменениям, готовность к реализации своих талантов (табл. 2).

В перспективе в республике ничего принципиально не изменится, считают 42,4% респондентов, 28,1% ждут трудных времен, 18,2% затруднились ответить на вопрос, 11,3% уверены в завтрашнем дне.

Для нас также было важно, насколько наши респонденты удовлетворены своим социальным положением, каждый должен был дать свою субъективную эмоциональную оценку различным потребностям, включающим целый комплекс необходимого для гармоничного развития личности и общества, начиная от культурных и заканчивая оценкой собственной агрессии.

Как видно из табл. 3, 35,8% участников опроса чувствуют себя спокойно, уравновешенно; четверть находятся в состоянии безразличия, апатии; 12,3% ощущают чувство озлобленности; 12,3% чувствуют раздражение; 7,1% респондентов ответили, что ощущают тревогу, и только 4,0% - эмоциональный подъем.

Каждый член общества осознает, насколько важным является его душевное состояние и как может оказывать влияние на принятие решения как на уровне государства, так и на уровне личности (табл. 4).

Как видно из табл. 4, большинство респондентов окружают в жизни спокойные, уравновешенные люди, в эмоционально приподнятом состоянии пребывает четверть окружения наших респондентов, одинаковый процент (23,1) набрали участники опроса, которых окружают люди, находящиеся в состоянии безразличия, апатии и тревожности. Психологическое состояние пятой части родственников, друзей, коллег по работе наших респондентов характеризует озлобленность, 19,2% - раздраженность, 10,3% - агрессивность.

Эксперты считают, что раздраженных людей больше, потому что они больше обращают на себя внимание.

Если в физическом мире происходит деформация тела под влиянием внешних сил, то же

самое происходит и в обществе. Быстрые изменения в экономике, отход от экономики промышленности, когда практически в одно мгновение перестали работать 12 заводов в г. Владикавказе и 40 тысяч рабочих стали безработными, социальное напряжение выросло катастрофически. И это вызвало глубинные изменения в обществе, особенно в экономике, ориентированной на сферу услуг. Эти изменения по всему фронту экономической деятельности в обществе привели к дестабилизирующему эффекту в РСО-А, мы потеряли многие виды профессий, страх потерять работу поселился в подавляющей его части. Но за последние два года, как показывают наши материалы опроса, ситуация нормализуется (табл. 5).

Как видно из таблицы, чуть больше половины респондентов (50,6%) считают, что ситуация в обществе не поменялась за истекшие два года, она осталась такой же, как раньше: каждый пятый (20,4%) уверен, что напряжение в обществе немного снижается; почти столько же респондентов (18,0%) диаметрального мнения; 7,0% участников опроса считают, что напряжение существенно возрастает; 4,0%, наоборот - что оно существенно снижается.

В итоге можно сделать вывод, что за последние два года произошли положительные изменения в общественной жизни республики. В то же время 42,4% респондентов высказались, что в ближайшем будущем принципиальных, радикальных изменений не предвидится. Важным фактором является то, что 39,8% чувствуют себя спокойно, уравновешенно. Данное высказывание подтверждается и тем, что в обществе чувствуются эмоциональная приподнятость, спокойствие и уравновешенность (70,0%). 50,6% респондентов считают, что ситуация в республике останется прежней, а 24,0% - что в перспективе напряжение в обществе снизится.

Литература

1. Гидденс Э. Социология. М., Эдиториал УРСС, 1999, 703 с.
2. Дзуцев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Северная Осетия-Алания Российской Федерации: со-

Таблица 5

Как Вы считаете, возрастает или снижается в североосетинском обществе напряжение после избрания Главой РСО-А В.З. Битарова? (выбрать один ответ) в %

Напряжение в обществе существенно снижается	4,0
Немного снижается	20,4
Немного возрастает	18,0
Существенно возрастает	7,0
Ситуация в обществе остается такой же, какой была раньше	50,6
Всего	100,0

циологический анализ. Москва-Владикавказ, 2017. - 163 с.

3. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М., РОС-СПЭН, 2012. - 733 с.

4. Дзуцев Х.В. Владикавказ и его люди. Владикавказ, 2011. - 403 с.

5. Дзуцев Х.В. Коррупция в органах исполнительной власти Республики Северная Осетия - Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Монография. М.: ИСПИ РАН, 2011. - 141 с.

6. Иконников-Галицкий Анджей. Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия. 1866-1916 / Иконников-Галицкий Анджей. - М.: Современная интеллектуальная книга, 2016. - 368 с.

7. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм: моногр. / Макаренко В.П. - М.: Книга по требованию, 2012. - 367 с.

8. Попович А. С. От бюрократизации управления до бюрократизации мысли. Марксистский анализ феномена бюрократии / Попович А.С., Попович З.А. - М.: Ленанд, 2015. - 392 с.

Ссылки:

¹Федеральная служба государственной статистики. Республика Северная Осетия-Алания. Население. //Электронный ресурс: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/statistics/statOset/.

²Учитывая, что каждый эксперт мог выбрать несколько вариантов, общая сумма ответов составляет более 100%.

Воспроизводство человеческого капитала в отечественных компаниях

Дружинин Г.В., Пружинин А.Н.

В статье анализируются условия, формы и процессы воспроизводства человеческого капитала, осуществляемые в рамках деятельности отечественных компаний в различных субъектах Российской Федерации. Рассматриваются условия и риски потенциального развития человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, воспроизводство, социальное развитие, социальная стабильность, территория

Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N.

Reproduction of human capital in domestic companies

The article analyzes the conditions, forms and processes of reproduction of human capital, carried out in the framework of the activities of domestic companies in various regions of the Russian Federation. The conditions and risks of potential human capital development are considered.

Key words: human capital, reproduction, social development, social stability, territory

В современной теории часто встречается тезис, что социальная ответственность компаний, как воспроизводство человеческого капитала и его развитие в частности появилось только в 2000 -х. Что на взгляд автора является неверным поскольку ещё в дореволюционной России было распространено меценатство среди купцов и людей высокого сословия. Поэтому вернее будет сказать социальная ответственность в России и её следствие – рост человеческого потенциала были всегда, и имели свою эффективность, но революции, перестройки, выдернули наше меценатство вместе с культурным корнем. И Россия в новой экономике создает новые пути по воспроизводству человеческого капитала для перехода в инновационную экономику. Человеческий капитал играет большую роль в процессах консолидации и социального воспроизводства общества (Дружинин Г.В. [1,2,3], Завьялов А.В. [4], Полюшкевич О.А. [5,6,7], Пружинин А.Н. [8,9,10], Скуденков В.А. [11] и других).

На взгляд авторов, уместно рассмотреть Россию не только констатируя её методы развития человеческого капитала и их современное состояние, но и попутно сравнивая с другими странами.

Сегодня Россия находится на 49-ом месте индекса ИЧР (индекс развития человеческого капитала) с такими странами как Мексика, Саудовская Аравия, Ливия т.е. находится последней в списке развитых стран. На момент 2016 г. общий ИЧР у России 0,804, у США 0,902, Канады 0,920, Франции 0,897, Германии 0,926, Италии 0,887, Япония 0,903, Великобритания 0,909. В это же время расходы России на социальную сферу значительно ниже, чем у стран группы G8 (см. табл. 1), что противоречит принципам инновационной экономики – финансирование социальной сферы максимально эффективно, а не по остаточному принципу.

Главный минус РФ в индексе ИЧР это продолжительность жизни – 109 е место, в то время как по уровню доступности образования на

Таблица 1
Структура расходов государственных бюджетов стран «большой восьмерки», 2018 г., % к ВВП

	Россия	Канада	Франция	Германия	Италия	Япония	Велико- британия	США
Здраво- охранение	5,06	7,54	7,85	6,78	7,12	8,46	7,43	8,61
Образование	4,79	5,96	5,86	4,37	4,63	4,25	6,33	6,64
Сумма	9,85	13,5	13,71	11,15	11,75	12,71	13,76	15,25

Таблица 2
Расходы стран на здравоохранение в 2014 г. % от ВВП

Россия	США	Швеция	Франция	Германия	Великобритания	Норвегия
7	17	10	12	11	9	10

31-ом месте. Более того демографическая проблема не может быть решена в одночасье, поэтому это ещё долг будет отрицательно воздействовать на общий индекс ИЧР. Кроме того, у России есть сильный разрыв по индексу ИЧР среди регионов. Выше он в финансовых центрах России и нефтедобывающих районах. Эти территории по индексу можно сравнить с Америкой, Великобританией, Канадой (индекс от 0,865 до 0,949) и в них живет 26% населения. В это же время 68% населения живет в регионах с индексом ниже среднего, т.е. большая часть этих территорий экономически не самостоятельны. Данные регионы можно сравнить с Ираном, Казахстаном, Украиной, поскольку 6% населения живут в регионах отстающих от общероссийских показателей. Сложившаяся ситуация, во-первых, затрудняет объективную оценку общего индекса человеческого развития России, во-вторых экономически несамостоятельные регионы являются пассивом для экономики России, значительно выгоднее, когда регионы способны себя обеспечить самостоятельно. Уже было замечено, что часть развитых регионов – нефтедобывающие, это позволяет иметь регионам большой доход, но не развитие здравоохранения и образования. Так или иначе за последние 20 лет ИЧР России растет с (0,802) в 2010 г. до (0,804) 2015 г. но нельзя назвать эти показатели высокими. Неравенство среди регионов сокращается.

Воспроизводство человеческого капитала по компоненту здоровья. Как уже было сказано в прошлом параграфе здоровье является основой и возможностью для личностной реализации человека, которая будет приносить ему доход. Смерть человека рассматривается как полное обесценивание вложенных инвестиций.

Как видно из предложенной таблицы Россия значительно уступает в финансировании здравоохранения. При этом средняя продолжительность жизни в указанных странах на 10-12 лет выше и в большинстве превышает 80 лет. Швеция - 83 года, США - 79, Германия - 81, Франция – 82, Великобритания - 81, Норвегия – 81, Россия – 70. Иными словами, люди с большей продолжительностью жизни приносят больше экономического эффекта (см. табл. 2).

Переход России от государственной системы финансирования здравоохранения к бюджетно-страховой модели, где финансирование сочетается с бюджетным и платным здравоохранением пока не дал ощутимых результатов. С одной стороны, сократилось финансирование со стороны государства, с другой стороны часть населения не может себе позволить платные медицинские услуги. Сегодня основным источником финансирования остается государственный бюджет, который формируется из поступления общих налогов от хозяйствующих субъектов и населения. Децентрализация налоговых потоков привело к тому, что до лечебно-профилактических учреждений стало меньше доходить налоговых отчислений. Поэтому поликлиники вынуждены увеличивать количество платных услуг.

Территориальные программы ОМС включают в себя виды и условия оказания медицинской помощи, перечень страховых случаев и определяют объем финансовых затрат на предоставление медицинской помощи с учетом территориальных особенностей. На данный момент в РФ реализуется программа по развитию здравоохранения задачи которой разработка и внедрение механизмов бюджетно-страховой модели, оптимизация расходов на образование, а

Таблица 3
Динамика изменения численности населения России по годам (млн, чел).

Год	1980	1990	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Население, человек	147, 65	146,89	142,89	142,85	146,26	146,54	146,804	146,880

Таблица 4
Население по федеральным округам на 2017-2018 гг.

№	Субъект России	На 1 января 2018	На 1 января 2017	Общий прирост	Естественный	Миграционный
	Российская Федерация	146 804 372	146 544 710	259 662	- 2 286	261 948
1	Центральный ФО	39 209 582	39 104 319	105 263	- 71 020	176 283
2	Приволжский ФО	29 636 574	29 673 644	- 37 070	- 22 713	- 14 357
3	Сибирский ФО	19 326 196	19 324 031	2 165	14 755	- 12 590
4	Южный ФО	16 428 458	16 367 949	60 509	- 18 767	79 276
5	Северо-Западный ФО	13 899 310	13 853 694	45 616	- 10 606	56 222
6	Уральский ФО	12 345 803	12 308 103	37 700	22 428	15 272
7	Северо-Кавказский ФО	9 775 770	9 718 001	57 769	78 560	- 20 791
8	Дальневосточный ФО	6 182 679	6 194 969	- 12 290	5 077	- 17 367

также планирование кадровой политики в области медицины.

Современная отечественная теория рассматривает демографический потенциал, как результат функционирования сложной совокупности социальной, политической, духовной, экономической подсистем общества. Основное предназначение демографической политики является поддержание непрерывности человеческого рода через воспроизводство населения. В эту сферу включаются же и миграционные процессы, расселения и социализации подрастающего поколения.

Одна из задач качественного воспроизводства человеческого капитала является увеличение демографического потенциала для обеспечения социально-экономического роста. Количественный показатель населения (численность населения) зависит от географического пространства нашей страны. Её протяженность и географический масштаб, разные климатические условия, расположение природных ресурсов требуют продуманного распределения со-

циальной инфраструктуры. Иными словами, если не учитывать все эти факторы и не создавать полноценные условия жизни, у нас не будет расти численность населения, соответственно не будут полным ходом развиваться промышленность, наука и образование во всех регионах. Ведь как уже было замечено переход в инновационную экономику требует внушительных инвестиций в социальную сферу.

В 2016 году коэффициент естественного прироста составлял 0,3 что в численности населения равно 277 422 тыс. человек. За 2017 г. количество населения снизилось на 259 662 тыс., человека, а коэффициент составил - 0,01. В 2018 г. ситуация ухудшилась, естественная убыль населения – 134 456 тыс., чел, коэффициент -0,9 (см. табл.4). Особый интерес вызывает и статистика федеральных округов, как можно видеть только в четырех из восьми положительный естественный прирост. при этом сложилась ситуация что общий прирост населения связан с миграционными процессами. Сама по себе ситуация не обещает ничего хоро-

Таблица 5

Динамика населения при проведении демографической политики, направленной на повышение рождаемости и снижение смертности (на начало года) тыс. чел.

Год	При сохранении уровней рождаемости и смертности	При повышении рождаемости в результате демографической политики	При снижении смертности в результате демографической политики	При повышении рождаемости и снижения смертности в результате демографической политики
2018	130 870,7	133 337,2	134 510,0	136 981,8
2019	129 681,6	132 472,8	133 770,6	136 568,9
2020	128 464,3	131 676,3	133 004,8	136 125,8
2021	127 220,2	130 648,1	132 213,6	135 653,0
2022	125 952,2	129 690,5	131 399,9	135 152,4
2023	124 644,0	128 704,9	130 576,6	134 625,8
2024	123 360,5	127 695,7	129 722,9	134 078,9
2025	122 045,8	126 667,9	128 868,3	133 514,9

шего, поскольку большая часть мигрантов не обладает высоким человеческим капиталом и приезжает из стран СНГ на заработки. Можно сказать, что это мешает местному населению трудоустроиться, поскольку мигранты просят заработную плату в 3-4 раза меньше. Существует доля и образовательной миграции, которая называется академической мобильностью, притягательными местами получения образования являются Московская, Санкт-Петербургская области, а также Екатеринбург. Самый большой положительный миграционный поток у центрального ФО, наибольший отток у Северо-Кавказского и Дальневосточного ФО, главным образом население уезжает ради получения образования и в поисках лучшей инфраструктуры (медицинского обслуживания, более высокой заработной платы и т.п.). Наиболее благоприятная ситуация складывается у Северо-Кавказского ФО относительно естественного прироста, который компенсирует отрицательный миграционный поток, это наталкивает на мысль, что повышение рождаемости в большей степени может зависеть не от экономических и социальных условий, а культурных ценностей, можно сказать что Россия нуждается в культурном стрессе (см. табл. 5).

Новой идеологии семейственности Россия ещё не создала, но политику повышения рождаемости предприняла. Демографическая политика России, принятая в 2007 г. содержит в себе: государственную помощь многодетным семьям, создание условий для совмещения активной профессиональной деятельности с выполнени-

ем семейных обязанностей, снижение заболеваемости и смертности, увеличение продолжительности жизни, улучшение качественных характеристик населения, регулирование миграционных процессов. Программа действует до 2025 г. и основное её направление на сокращение уровня смертности и повышение рождаемости (см. табл.5).

Несмотря на реализацию программы поддержки семьи в России направленную на повышение рождаемости – это не гарантирует увеличения естественного прироста населения и избегания демографической ямы. По расчетам В.П. Архангельского более вероятный прогноз, ожидающий Россию, в том, что на сокращение пойдет естественная убыль населения. На взгляд исследователя должны быть проведены более затратные меры, направленные на сокращение смертности и повышение рождаемости. В самом благоприятном варианте Россия может выйти на равные с такими странами, как Великобритания, Швеция, Дания. Более реалистичный взгляд, что нынешняя демографическая политика поможет сохранить к 2025 году 11-12 млн., чел или 8% от нынешнего населения России. В целом рассматривается и вариант увеличения миграционных процессов для поддержания численности населения 143-144 млн. чел. Необходимо, чтобы до 2025 г. рождаемость была не менее 1 540 тыс. чел., смертность - не вышла за рамки 2 030 тыс. чел., миграционный прирост составлял 480 тыс. чел. В такой ситуации естественная убыль компенсируется миграционными потоками, что позволит России со-

Таблица 6

Прогноз численности населения РФ, разработанный Федеральной службой государственной статистики

Год	Вариант прогноза тыс. чел. на начало года		
	Средний	Высокий	Низкий
2018	142 056,4	144 608,3	138 432,4
2019	141 962,1	144 975,4	137 749,7
2020	141 838,9	145 307,1	137 015,1
2021	141 686,5	145 623,2	136 231,9
2022	141 503,6	145 911,4	135 405,7
2023	141 288,6	146 176,0	134 539,6
2024	141 045,0	146 422,6	133 644,9
2025	140 779,5	146 654,3	132 723,2

хранить количественный показатель в ближайшее двадцатилетие (см. табл. 6).

Рассматривая мобильность человеческого капитала в России, традиционно возьмем академическую мобильность, поскольку для инновационной экономики именно она играет большую роль. Внутренняя мобильность студентов России имеет сильную диспропорцию, большая часть абитуриентов и молодежи в целом уезжают в образовательные центры. На сегодня только 18 регионов имеют положительную миграционную статистику, среди этих регионов большая часть образовательные центры: Санкт-Петербург, Москва, Самара, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Новосибирск, Томск, Воронеж, Красноярск. Большая часть студентов остается в этих же регионах для дальнейшей социализации. Эти регионы не ощущают острой нехватки специалистов разных областей, тем самым обеспечивают наиболее высокие социально-экономические показатели своего развития. В остальных же регионах дефицит молодых кадров создает застой в развитии региона. Подобная практика негативно сказывается на уже ранее описанной ситуации развития ИЧР регионов РФ. Регионы с несамостоятельной экономикой, что делает их «вечным экономическим пассивом» для РФ, с нехваткой людей для своего развития практически лишены в итоге возможности выйти на экономическое самообеспечение. Более того не везде существуют ВУЗы с мощным комплексом исследований своей территории. В современной отечественной теории встречаются предложения по инвестированию в науку и образование через создание научных центров по всей стране. Подобный взгляд берёт свое начало от советского мастер-плана, одной из задач которого был баланс в образовательных академи-

ческих потоках, а также полноценное самообеспечение в необходимых кадрах управления и развития территории. Образовательные центры нужны не только для баланс академических потоков, но и исследования своей территории, составления планов её эффективного развития с учетом природных, территориальных и других особенностей.

К сожалению, Россия не может похвастаться успехами в привлечении иностранных ученых и студентов, но большую опасность сейчас для нас составляет «утечка мозгов» наших специалистов. С 1999 г. из России уехало больше 20 тыс. академических сотрудников, на начало XXI в. ситуация ещё хуже 200 тыс. ученых. За последние 5-7 лет из-за эмиграции ученых, студентов и специалистов Россия теряет 50-60 млрд долл. в год. В докладе «Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений» говорится что в 2013 г. отток квалифицированных специалистов вырос с 20 тыс. до 44 тыс. За последние три года число ученых сократилось с 69,5 тыс. до 67 тыс.

Миграция ученых связана с недостатком престижа, социального статуса ученого, и проблемы финансирования. Эти причины взаимосвязаны. Недостаточное финансирование влечет за собой ухудшение материального положения научно-технических работников. До последнего времени уровень зарплаты ученых и представителей профессорско-преподавательского состава оставался ниже, чем в отраслях народного хозяйства. У ученых нет стимула проводить исследования, поскольку они не оплачиваются. «Утечка мозгов» сильно тормозит социально-экономическое развитие России, при этом мы не в состоянии оценить, сколько теряем инновационного капитала, когда наши уче-

ные реализуют свои патенты на практике в экономике зарубежных стран.

Более того у государства отсутствует спрос на научно-исследовательские работы – это заставляет ученых переходить к выполнению заказов иностранных компаний, а также коммерческую среду. Для бизнеса смысл привлечения ученых прост- новые технологии, конкурентное преимущество и рост прибыли. Но коммерческий сектор России на данный момент находится на стадии, частично соответствующей «мануфактурного» капитализма- стадии накопления капитала и роста «вширь» увеличении объема производства, а не «высь» через открытие новых технологий.

Взгляд многих отечественных исследователей пересекается с зарубежной практикой сотрудничества ученых и бизнес структур. К слову сказать, в Германии промышленность уже сотрудничает с образовательными организациями, направляя специалистов на целевое обучение, заказывает ряд компетенций сотрудники и на выходе мы получаем востребованного специалиста. Симбиоз исследователя и бизнесмена может улучшить ситуацию со спросом на исследования, их оплату, повышение престижа и социальной роли ученого, а также его зарплаты. Вдобавок это сделает проведенные исследования актуальными за рубежом, что как минимум повысит цитируемость наших ученых и привлечет академические потоки иностранных студентов. Так или иначе, но тенденция утечки мозгов из России ослабевает.

Государством реализуется ряд мер, развивающих научную сферу. Каждый год государство инициирует конкурсные программы, победители которых получают гранты и стипендии на реализацию своих идей и проектов. Создаются технопарки и наукограды. Реализуется государственная программа «5-100-2025», цель которой - вывести не пяти российских университетов в первую сотню международных образовательных лидеров. Если сравнить данные по эмиграции граждан РФ, то в 1990-1999 гг. В США эмигрировало 40 000 граждан РФ, в 2000-2009 гг. менее 20 000, в 2010 не 5 000 чел в год. В Германию с 2000 г. по 2004 г. уезжало 30 000 граждан РФ, к 2006 г. их количество сократилось до 15 000. В Канаду с 2002 г. по 2005 г. в среднем уезжало 3 500 граждан РФ, к 2011 и число не превышало 2000 чел. в год. Из всех

эмигрантов 39% - высококвалифицированные специалисты, 9 - инженеры, 8% - ученые 5% - бизнесмены 2% - юристы. Примерно 30% их них вернулись в Россию. Иными словами, статистика говорит о том, что государственные меры по сохранению научного человеческого капитала России дали свои результаты. России необходимо развивать комплексную программу по возвращению ученых на родину, поддерживать молодых ученых, строить новые научные центры. Внедрять практику сотрудничества промышленности и науки, поскольку это будет соответствовать характеристикам инновационной экономики. Увеличивать прибыль от производства.

Примечателен факт, что по объединенному показателю доступности начального, среднего и высшего образования в индексе ИЧР Россия занимает 31-ое место, обгоняя многие развитые страны. Современная трансформация российского образования, Болонский процесс необходимы для комплексной ориентации высшего образования на нужды «новой экономики» России и её социально-экономических интересов.

Человеческий капитал в инновационной экономике формируется в первую очередь образованием. Следовательно, образование должно рассматриваться государственным аппаратом не как затратная статья из социальных расходов, а как инвестиционная сфера, закладывающая возможности экономического роста. Если рассматривать систему образования как сферу экономики, то она является самой быстро растущей отраслью. В современной теории потенциал российского образования сравнивается с нефтяной промышленностью, «когнитивный» потенциал России должен стать опорой российской экономики. Тем не менее, по оценкам специалистов на данный момент российский образовательный потенциал не капитализирован в полной мере. Это первая из основных проблем образования, слабость экономических институтов, вторая проблема- хронически недофинансированная система образования. Сложившаяся ситуация может позволить системе образования функционировать, но не развиваться.

Исследователями были предложены меры, позволяющие добиться повышения конкурентоспособности системы образования. В первую очередь предлагается увеличить статью расхо-

дов на образование по нескольким сценариям. Оптимальный сценарий предполагает финансирование 4,8% ВВП эта стратегия существенных вложений, при этом не превышающих уровень стран-конкурентов. При этом планируется увеличение заработной платы работников образования, что потребует 0,1% ВВП в год, демографическое увеличение учащихся в 2019-2024 гг. потребует увеличения текущих расходов на 0,2% ВВП.

При пассивном сценарии инвестирования в образование на уровне 4,0% ВВП, что является совершенно неприемлемым в кругах специалистов. Поскольку тогда возникнет сильное отставание развития системы от требований времени, будет пройдена своеобразная «точка невозврата» и под вопросом окажется не столько темпы социально-экономического роста страны, сколько её технологическая самостоятельность.

Прорывной сценарий развития системы образования, включающий цифровую трансформацию образования, широкое применение частно-государственного партнерства предполагает финансирование до 7% ВВП. Проекты развития включают в себя 12 ключевых направлений. Среди которых поддержка раннего развития, оснащение школ современным технологическим оборудованием. Создание равных возможностей для получения образования. Развитие и поддержка талантов. Образование на ранних этапах носит максимальный экономический эффект, хоть и отложенный. Рассматриваются также и субсидии, льготы для получения дополнительного образования.

Более подробно рассмотрим развитие систему высшего образования. Ключевым направлением становится система непрерывного образования. В условиях демографической напряженности нам необходимо делать ставку на повышение качества рабочей силы. Возможность прохождения переподготовки повышает шансы на трудоустройство. В 2019-2021 года будет сформировано 200 центров образования взрослых на базе колледжей, вузов, корпоративных университетов. Вузы должны стать центром инноваций в регионах и отраслях. Опыт европейских показывает, что устойчивый социально-экономический рост требует опоры на университеты в технологическом, культурном, социально-экономическом развитии регионов. Для интеграции образования и промышленности

введется практика бизнес-инкубаторов, акселераторов, технопарков и пр. Повышение качества подготовки в региональных ВУЗах будет обеспечиваться через введение онлайн-курсов ведущих университетов, эта практика позволит восполнить недостающих преподавателей в региональных вузах. Будет введена система «виртуальных кафедр» с очными семинарами и экзаменами. Вместе с этим будет действовать модель «1+3» - один ведущий научный центр или исследовательских университет и трех региональных университетов, для комплексного изучения территории и перспектив её развития. Введение этой модели позволит увеличить область передовых исследований, поднять престижность российских ВУЗов на международной арене, привлечь тем самым зарубежных исследователей.

Дополнительным направлением станет увеличение экспортного потенциала, это подразумевает под собой привлечение иностранных с хорошим образованием студентов преимущественно на уровень магистратуры и аспирантуры. Для реализации этого направления потребуются внедрение дружественных миграционных процедур, для этого будут созданы открытые онлайн-курсы на глобальных платформах; поддержка грантами и образовательными стипендиями. При благоприятном прогнозе число иностранных студентов вырастет до 10% в магистратуре и 15% в аспирантуре к 2024 году. Полномасштабная реализация предлагаемых проектов позволит внести максимальный вклад в экономический рост России, а также позицию на международной арене.

При изучении теории и практики воспроизводства человеческого капитала было бы неправильным не обратить внимание на концепции, разработанные отечественными учёными. Если до этого предлагались программы по отдельно взятому направлению развития и сохранения человеческого капитала, то концепция И.В. Грузкова предлагает на национальном уровне: создание координационного научного совета в структуре Правительства РФ, куда будут входить ученые и эксперты экономических, социальных, психологических и других наук, представители государственных и негосударственных учреждений и организаций, хозяйствующих субъектов.

Создание на базе ведущих университетов страны экспериментальных научно-исследова-

тельских институтов (оснащенных лабораторий) полем исследований станут проблемы по воспроизводству человеческого капитала и поиск оперативных решений, разработка рекомендаций для перехода к постиндустриальному обществу и экономке знаний.

Большое внимание уделяется здоровью и его сохранению: идея здорового образа жизни как высшей ценности современного социума, для этого предлагается создать единую систему учреждений и организаций «воспроизводящих человека» - санаторно-курортных, лечебно-оздоровительных, образовательных, культурных, туристических. Сохранение национального здоровья тесно связана с концепцией семьи, задача которой в обеспечении необходимыми ресурсами для собственного воспроизводства.

Расширение инвестиционной деятельности и привлечения инвесторов для инновационного развития и проведения модернизации страны. Распространение инновационного мышления у ученых, изобретателей, проектировщиков, управленцев. Объединение науки и бизнеса, в частности промышленного сектора для роста эффективности производства.

Для регионального уровня предлагается в первую очередь прогнозирование кадровой политики региона в соответствии со стратегическими и тактическими целями территории. Реализация программ, способствующих повышению рождаемости и доступности для семьи ресурсов формирования качественного человеческого капитала.

Важно понимать, что переход к инновационной экономике заставляет перейти не только к планомерному финансированию социальной сферы, что уже противоречит сложившейся практике финансирования социальной сферы по остаточному принципу. Но и ставит перед нами задачу переосмысления значения человека, рассмотрение его сущности. Раньше человек рассматривался, как «материал» для развития системы или ее «винтик», а главной целью была прибыль, что на частном, что на государственном уровне. Сегодня главной целью становятся инновации, это радикальное категорическое изменение в структуре экономики. Экономика знаний главной ценностью ставит знания. И здесь человек перед нами человек предстаёт как творец нового. Или как писал П. Дукерв своей работе «The Next information Revolution», в буду-

щем главным голодом компаний станут таланты, иными словам человеку требуются знания, которые позволяют творить. Эта потребность существенно меняет подходы к воспитанию, образованию и здравоохранению. Человек теперь должен как можно больше знать, как исследовать, изобретать, латерально мыслить, в интересах государства чтобы человек жил дольше и мог больше принести своей компании или государству.

Большую роль сегодня отводят в развитии образования и создания положительной академической мобильности, Россия обладает значительным потенциалом в воспроизводстве человеческого капитала относительно образования, но весь потенциал пока не задействован в связи с неготовностью государственного аппарата инвестировать в социальную сферу. Тем не менее, Президентом России подписаны программы по научно-техническому развитию способствующих воспроизводству человеческого капитала. Слабой стороной остается демографическая ситуация, и государственные программы её поддержки не могут гарантировать существенный демографический прирост. Россия уже сегодня обеспечила себя научными методиками воспроизводства человеческого капитала, упитывающиеся при разработке и реализации государственных программ.

Литература

1. Дружинин Г.В. Правовое регулирование деятельности корпораций как средство воздействия на процесс консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 106-111.
2. Дружинин Г.В. Сравнительно-правовые аспекты концептуальных моделей коммерческих корпораций // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2. С. 116-122.
3. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н., Мамурков Е.В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2019. № 1. С. 114-124.
4. Завьялов А.В. Воспроизводство коммуникации: от конструирования образов до их потребления // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества:

политические, экономические, культурные и демографические аспекты сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 49-55.

5. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2013. 146 с.

6. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 103-110.

7. Полюшкевич О.А., Пружинин А.Н. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях иркутской области // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н.

Баевой. 2018. С. 341-346.

8. Khizhnyak A.N., Chudnovsky A.D., Svetlov I.E., Sulimova E.A. The mechanism of forming a human capital of the enterprises in the conditions of transition to new technology way // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 6 S3. С. 143-149.

9. Никулин Л.Ф., Сулимова Е.А. Влияние современных технологий на парадигму менеджмента // Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 125-131.

10. Пружинин А.Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // Социология. 2018. № 4. С. 151-154

11. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.

Интеллектуальный капитал университета как ресурс развития

Журавлева И.А.

В статье рассматриваются ресурсы развития интеллектуального капитала вуза. Показывается роль социокультурной динамики университета под влиянием интеллектуального капитала, а также анализируются перспективы социального моделирования развития вуза. Ключевые слова: интеллектуальный капитал, университет, ресурсы развития

Zhuravleva I.A.

Intellectual capital of the university as a development resource
The article discusses the development resources of the intellectual capital of the university. The role of the sociocultural dynamics of the university under the influence of intellectual capital is shown, and the prospects for social modeling of the university development are analyzed.

Key words: intellectual capital, university, development resources

Что понимается под интеллектуальным капиталом? Умение извлекать будущие выгоды из имеющихся ресурсов, навыков, умений, компетенций. Для развития региона необходимо не только понимание природы и условий развития интеллектуального капитала, но и понимания как его можно использовать сегодня, чтобы завтра был результат.

Планирование развития высшей школы в целом должно опираться на развитие интеллектуального капитала сотрудников университетов. Интеллектуальный капитал ВУЗа – это его будущее. Инвестиции в интеллектуальный капитал приносят результат через 20-30 лет. Поэтому, сиюминутные результаты невозможны, но необходимо долгосрочное планирование и поэтапное расширение механизмов развития интеллектуального капитала как ресурсного состояния, так и стратегической цели развития любого университета.

Интеллектуальный капитал не возникает случайно. Он формируется на основе двойного действия: работы сотрудника университета и университета как организации, создающей условия для реализации сотрудников. Носителями интеллектуального капитала являются люди и структуры, обладающие уникальными характеристиками и ресурсами, позволяющими им быть неповторимыми и значимыми величинами в своей среде.

На интеллектуальный капитал ВУЗа возлагается следующая социальная и экономическая ответственность [7,8,9]:

- Ответственность за рост и передовые ориентиры интеллектуального капитала региона, страны – лежит на ВУЗах, так как в них формируются передовые интеллектуальные и инновационные разработки.
- Передовое развитие ВУЗа обусловлено инновационной и интеллектуальной средой образовательного учреждения.
- Формирование новых знаний и опыта предполагает их непосредственное внедрение в практические сферы экономики и производства, нацеленные на развитие региона.

· Интеллектуальный капитал ВУЗа определяет капитал страны, региона, отдельного человека, позволяет повышать привлекательность ВУЗА, Региона, увеличивает научную мобильность профессорско-преподавательского состава.

· Интеллектуальный капитал университета – это индикатор его эффективности и конкурентоспособности, он постепенно формируется источником прибыли.

Полюшкевич О.А. говорит об эффектах развития интеллектуального капитала в ВУЗе [6]:

· Повышение привлекательности и конкурентоспособности вуза.

· Повышение эффективности научно-преподавательского состава.

· Инновационное и научное развитие вуза.

· Формирование бренда вуза.

· Расширение внешних связей вуза связано с установлением долгосрочных партнерских отношений с вузами, исследовательскими центрами, компаниями и фондами; развитием образовательного и научного сотрудничества; академической мобильностью студентов, преподавателей и исследователей.

В деятельности вуза интеллектуальный капитал выполняет следующие функции [7]:

· инновационную, обеспечивающую конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг;

· повышение рейтинга университета в регионе и стране;

· образовательную, выраженную в наличие определенного качества учебно-методических разработок вуза;

· экономическую, обеспечивающую дополнительное финансирование деятельности вуза;

· вовлечение университета в мировое научно-исследовательское пространство;

· развитие социального партнерства между университетом и промышленными предприятиями;

· развитие социальной ответственности при социальном партнерстве и развитии территории региона в целом.

Таким образом, интеллектуальный капитал ВУЗа – это основа стратегического развития университета, его будущее, которое формируется в настоящем. От эффективности продуктивности реализации данных функций полностью зависит образовательная научная и инно-

вационная деятельность университета.

Увеличение бюрократической составляющей – через написание отчетов, переписывании учебных программ и методических материалов, составлении по регулярно меняющимся формам УМК, не приводит к эффективной работе сотрудников университетов. Это не позволяет развивать интеллектуальный капитал, который может находить реализацию через проведение научных исследований, написание проблемных статей и монографий, участие в конкурсах и грантах, работа над диссертациями и подготовка аспирантов и так далее. В итоге – для самообразования, расширения представлений и знаний в новых областях науки не остается времени и, в конечном счете, страдает интеллектуальный капитал, как конкретного сотрудника, так и ВУЗа в целом.

Одновременно растут формальные показатели и требования к интеллектуальному развитию, модернизации и внедрению передового опыта развития интеллектуального капитала ВУЗа. На уровне правительства и локальных программ отдельных университетов – говорится о необходимости повышения интеллектуального потенциала ВУЗа [1]. Но на практике закрепление декларируемых ориентиров не происходит.

Данные противоречия чреваты как для внутренней политики университетов, так и для инновационного развития страны. Несогласованность целей и задач развития приводит к противоречиям социального и индивидуального мотивирования как сотрудников, так и в целом организации в развитии образования в целом, территории как системы, социальной динамики общества.

Интеллектуальный капитал университета состоит из нескольких составляющих [2,3].

1. Человеческий капитал – знания, опыт, навыки и умения профессорско-преподавательского и научно-исследовательского состава университетов, самих студентов и аспирантов. Это отражается в учебных и методических разработках, грантах, патентах, договорах и прочих реальных продуктах трансформации человеческого опыта в научно-педагогической деятельности сотрудников вуза.

2. Коммуникационный капитал – умение выстраивать социальное взаимодействие, контакты, связи, проекты, которые приводят к ре-

альному партнерству в системе взаимодействия вуза и органов власти, бизнеса, некоммерческих организаций и других общественных секторов.

3. Ресурсный капитал – коллекции и музеи, оборудование и лаборатории, инструменты и механизмы осуществления научного поиска и открытий, позволяющие накапливать и развивать интеллектуальную базу.

Ресурсы развития интеллектуального капитала университетского сообщества [4]

· *Образование сотрудников университета.*

Не является новостью то, что сегодня студенты обучаются знаниям, которые уже мало актуальны. Общество развивается в разы более интенсивно и качественно, нежели чем пятьдесят лет назад, ни образовательные стандарты, ни уровень квалификации преподавателей университетов, увы, уже не соответствует требованиям современности. В данном свете, необходимо постоянное обучение, обновление навыков и ориентиров развития. Базовое образование, полученное пять лет назад уже устарело, а что говорить о преподавателях, закончивших высшую школу двадцать, тридцать лет назад? Их взгляды на реальность, какими бы базовыми предметами преподавания ни были, уже не могут отвечать на вопрос – как это применимо, возможно, реально сегодня?

· *Повышение квалификации* (курсы, мастер-классы, тренинги, а также дополнительное образование). Активность, креативность, нестандартность, многофункциональность мышления современных преподавателей необходимо развивать не только новыми программами обучения, но и поддерживать через различные программы повышения квалификации. Но классического формата – лекции и семинары, также как и для студентов – не достаточно. Необходимы такие форматы обучения, что позволят иначе мыслить, интерпретировать себя и окружение, позволят иначе смотреть на реальность, как самого преподавателя высшей школы, так и его коллег.

· *Применение на практике результатов интеллектуального труда сотрудников университетов.* Активность вовлечения в результаты интеллектуальной деятельности, как через обсуждение, так и через примеры реальной реализации усилий одного человека или коллектива сотрудников – позволяют вывести весь педаго-

гический состав на новый интеллектуальный уровень. Это касается не только технических и естественно-научных специальностей, но и гуманитарных, так как за последними стоят технологии и навыки коммуникативного взаимодействия (через психологию и социологию, литературу и историю и многие другие гуманитарные и социальные дисциплины реализуется формат социальной активности, нарабатывается социальный капитал преподавателя и ВУЗа).

· *Поддержка участия в конкурсах, грантах, регистрация патентов и т.д.* Данный фактор является формальным показателем эффективности подразделения и ВУЗа в целом. Но тут необходима поддержка и обучение оформлению заявок, подготовки технических заданий, особенностей реализации и отчетности по проектам. И что не менее важно, реализация результатов в работе университета. Либо на уровне внедрения научных результатов, либо извлечение прибыли из полученных результатов, путем реализации результатов интеллектуального труда на рынке. Более приветствуется одновременное применение в практике ВУЗа обеих стратегий.

· *Развитие творческого начала сотрудников, позволяющего им найти сферы для переключения внимания и умения нестандартно оценивать возможности и перспективы развития.* Данный аспект позволит переключать внимание и делать более разнообразными жизненные стратегии научно-преподавательского состава ВУЗа. Он позволяет избежать профессионального выгорания и сформировать устойчивые жизненные ориентиры для социального моделирования научно-педагогической карьеры сотрудников.

Интеллектуальный капитал университета – ресурс его выживания в будущем. Современные тенденции таковы, что без системной работы по развитию различных составляющих интеллектуального капитала университета, касающихся научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава, студентов и аспирантов невозможно обеспечить свое место под солнцем.

Необходима работа по увеличению интеллектуального капитала. На наш взгляд она может реализоваться в следующем [5].

· На общегосударственном уровне, через изменение стандартов системы образования.

Уходом от кальки болонской системы, и частичному возврату к отдельным элементам советской системы обучения.

· На внутри-региональном уровне, через социальное партнерство Вузов с органами власти, бизнесом и некоммерческими организациями, имеющими цель совместного развития для совместного блага региона и его жителей.

· На внутри-вузовском уровне, через социальную и материальную поддержку научно-педагогических кадров, их интеллектуальное и социальное развитие, их признание и укрепление авторитета.

· На индивидуальном уровне, через построение индивидуальных стратегий карьеры и роста профессионализма в разных сферах научно-педагогической деятельности.

Литература

1. Журавлева И.А. Институциональная трансформация современного образования : монография. Иркутск, ИГУ. 2013. 147 с.
2. Журавлева И.А., Жгун Л.С. Возрастание роли социального капитала в формирующемся обществе знаний // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. 2017. С. 161-167.
3. Малых С.В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 1233-1234.
4. Малых С.В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. № 3. С. 222-226.
5. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.
6. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.
7. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.
8. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
9. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие. Иркутск, ИГУ. 2012. 146 с.
10. Данько О.А., Мидова В.О., Минасян Е.Т. Знаково-контекстная модель обучения как концептуальная основа совершенствования языковой компетенций студентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 6-2. С. 98-101.
11. Янковская В.В. Свойства и основной принцип формирования профессионально-педагогического потенциала // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 741-745.

Социальная ответственность университета в развитии территории

Малых С.В.

В статье анализируются принципы и структура формирования и развития социальной ответственности вуза. А также прослеживается воздействие социальной ответственности на развитие территории. Показывается потенциал взаимодействия вуза территориального моделирования.

Ключевые слова: социальная ответственность, университет, развитие территории, модели развития, образование

Malykh S.V.

Social responsibility of the university in the development of the territory. The article analyzes the principles and structure of the formation and development of social responsibility of the university. As well as the impact of social responsibility on the development of the territory. Shows the potential of the interaction of the university territorial modeling.

Key words: social responsibility, university, territory development, development models, education

В современном обществе происходят глобальные изменения и это не может не отразиться на университете. Важность и востребованность высшего образования увеличивается как со стороны человека, так и со стороны государства. Эффект прослеживается в экономическом, гражданском, культурном, мировоззренческом потенциале отдельной личности и целых поколений студентов. Институт образования нацелен на формирование высокопрофессиональных специалистов, а также способствует духовному и нравственному обогащению молодого поколения, культурному развитию.

Образованные люди проще выстраивают связь и преемственность поколений. Благодаря им находят применение развитие те знания, что были получены до них. Не достаточно образованные люди не могут не только преумножать, но даже и воспроизводить знания. И тем самым, нарушается процесс развития общества (базовый принцип социальной структуры – каждое новое поколение должно идти дальше, жить лучше предыдущего).

Традиционно, «заказчиком» для университетов выступало государство. Но перемены последних лет (а в некоторых странах и столетий) способствовали тому, что оно утратило монополию в этом вопросе (во многом, благодаря развитию рыночных отношений). С повышением социальной значимости университетов к ним стали возрастать и требования.

Сегодняшний университет – это потенциал устойчивого развития общества, без разделения на страны, народы или религию. В идеале, образование – это источник преобразований мира, направленных на удовлетворение социальных потребностей мира. Но, к сожалению, эффективность высшей школы падает. Выпускники вузов не могут воспроизвести и преумножить то что уже наработано, не то что развивать новое.

Эффективность работы высшей школы (преобразований и повседневных практик) сле-

дует оценивать с позиции удовлетворения ожиданий и потребностей общества. Эффективность высшей школы зависит не только от административных работников университетов и педагогов, но прежде всего от диалога, между всеми участниками «социального запроса» к университетам (студенты, родители, власть, бизнес, СМИ и проч.). Университет – это ресурс который сам по себе мало что значит. Его важность и весомость определяется через реализацию в других секторах и социальных институтах общества.

Таким образом, можно говорить о заключении некоего социального договора между университетом и различными социальными институтами и обществом в целом. Общественный договор – это обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, общественных благ и, тем самым, характера и структуры государства.

Как показывают исследования ученых (А.Г. Саниной, И.Е. Расина и др.) сегодня в российском обществе доминирует «двухсторонняя интеграция» (бизнес - наука, бизнес-вуз, власть-бизнес, власть-вуз и проч.). В случаях трехстороннего сотрудничества (бизнес-власть-наука, бизнес-вуз-СМИ и проч.), тот кто является инициатором и занимает ведущую роль, остальные стороны участвуют во взаимодействии не равноправно. Формы и барьеры взаимодействия федеральных университетов с бизнес средой рассмотрены в работе О.В. Перфильевой, где показываются причины разрушения социальных связей вуза и организаций, сложившиеся в советском обществе и ныне разрушенные. Т.е. не соблюдаются интересы всех участников общественного устройства и, одновременно, все и не участвуют в этом взаимодействии, хотя результат его воздействует на каждого.

Чтобы выяснить, что каждая из потенциальных сторон участниц общественного договора хотела бы видеть в университете и что хотел бы получить университет от каждой из сторон, мы провели экспертное интервью представителей ключевых социальных институтов, заинтересованных в развитии университетов (студенты, родители, представители университетов, НИИ, власть, бизнес, СМИ). Всего в исследовании приняло участие 170 человек. Из каждой группы по 10 представителей. Выборка респондентов осуществлялась на основе следующих квот:

социальный статус (должность), стаж работы и уровень мотивации [2].

Требованием, объединяющим практически все социальные институты является – подготовка квалифицированных кадров, имеющих практические навыки, знания и компетенции. Родители и студенты недовольны перспективами использования полученных знаний. Бизнес-сообщество, властные институты недовольны теоретичностью материала, далекостью от реальной ситуации. Научные институты – низким уровнем общей подготовки и проч. Родители и студенты слабыми возможностями применения полученных знаний, не возможностью найти работу по специальности. По данным ФОМ в 2012 году качеством высшего образования население России не удовлетворено (23% – оценивают его как плохое, 48% как удовлетворительное, только 12% как хорошее и 17% затруднились с ответом).

Университет практически не привлекает специалистов-практиков в учебный процесс. Представители бизнеса или власти и иные специалисты практики, добившиеся значительных успехов в своей среде, остаются за дверью университетов. Исключение составляют академические ученые (представители НИИ и различных школ), хотя это вызвано скорее большими и давними связями по интеллектуальному и человеческому (специалисты) обмену, нежели чем заранее продуманной программой взаимодействия.

Для успешного усвоения знаний необходимо сочетание теории и практики. При наличии только одного элемента, выпускник будет во многом проигрывать. И говорить о том, что он стал профессионалом – увя невозможно. Существующий опыт привлечения представителей различных институтов (бизнеса, власти, НКО, СМИ) опирается на личные контакты и взаимодействия. Но целостная вузовская или общегосударственная система работы отсутствует.

Также наблюдается и обратный процесс – преподаватели вузов не проходят стажировок на предприятиях, не получают нового опыта, не получают практического понимания реализации теоретических конструктов на практике. И соответственно, у педагогов нет представления о том, какие практические навыки необходимы для работы в соответствующем секторе общественного устройства.

Данный аспект особо подчеркивали представители бизнеса, властных структур и СМИ. Университетские знания ценны когда они предлагают общую структуру понимания и развития системы, механизмов, коммуникации и проч. Когда сами институты развиваются в отрыве от университета, то происходит формирование альтернативных сценариев общественного развития, технических и научных потребностей общества. Тем самым образуется разорванность социального пространства, соединить которую будет достаточно сложно [1].

Представители университетов упрекают бизнес в том, что он в своих взаимоотношениях с ними придерживается концепции безвозмездного потребительства, тогда как университеты хотели бы видеть в бизнесе если не надежного инвестора, то хотя бы партнера, несущего затраты по обучению или содержанию части студентов.

Вопрос прохождения производственной практики студентов также очень важен. Зачастую он проходит формально. Студенты не могут понять особенности работы коммерческого предприятия, некоммерческой организации, отдела муниципальной или региональной власти из-за нескольких причин. Первая – ограниченность сроков практики. Вторая – незаинтересованностью руководителя организации, где проходят практику студенты, т.к. они не видят в них своих будущих сотрудников.

Во всем мире существует тенденция оплаты специалистов от различных социальных институтов (бизнеса, власти, социальных служб). Нашим аналогом выступает целевое обучение студентов. Но ограниченность его в том, что как правило предприятие оплачивает учебу еще не сформировавшегося человека 16-17 лет, еще не уверенного в том чем ему в жизни заниматься. Когда будущий работодатель подключается к софинансированию обучения уже на старших курсах (4-5 курс при специалитете или магистерские программы), то уже самостоятельно может подбирать под профиль своего предприятия необходимых будущих специалистов.

Отмечая данную тенденцию, представители различных общественных институтов исходили из разных причин. Представители бизнеса объясняют это недостатком знаний и отсутствием заинтересованности и практической целесобразности в период практики обучать спе-

циалиста. Некоторые крупные компании уже имеют собственные системы профессионального образования, так называемые «корпоративные университеты», готовящие специалистов специально для работы в конкретной корпорации (Железнодорожные университеты, Авиационные и проч.). Данная стратегия является наиболее оптимальной для них, но увы, не приемлемой в целом для всех социальных институтов общества.

Представители властных структур объясняли это отсутствием целостного понимания у студентов общих социально-политических процессов и не достаточностью практического опыта решения сложных социальных проблем. И в то же время, в ответах респондентов, четко проявлялась тенденция «боязни потери своего места». Молодые кадры со временем придут на смену более зрелым, и последние стараются как можно дольше не отпускать бразды своего управления [3,5].

Научная среда осторожно относится к студентам-практикантам из-за недостаточности квалифицированности и педантичности в проведении экспериментов. Как ни парадоксально, но и представители СМИ также весьма осторожны с молодыми специалистами, исключение составляют исключительно молодежные программы или рубрики.

Иными словами, различными институтами формируется стеклянный круг «не вхождения»¹ молодых специалистов в различные области знаний, из-за чувства самосохранения и критической оценки «неквалифицированности» студентов или выпускников университетов. Обе причины зачастую являются стереотипными, а не реальными формами общественного развития.

Задача университета в этом процессе активнее предлагать своих специалистов, выстраивать более активное взаимодействие, когда студент готовится под конкретное предприятие. Только в этом случае, производственная практика студентов из формальной и условной сможет перейти в жесткую необходимость для предприятия. Социальная ответственность университета в том, чтобы университет встроился в систему экономики и перенес частичные выплаты с семьи на действующую экономику.

Современное общество – это динамичное общество, чтобы успевать за всеми научными

открытиями необходимо постоянно совершенствовать материально-техническую и инновационную базу университетов. Современное материально-техническое оснащение вузов позволит студентам знакомиться с передовыми открытиями и идти в ногу со временем. Инновационные методы обучения позволяют не просто обновлять программы обучения, формы занятий и в целом изменять учебные планы, но и сделать их максимально современными и приближенными к практике.

Сложность реализации вышеуказанного пункта обусловлена не только финансовой ограниченностью вуза (новое материально-техническое оснащение лабораторий весьма дорого, программное обеспечение быстро устаревает и его необходимо обновлять), но и тем, что не создана система обучения инновационным методам обучения для самих педагогов. Отсутствует представление о современных методах обучения, направлениях развития науки и практики [4].

Идеальное условие развития вуза, когда сами сотрудники заинтересованы в постоянном обучении, получении новых навыков и знаний, в использовании последних научных достижений в образовательном процессе. При этом вуз создает условия и возможности применения этих знаний в работе со студентами, а также в выстраивании взаимодействия с другими социальными институтами.

Университет – это цитадель, способная преобразовывать знания в инновации. Последнее, крайне актуально для регионального развития любой территории. Университет – это связующая система между всеми элементами регионального социума. Помимо образовательной и исследовательской функций, университету принадлежит функция интеграции народа [6].

Для бизнеса, власти, СМИ и иных социальных институтов приоритетной сферой социальной ответственности выступает не только экономическая поддержка, сколько условие формирования нового уровня и качества человеческого капитала. Человеческие ресурсы, которые готовятся в университете становятся залогом процветания всех остальных сфер общества.

Современные процессы – это качественная трансформация сознания. Человек в современном обществе – это не источник бесплатных трудовых ресурсов (не пассив), а актив, кото-

рый необходимо инвестировать средства и в среднесрочной перспективе получить окупаемость и прорыв в развитии любого общественного института.

В условиях информационного общества, целью университетского образования должно стать формирование системы общих и профессиональных знаний, способных к самообновлению и воспроизводству [7,8]. В этом процессе важным становится не заучивание знаний, а понимание общих схем развития, которое способствует возможности постоянного обучения и развития, профессиональной ориентации и адаптации.

Таким образом, социальная ответственность университетов отражается в нескольких положениях, определяющих возможности сотрудничества с другими социальными институтами и условиях реализации общественного договора:

- привлечении успешных специалистов-практиков в образовательный процесс;
- обучении преподавателей вузов в профильных организациях, для получения опыта реальной работы в том или ином секторе экономики;
- подготовке студентов для производственной практики и формирования у работодателя уверенности, в том, что это ЕГО будущие квалифицированные работники;
- развитии инновационного потенциала в преподавании, для того, чтобы соответствовать новым достижениями науки;
- обновлении материально-технического оснащения образовательного процесса, для того, чтобы использовать современные методы анализа и обработки данных;
- возможности консолидации общества на региональном и федеральном уровнях.

Литература

1. Журавлева И.А. Общество знаний как новая форма социальной организации (социально-философский аспект) : монография. Иркутск, ИГУ. 2013. 171 с.
2. Журавлёва И.А. Трансформация роли и природы знания в обществе знаний: социокогнитивный подход // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 1 (60). С. 218-224.
3. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на терри-

ториальное развитие // Социология. 2018. №4. С. 129-136.

4. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. №3. С. 123-133.

5. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.

6. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.

7. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.

8. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.

9. Янковская В.В. Свойства и основной принцип формирования профессионально-педагогического потенциала // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 741-745.

Ссылки:

¹ По аналогии со «стеклянным потолком».

Анализ региональной законодательной базы социального партнерства

Малышев М.А.

В статье сравнивается ряд региональных законов о комиссиях по регулированию социально-трудовых отношений с аналогичным федеральным законом; дается общая характеристика некоторых региональных законов о социальном партнерстве и сравнительный анализ содержания группы региональных законов о социальном партнерстве по ряду основных положений, отражающих важнейшие проблемы теории и практики развития социального партнерства на региональном уровне. Даны наиболее общие выводы и предложения по представленной проблеме, сформулированные на основе исследования региональных законов о социальном партнерстве и части региональных законов о трехсторонних комиссиях по регулированию социально-трудовых отношений. Приводятся данные контент-анализа 13 региональных законов о социальном партнерстве. В качестве проблемного поля контент-анализа определены основные категории, понятия и важнейшие элементы механизма функционирования системы социального партнерства в регулировании социально-трудовых отношений на региональном уровне.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, социальное партнерство, трехсторонние комиссии, регулирование, регион.

Malyshev M.A.

Analysis of the regional legal framework of social partnership
The article compares a number of regional laws on commissions for regulating social and labor relations with a similar federal law; It gives a general description of some regional social partnership laws and a comparative analysis of the content of a group of regional social partnership laws on a number of key provisions reflecting the most important problems of the theory and practice of social partnership development at the regional level. The most general conclusions and proposals on the presented problem are given, formulated on the basis of a study of regional laws on social partnership and part of regional laws on tripartite commissions for regulating social and labor relations. The data content analysis of the 13 regional laws on social partnership. The main categories, concepts and the most important elements of the mechanism of functioning of the social partnership system in the regulation of social and labor relations at the regional level are identified as the problem field of content analysis.

Key words: social and labor relations, social partnership, tripartite commissions, regulation, region.

Основными нормативно-правовыми актами, составляющими законодательную базу функционирования системы социального партнерства на региональном уровне, являются Трудовой кодекс РФ (утв. Федеральным законом от 30 декабря 2001 года №197-ФЗ) [1] и Федеральный закон от 1 мая 1999 года № 92-ФЗ «О российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [2].

Региональная законодательная база социального партнерства в значительном большинстве регионов ее имеющих, представляет собой живой организм, в принятые законы вносятся изменения, поправки, обусловленные, как корректировкой федерального законодательства, так и изменяющимися условиями.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вносимые изменения зачастую дезавуируют индивидуальность региональных законов, устраниают содержащиеся в них на первом этапе нормы, ориентированные на равноправие сторон, повышение статуса трехсторонних комиссий, принимаемых ими решений, а также статуса соглашений, то есть снижают качество законодательной базы.

Так, в республике Коми после корректировки из закона ушло положение о праве республиканской трехсторонней комиссии принимать обязательные для исполнения сторонами решения. В Ямало-Ненецком автономном округе с изменением законодательства утерян механизм распространения действия регионального соглашения и др.

Анализируя период внесения таких изменений можно сделать вывод о том, что катализатором данного процесса стало принятие Федерального закона от 1 мая 1999 года № 92-ФЗ «О российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [2]. Этот же закон послужил основой и для принятия серии однотипных, повторяющих его региональных законов, регулирующих деятельность комиссий. (Архангельская, Ставропольская, Магаданская, Калининградская обл., Рес-

публики Коми, Марий Эл, Бурятия, Приморский край и др.).

Аналогичные ситуация в Тверской области, где потеряли силу важнейшие и прогрессивные даже на сегодняшний день положения о необходимости включать в соглашения социальные нормативы и программы.

Кроме того, дезавуирован вполне конкретный и реально исполнимый механизм распространения действия регионального соглашения на работников и работодателей, не участвовавших в переговорах, через предложение Губернатора и возможность отказа в 30-ти дневный срок.

С отменой Закона «О социальном партнерстве» 1999 года утерян законодательный механизм распространения действия регионального соглашения по инициативе органов социального партнерства в Ханты-Мансийском автономном округе. Такие примеры, к сожалению, можно продолжать (Красноярский край, Магаданская обл., Кабардино-Балкария и др., Кировская обл.).

В целом, в формировании региональной законодательной базы социального партнерства просматривается *две тенденции*:

- копирование федерального законодательства с приданием незначительных черт, присущих субъектам (как, например, определение собственной нормы численного состава комиссии);
- разработка новых подходов, ориентированных на расширение полномочий органов социального партнерства, статуса принимаемых документов, равноправие сторон.

Приведем примеры норм, содержащихся в региональном законодательстве и расширяющих представление о системе социального партнерства, обеспечивающих повышение статуса органов и документов системы социального партнерства.

Большинство законов определяют трехсторонние комиссии (комиссию), как орган системы социального партнерства. При этом в законах «О трехсторонних комиссиях», либо законах «О социальном партнерстве» соответствующей области содержится полное представление о системе, включающее ее определение, перечень уровней, элементов системы и т.д. Многие региональные законы раскрывают внутрорегиональные уровни социального партнер-

ства: муниципальный, региональный, отраслевой, уровень организации, определяют органы и документы системы социального партнерства на этих уровнях. В число органов системы социального партнерства в ряде регионов включаются не только трехсторонние комиссии, но и координационные комитеты содействия занятости населения. Как правило, эти нормы содержатся именно в законах «О социальном партнерстве», а не в актах, регулирующих деятельность трехсторонних комиссий.

Примерами расширения прав комиссий, повышения их статуса по сравнению с федеральным законодательством может служить Закон города Москвы от 11 ноября 2009 года № 4 «О социальном партнерстве в городе Москве» [3], где комиссия вправе принимать обязательные для сторон решения.

Аналогичные положения (либо для всего спектра решений, принимаемых комиссией в рамках своей компетенции, либо для отдельных видов решений, например обеспечивающих предотвращение трудового конфликта) содержатся в законах Алтайского края, Амурской области, Республики Башкортостан, Владимирской, Волгоградской, Воронежской обл., Краснодарского края, Ростовской области (для решений, касающихся обеспечения реализации соглашения), Рязанской области, Республики Саха (Якутия), Тамбовской обл., Республики Татарстан, Томской обл. и др.

Многие региональные законодательные акты усиливают составляющую равноправия сторон в общих подходах к организации системы социального партнерства, работы комиссий, заключения соглашений.

В законодательстве Краснодарского края, города Москвы предусмотрено, что трехсторонними комиссиями руководят на паритетных началах сопредседатели сторон.

Аналогичная норма в законодательстве Республики Карелия. Там ограничены до консультаций и информирования Главы Республики права координатора комиссии, включено положение о паритетных сопредседателях комиссии. Предусмотрено, что материальное, организационно техническое обеспечение деятельности комиссии здесь (как и в Москве, Владимирской, Иркутской, Липецкой, Омской обл., Краснодарском крае и др.) осуществляется сторонами, или по соглашению сторон, а не одной из них.

Широко распространенная практика подписания региональных соглашений Главами исполнительной власти находит отражение в законодательстве Москвы, Республики Алтай.

В ряде законодательных актов предусмотрены механизмы распространения действия региональных соглашений и соглашений иных уровней на работодателей и работников, не участвовавших через своих представителей в переговорах. Как правило, устанавливается 30-тидневный срок для отказа от присоединения, который отсчитывается либо со дня опубликования соглашения, либо с момента получения предложения о присоединении от Главы исполнительной власти (органа по труду, органа системы социального партнерства) (Москва, Ивановская, Рязанская, Тверская обл. и др.).

Во многих законах в функции комиссий входит определение порядка разработки соглашений, либо обеспечение их разработки и подписания. Как правило, четко формулируется право комиссии осуществлять контроль за реализацией региональных соглашений, а иногда и соглашений нижестоящих уровней социального партнерства.

В целом ряде законов в функции комиссии входит рассмотрение спорных вопросов, возникающих в ходе разработки соглашений и коллективных договоров нижестоящего уровня, содействие в развитии системы социального партнерства и т.д.

Обозначенные выше две тенденции формирования регионального законодательства (дублирование федеральных норм и разработка новых подходов) нередко проявляются в сочетании, что приводит к внутренним противоречиям в региональной законодательной базе социального партнерства.

Так, в Законе Московской области [5] ограничены по сравнению с федеральным Законом права координатора комиссии и расширены права Координаторов сторон.

Складывается половинчатая система. Не координатор комиссии обеспечивает ее деятельность, как в федеральном Законе, и не сопредседатели сторон по согласованию, как в Законе города Москвы, и некоторых других региональных законодательных актах, ориентированных на равноправие сторон в составе комиссии и более высокий ее статус, а все четверо на равных правах. При этом Координатор комиссии

членом комиссии не является, а координаторы сторон - являются. Из текста Закона механизм работы комиссии не ясен.

Интересно, что Закон Московской области «О социальном партнерстве» [5], иначе трактует ряд положений, связанных с областной трехсторонней комиссией. В полномочия комиссии входит заключение трехстороннего соглашения, а не только проведение переговоров и подготовка проекта, как в законе «О трехсторонней комиссии».

Подобные разночтения различной степени принципиальности существуют практически во всех регионах, имеющих законы «О социальном партнерстве» и «О трехсторонних комиссиях».

Закон Санкт-Петербурга от 10 октября 2011 г. N 577-114 «О социальном партнерстве в сфере труда в Санкт-Петербурге» [4] предусматривает для комиссии с общей численностью 45 человек наличие следующих координирующих, организующих органов:

- координатор (руководит комиссией, организует взаимодействие сторон, руководит секретариатом);
- координаторы сторон – руководят сторонами;
- координационный совет - разрабатывает план, рассматривает, при необходимости вопросы, включенные в план, и вопросы, требующие оперативного решения;
- секретариат – организует подготовку заседаний комиссии и координационного совета;
- рабочие группы – организуют подготовку проектов предложений и рекомендаций комиссии.

При этом организационное и материально-техническое обеспечение деятельности комиссии осуществляется уполномоченным Правительством Санкт-Петербурга исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга.

Такая структура, очевидно, не работоспособна.

Из приведенных фактов видно, что региональная законодательная база в ряде основных своих положений не совершенна. Вместе с тем, из этого не следует, что она не имеет права на существование. Напротив, в ней, с другой стороны, содержатся некоторые положения, которые в большей степени, чем федеральная база обеспечивают развитие социального партнерства.

Федеральная законодательная база также не избежала противоречий. Проблема в том, как эти противоречия разрешать в реальных ситуациях.

По данному поводу считаем законным и целесообразным придерживаться следующих подходов:

- Федеральные Законы не устанавливают никаких конкретных норм, регулирующих деятельность региональных трехсторонних комиссий, их права, порядок формирования, принятия решений, что дает право регионам устанавливать эти нормы самостоятельно. При этом соответствие федеральному Закону «О трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» не требуется. Очевидно, что установление таких конкретных механизмов действия региональных трехсторонних комиссий необходимо, так как повышает их эффективность.

- Трудовой Кодекс устанавливает процедуру распространения действия соглашений только для отраслевых соглашений. Механизмы распространения действия региональных соглашений и соглашений иных уровней могут устанавливаться региональными законами. При этом более жесткое распространение действия соглашения на большее число работодателей обеспечивает более льготные условия для работников. На принятие таких решений субъекты федерации имеют право.

- Практика принятия региональных законодательных актов в области социального партнерства, уточняющих, раскрывающих, конкретизирующих федеральные нормы, имеет право на существование. Региональная законодательная база содержит положения, приведенные выше в нашем исследовании, которые реально повышают статус комиссий, трехсторонних соглашений, формируют более четкий и эффективный механизм их исполнения.

- Практика принятия региональных законов, дублирующих федеральные нормы не заслуживает поддержки, однако для ее ограничения сверху нет правовых оснований. В интересах дела, учитывая, что пример федерального законодательства оказывает весьма серьезное влияние на регионы (что вполне закономерно), целесообразно, при принятии на федеральном уровне законодательных актов, обеспечивать учет всего лучшего регионального опыта. В про-

тивном случае, федеральные законы будут тормозом развития социального партнерства в регионах, что, частично, наблюдается и сегодня.

1. Определение социального партнерства.

Во всех представленных законах даются определения и терминология основных понятий, исходя из тезауруса социального партнерства. Это — особый вид взаимоотношений субъектов социального партнерства, представленных работниками, работодателями, органами государственной власти и местного самоуправления, который основан на системе правовых, организационных и экономических норм социально-трудовых отношений, разрабатываемых постоянно или временно действующими комитетами и представленными для реализации в виде коллективного договора, соглашения, регламентирующего работу организаций, предприятий данного региона, где предусматривается ответственность всех субъектов за принятие решения.

Во всех анализируемых законах содержится определение понятия «социальное партнерство».

В теоретико-методологическом отношении содержания этих определений не имеет существенных расхождений.

Однако в ряде отдельных аспектов, причем весьма важных, эти определения различаются. Так, в законах Тульской обл. и Новосибирской обл. социальное партнерство определяется, во-первых, как особый тип социально-трудовых отношений, во-вторых, обеспечивающий взаимодействие, сотрудничество на равноправной основе работников (их представителей) и работодателей (их представителей), в-третьих, сотрудничество направлено на обеспечение оптимального баланса и реализации интересов этих групп.

В Законах города Москвы, Волгоградской области и Ставропольского края при определении понятия «социальное партнерство» основной упор сделан, во-первых, на то, что социальное партнерство это основа (или система) взаимоотношений между работниками (их представителями), работодателями (их представителями), органами государственной власти и органами местного самоуправления и, во-вторых, что это система направлена на согласо-

ние, обсуждение социально-трудовых и других, связанных с ними отношений.

И лишь в Законе Омской области социальное партнерство определяется как способ совмещения интересов различных социальных слоев и групп, разрешения возникающих между ними противоречий.

Из всех перечисленных законов в определении социального партнерства в двух регионах (Омская и Тульская обл.) не упоминается об органах государственной власти и органах местного самоуправления, в законах остальных четырех регионов вышеуказанные органы упоминаются наряду с работниками и работодателями.

Таким образом, простое сравнение определений понятия социального партнерства всего лишь в законах нескольких регионов, свидетельствует об определенном разном в решении этого вопроса и требует выработку (закона), вносящего в определение исходной категории необходимое единство смысла, содержания и структуры.

2. Определение системы социального партнерства, её структуры и задач.

В различных законах система социального партнерства представлена по-разному. При этом можно выделить три варианта отражения этого важнейшего положения в законах.

Во-первых, в ряде законов (Омская, Новосибирская, Волгоградская области и др.) категория «система социального партнерства» не значится ни в одном заголовке главы или даже статьи Закона. Так, в Законе Новосибирской области и Омской области лишь отдельные вопросы, связанные с содержанием системы социального партнерства, также, как формирование и деятельность региональных трехсторонних комиссий отражены в самостоятельных статьях, не связанных с категорией системы социального партнерства; определение и задачи системы в Законе не упоминаются.

Во-вторых, в ряде других Законов (Ставропольского края и др.) есть специальная глава о системе социального партнерства, в которой рассматриваются лишь два вопроса – о крайней трехсторонней комиссии и координационном комитете содействия занятости, а также рассматриваются права и обязанности сторон в

системе социального вопроса. Структура социального партнерства в законах представлена в виде трехсторонней комиссии в Чувашской республике, Липецкой, Тамбовской, Ульяновской, Ленинградской, Саратовской и Брянской областях; отраслевыми (межотраслевыми) профессиональными и территориальными соглашениями, регулирующими социально-трудовые отношения указанных регионов. Комиссии осуществляют взаимодействие сторон социального партнерства, оказывают практическое и методическое содействие заключению коллективных договоров и соглашений, обеспечивают выполнение условий соглашений. Решения Комиссии в десятидневный срок публикуются в СМИ и являются обязательными для всех участников соглашения. Задачи системы социального партнерства в этих Законах не определяются.

Наконец, в-третьих, в ряде Законов (Москва, Ленинградская и Липецкая области и др.) проблема системы социального партнерства разработана и представлена подробно и в различных ее аспектах. Особенно полно и логично это сделано в Законе города Москвы.

В Законе в ст. 1 дается подробное определение понятию «система социального партнерства». Этой проблеме посвящена специальная гл. 2, содержащая 15 статей, в которых последовательно определяются задачи системы социального партнерства, ее формы и уровни, элементы этой системы, ее основные органы и организации, виды заключаемых в системе соглашений, порядок распространения действия соглашений и присоединения к ним, порядок уведомительной регистрации соглашений и коллективных договоров [3].

3. Формулировка принципов социального партнерства.

Принципы социального партнерства во всех указанных законах основываются на соблюдении субъектами нормативных законодательных актов Российской Федерации и регионов, поддержании равноправия сторон в свободе выбора и обсуждении вопросов, обязательности исполнения достигнутых договоренностей и соблюдении ответственности за принятые решения.

Однако, в количестве указанных принципов, в их конкретных формулировках в анализируемых законах имеются существенные различия.

Так, количество указанных принципов в различных законах варьируется от 9 (Омская и Волгоградская области и др.); 11 (Липецкая, Ленинградская области и др.); 13 (Новосибирская область и др.) до 19 (г. Москва).

По нашему мнению «принцип» (от лат. – начало, основа) – очень важная категория, обозначающая основные положения какой-либо теории, организации и, поэтому принципов много быть не может, во всяком случае, не должно быть.

По нашему мнению, принципом не является, например, обычное правило поведения или обычное действие человека, организации в цивилизованном обществе. Так, вряд ли принципом является, например, уважение между участниками переговоров; соблюдение Законодательства РФ; обязательность исполнения достигнутых договоренностей.

Поэтому, очевидно, что нужно провести своеобразную «ревизию» принципов социального партнерства, отмеченных в различных региональных законах, оставив лишь те, которые действительно являются изначальными положениями, отличающими социальное партнерство от других форм взаимодействия государственных и общественных структур.

Так, совершенно справедливо, что во всех региональных законах отмечается – как принцип социального партнерства – равноправие сторон. Это положение является действительно принципиальным, коренным образом отличающее социальное партнерство от всех других форм взаимодействия властных и общественных структур. К таким же положениям, составляющим действительно принципы социально-партнерских отношений и содержащимся во всех анализируемых Законах, являются: добровольность принятия обязательств социальными партнерами, полномочность представителей сторон и др.

Вместе с тем, один из важнейших принципов эффективного функционирования социального партнерства (по крайней мере – на современном этапе) является содействие государства укреплению и развитию социального партнерства на демократической основе.

Однако, из всех анализируемых Законов данный принцип содержится лишь в Законах Москвы, Тульской и Ленинградской областей и Ставропольского края.

4. Субъекты социального партнерства.

В анализируемых данных, а также в ТК РФ данная категория зачастую просто не функционирует. Хотя в научных работах этот термин используется достаточно широко. Более того, в них различается термин «субъект социального партнерства» – как социальные носители целей и функций каждой из сторон социально-трудовых отношений и, соответственно, сторон социального партнерства, а именно: предприниматели, работодатели; наемные работники; государство – во всех его функциях и «ветвях»; а также – термин «субъект системы социального партнерства» – как представители интересов каждого из субъектов социального партнерства, как конкретная сторона конкретного вида и уровня соглашений. Причем, от государства его представителем выступают органы исполнительной власти. В данном случае, по своей сути термин «субъект системы социального партнерства» совпадает с термином «стороны соглашений», используемый в анализируемых региональных Законах.

Однако, этот термин – «сторона соглашения» специально выделен и определен отнюдь не во всех региональных Законах. Так, он определен в Законах города Москвы, Волгоградской и Тульской областей и Ставропольского края.

Сторонами соглашения являются представители органов исполнительной власти, администрации области, отраслевых рабочих групп, администрации района, города, объединения работодателей, объединения профсоюзов, работники организаций в лице их представителей и работодатели предприятий и организаций. Стороны соглашений принимают участие в ведении коллективных переговоров по заключению соглашений и коллективных договоров, несут ответственность за реализацию принятых договоренностей и контролируют их выполнение.

Вышестоящие комиссии вправе контролировать выполнение принятых соглашений на более низком уровне.

Неточность такого определения понятия «субъекты социального партнерства», по нашему мнению, заключается лишь в том, что не отмечается, что субъектом является не вся государственная власть области, а лишь ее органы исполнительной власти.

Очевидно, что в изложении данных категорий — «субъекты социального партнерства» и «субъекты системы социального партнерства» в региональных законах должна быть обеспечена большая теоретико-методологическая точность.

5. Механизм, порядок разработки и подписания трехсторонних региональных соглашений.

Механизм предоставления полномочий подписантам от сторон соглашения в анализируемых Законах разработаны достаточно подробно и в известной степени однопорядково. Анализ этих проблем, изложен в начале нашего исследования.

Некоторые общие выводы по этому вопросу сводятся к следующему.

Трехсторонние соглашения разрабатываются на основе переговоров между сторонами в рамках рабочих групп республиканской, областной, территориальной, отраслевой (межотраслевой) трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. В рабочие группы входят представители:

- на республиканском уровне — полномочные представители органов исполнительной власти Республики, республиканские объединения профсоюзов и объединения работодателей;
- на областном уровне — представители администрации области, Федерации профсоюзов области и объединения (ассоциации) работодателей;
- на отраслевом (межотраслевом) уровне — представители отраслевых рабочих групп областной администрации, объединения отраслевых профсоюзов и объединения работодателей;
- на территориальном уровне — администрация района, города, объединения профсоюзов и представители работодателей.

Коллективные договоры заключаются работниками организации в лице их представителей и работодателем.

Стороны коллективных договоров могут быть представлены полномочными лицами в соответствии с уставом организации или другим правовым актом.

6. Механизм стимулирования заключения коллективных договоров и соглашений.

Практически все коллективные договоры и соглашения заключаются по инициативе соответствующих профсоюзных организаций. Поэтому проблема стимулирования заключения колдоговоров и соглашений касается в основном непосредственно работодателей.

В большинстве анализируемых Законов механизм стимулирования работодателей к заключению колдоговоров и соглашений практически даже не обозначен и не поставлен как важная проблема повышения эффективности социального партнерства.

7. Минимальные социально-трудовые нормативы.

Данное положение фактически отсутствует в абсолютном большинстве региональных Законов о социальном партнерстве, несмотря на его очевидное значение и востребованность. Исключение составляет Закон города Москвы. Безусловно, что дополнение этими положениями региональной правовой базы социального партнерства оказало бы положительное влияние на повышение эффективности заключаемых колдоговоров и соглашений, их содержания, на формулирование взаимосвязанных и объективно обоснованных социально-трудовых требований, заключенных в колдоговорах и соглашениях различных уровней.

8. Механизмы реализации, контроля исполнения соглашений, коллективных договоров, ответственности за неисполнение соглашений, коллективных договоров.

Механизмы реализации коллективных договоров четко прописаны в большинстве региональных Законов о социальном партнерстве, в которых указывается, что стороны вправе получать друг от друга в десятидневный срок полную и достоверную информацию по социально-трудовым и связанным с ними экономическим вопросам. Выполнение соглашения и контроль за ходом его реализации обеспечивают стороны и соответствующие постоянно действующие комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. В Законе Брянской, Са-

ратовской областей и других регионов прописана возможность беспрепятственно посещать организации представителями сторон.

В Законе Саратовской области в отдельных статьях прописаны права и обязанности представителей работников, работодателей, исполнительных органов.

Наиболее полно проблема ответственности в сфере социального партнерства представлены в Законе города Москвы.

Данные исследования позволяют прийти к заключению, что необходимо разрабатывать модельные законопроекты в сфере социального партнерства на федеральном уровне, с учетом имеющегося опыта. Но при их принятии на уровне регионов более полно учитывать местные условия и специфику. Положения и определения механизма личной ответственности в системе социального партнерства может стать важным фактором повышения эффективности всей указанной системы.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/document/>

[cons_doc_law_34683/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/) (дата обращения: 26.06.2019).

2. Федеральный закон от 1 мая 1999 года № 92-ФЗ «О российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22938/ (дата обращения: 28.06.2019).

3. Закон города Москвы от 11 ноября 2009 года № 4 «О социальном партнерстве в городе Москве». URL: <http://base.garant.ru/393419/> (дата обращения: 28.06.2019).

4. Закон Санкт-Петербурга от 10 октября 2011 г. N 577-114 «О социальном партнерстве в сфере труда в Санкт-Петербурге». URL: <http://base.garant.ru/35354490/> (дата обращения: 28.06.2019).

5. Закон Московской области от 31.03.1999 г. № 15/99-ОЗ «О социальном партнерстве в Московской области». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MOB&n=226680#06913955205916795> (дата обращения: 28.06.2019).

Семейная история как социальная практика

Полюшкевич О.А.

В статье анализируется семейная история как вид социальной практики, который конструируется теми, кто ее рассказывает. На основе биографических интервью рассматриваются способы воссоздания семейной генеалогии, анализируются источники реконструкции семейной истории (рассказы фотографии, семейные легенды), способы и формы ее интерпретации и передачи другим членам семьи с целью конструирования и укрепления социальных связей внутри малой социальной группы (семьи).

Ключевые слова: социальная практика, социальная группа, идентичность, любительская генеалогия, семейная история, нарратив, семейная история, фотография.

Polyushkevich O.A.

Family history as a social practice

The article analyzes family history as a type of social practice that is constructed by those who tell it. Based on biographical interviews, methods of recreating family genealogy are considered, sources of family history reconstruction (photo stories, family legends), methods and forms of its interpretation and transmission to other family members with the aim of constructing and strengthening social ties within a small social group (family) are analyzed.

Key words: social practice, social group, identity, amateur genealogy, family history, narrative, family history, photography.

В современном обществе меняются условия жизни, а вместе с тем и формы создания, развития и эволюции семьи. Но при этом все чаще поднимается вопрос о родовых связях, так называемой любительской генеалогии – (вос)создание семейной истории (биографии семьи) с помощью интернетресурсов, традиционных и цифровых архивов, данных переписей населения, газетных и журнальных публикаций, судебных отчетов и т.п. Эти инструменты воссоздания личной истории, воссоздания личной идентичности являются формами социальной практики (соединение определенных навыков, выстроенных в последовательность действий, приводящих к воссозданию семейной истории). Потребность в этом особенно остро подчеркивается в период многоликого Я, формирующегося виртуальным пространством сети Интернет, глобализацией, вестернизацией и прочими социальными процессами, отодвигающими традиции рода, традиции личной (семейной) памяти на задний план, этнические и национальные корни, растворяющиеся в процессах культурной глобализации. Семейная история – это точка опоры человека, его внутренний стержень.

Идентичность – это результат и последовательность реальных действий, воссоздание семейной истории выступает формой работы с идентичностью. Осмысление биографии семьи, рода, передача ключевых моментов ее развития определяет работу с идентичностью. Нарратив, формируемый в процессе этого действия (и тем, кто рассказывает, собирает, интерпретирует и тем, кто слушает, сохраняет и передает) формирует дискурсивное поле идентичности членов одного рода. Именно оно определяет семейную идентичность – *кто мы и откуда мы*.

Восстановление или возрождение собственной идентичности – это причина интереса к семейной истории. Собираение семейных биографий и преданий (от историй любви, до историй проклятий; от историй успеха до историй поражений). Через данные повествования участники их трансформируют вопросы соб-

ственной идентичности от того, «кто я такой?» к вопросу «откуда я пришел?».

Более того, теми, кто собирает эти истории, сама семейная история дописывается, через их нарративы, через их интерпретацию и воссоздание утраченных событий из собственного понимания и видения ситуации, тем самым формируется определенный дискурс о роде, который не всегда может совпадать с реальными событиями, но через практики воссоздания социального действия в семейной истории начинает жить своей жизнью. Этот дискурс начинает влиять на тех, кто его создал и тем самым круг замыкается [5].

Семейная идентичность сама по себе не является социальной практикой, а выступает скорее тем инструментом, что расставляет приоритеты, акценты в семейной истории, позволяя интерпретировать те или иные действия или поступки предков [2,3]. Способы поиска информации, ее интерпретация и толкование, расстановка акцентов – рассказывает нам не столько о предках, сколько о тех, кто собирает эту информацию, кто сейчас является носителем рода, чем живет, о чем думает, о чем мечтает и чего боится.

В научной практике данное явление нашло название *нарративного творчества*, помогающего осмыслить прошлое и почувствовать ресурс и поддержку своих корней [4]. Тем самым семейная история становится ресурсом для тех, кто к ней приближается. На фоне путешествия в прошлое своего рода происходит новое открытие Я.

Для анализа воссоздания семейных биографий нами применялся качественный метод анализа семейной истории – нормативное нарративное полуструктурированное биографическое интервью [1], в рамках которого, участники рассказывали о своей семье и своем роде и о том, как они узнали о своей семейной истории (длительность беседы – 3-5 часов). Последнее особенно важно, так как советское прошлое прервало многие семейные традиции, уничтожив носителей или заставив членов семей – не передавать память о роде своим потомкам. После 91-го года XX века – ситуация изменилась, но многие родовые семейные истории утрачены. Основным фокусом интервью выступало генеалогическое древо участников. Особое внимание уделялось интерпретации и объяснениям тех

или иных событий в прошлом рассказчиками. Респонденты показывали фотографии, газетные вырезки или копии архивных документов, свидетельствующие в пользу их рассказов, также передавали семейные предания и истории.

В исследовании приняло участие 18 человек, в возрасте от 35 до 65 лет, 10 женщин и 8 мужчин. Это представители среднего класса: три пенсионера, остальные работающие (педагог, экономист, врач, инженер, строитель, переводчик, спортивный тренер, музыкант, домохозяйка, два представителя среднего бизнеса и три представителя государственных и муниципальных служащих). У всех участников есть 2 или 3 ребенка в возрасте от 10 до 40 лет, у 11 человек есть внуки. Сбор интервью осуществлялся с 2014 по 2019 годы.

Выборка формировалась методом снежного кома. Ее целью было набрать респондентов, использующих разные методы воссоздания семейной истории. Так как особый интерес представлял – способ поиска информации о прошлом рода. В большинстве своем – это рассказы предков – трех-четырех поколений или рассказы свидетелей жизни родственников в прошлом.

Достаточно редко респонденты опирались на письма и мемуары своих предков (только в одной семейной истории звучал данный метод), в трех случаях это были семейные предания, в остальном – это факты статистики и официальные данные о заключении брака, разводе, рождении детей, приписывания имущества и проч.

Семейная история и идентичность

Анализируя результаты интервью, можно выделить несколько типов идентичности респондентов и их нарративных историй жизни их семьи: *«чи вы, откуда вы, и во что верите*. Это то, что заставляет людей находить ответ на вопрос – кто Я.

«*Чи вы будете?»* или принадлежность к известной фамилии или выдающимся деятелям прошлого.

Моя бабушка принадлежала к роду Измайловых, тех самых...известных еще при Екатерине Великой, но в Сибири вышла замуж за деда, ссыльного казака, так как любила его всем сердцем и пошла на неравный брак, даже по советским меркам. Она была дочерью своего рода – даже в глуши, в Куйтуне – была носителем про-

свещения, учила, лечила, помогала всем, кому могла и как могла (Р.И., преподаватель, 40 лет).

Мои корни идут от Сурикова. Художники и поэты, актеры и музыканты были в каждом поколении нашего рода. На это ни притеснения евреев при царе, ни при советской власти не повлияли. Я и мои дети также принадлежат к миру искусства – это в нашей крови, это наш ген. И семьи свои создаем – укрепляя творческий потенциал рода (Л.Л., художник, 49 лет).

«Откуда вы приехали?» или место формирования рода.

Наши предки – кубанские казаки, вольные, независимые, гордые, сильные и смелые люди. В середине XIX века переехали в Сибирь для освоения и защиты этих границ Российской Империи. Добровольно. Это было по чести и совести. И всегда верно служили Царю, потом Советской власти. Все мужчины были военными, несколько я знаю 4-5 поколений. И я и мой сын – военные, внук также в школе МВД учится – и будет военным. Предания нашего рода говорят о чести и отваге и гибели от меча или ружья во время боя как – лучшее, что может ждать мужчину (Д.Ю., пенсионер, военный в отставке, 65 лет).

Мои предки с Казанского ханства известны – были купцами, с которыми даже Царь считался. Советская власть, конечно, многих уничтожила, разорвала связи, но наша татарская кровь до сих пор бурлит в жилах. Мы чтим традиции своего народа – как в выборе невесты и жениха, обустройстве дома, так и в повседневном укладе жизни, поклонении покровителям (Г.Г., домохозяйка, 52 года).

«Во что вы верите?» или мировоззренческие или религиозные представления.

Моя семья выходит из семейских старообрядцев, что и поныне живут на территории Бурятии. Я сегодня не являюсь старообрядцем, как и мой отец и мать, но они еще захватили уклад той жизни. Но знаю ценность семьи и именно ее ставлю во главу угла, ценность детей, ценность и святость священных уз брака. Это внутреннее понимание стало мне понятно, тогда когда я приехал в свою родовую деревню – в Бурятии, познакомился с дальними родственниками, о которых даже мои родители забыли. Теперь общаемся более тесно – это ж моя семья... (Т.П., муниципальный служащий, 29 лет).

Мои корни выходят из сибирских староверов – я знаю их обычаи, мое детство прошло в строгости. И сегодня во-многом принимаю и поддерживаю те устои, по которым жили мои предки, хочу сохранить это для своих внуков, которые уже меня спрашивают – а кто были наши предки... Я верю в то, что мои предки жили по правде, по закону, по чести, по совести. Верили в Бога и сами не плошали... (Ч.В., экономист, 64 года).

Рассказывая свои семейные истории, респонденты испытывали волнение и трепет (потели ладони; шло покраснение лица; запинались; перебывали сами себя, перескакивая с одной мысли на другую, желая рассказать как можно больше и полнее все то, о чем они знают). Их рассказы были полны эмоциональной вовлеченности и увлеченности тем, что и как они рассказывают. Они искренне восхищались простой или героической жизнью своих предков, замечая в их жизни необычные, значимые и знаковые вещи, мысли, поступки, которые меняли все в их собственной жизни, а порой и в жизни страны.

Включенность в историю и повседневный героизм

Мой дед был один из тех, кто конструировал нашу ГЭС, да и Братскую, да и многие другие. Благодаря его идеям – многие процессы оптимизировались. Он по-настоящему смог создавать новые пространства вокруг себя и все те, кто живет в городах Иркутской области – пользуются результатами его труда. Он был честным и отзывчивым человеком. Правда его посадили и казнили позже. Но моя бабушка сохраняла в его детях а потом и в нас, своих внуках – светлую память о человеке, который сделал нашу жизнь лучше, сделал жизнь лучше у тысяч и даже миллионов людей (О.П., строитель, 54 года).

Мой дед был героем Советского Союза во Вторую мировую. Он спас свой взвод, сам пострадал – оторвало руку. Но свой долг выполнил. Я помню его. Помню его рассказы о войне, о послевоенной жизни. Он трудился до последних дней своей жизни. Никогда не унывал и помогал всем, чем мог – делом и словом, работая в школе учителем истории и географии. Он был Учителем с большой буквы. Я знаю, что он был всегда верен слову. И меня воспитал таким же. И я также воспитал своих детей. Война лишь подчеркнула то, что он впитал в себя у своих

родителей, а те у своих – честь и отвагу. Наши предки были офицерами при Царской армии, потом при Красной армии, война поменяла жизнь моего деда – он вынужден был уйти в тыл, но мой отец стал военным и я пошел по его стопам (Е.К., военный, 35 лет).

Методы сбора информации и идентичность

Таким образом, сухие факты о смертях и рождениях, переездах и болезнях требуют от любителя семейной истории большего количества энтузиазма и сил для создания захватывающих нарративов жизни своих предков. Тем самым указывая на внутреннюю идентичность самого исследователя собственной истории. Все те, кто занимается собиранием фактов о истории своего рода, делают особый акцент на том, какие интересные и увлекательные факты и формы приобретает их хобби, как оно влияет на их личность, их настоящую семью и позволяет быть лучше, чем они были вчера.

Фотографии о предках есть у всех респондентов, но лишь на 3-4 поколения назад. То, что относится к истории рода до революции в большинстве случаев – это истории о членах семьи. Фотографии дореволюционные хранятся лишь у четверых респондентов. У двоих – сохранились в личных архивах, еще у двоих были скопированы из городских хроник в рамках строительства или восстановления зданий после пожара.

Мемуары – воспоминания о жизни – имеются только у одного респондента, они повествуют о жизни прабабушки, которая вышла из дворянского рода и была вынуждена сменить имя и фамилию во время революции, но мемуары писала как на русском, так и на французском, так как детство и юность провела во Франции. Данный документ входит в архив города Иркутска, и периодически выставляется в тематических экспозициях.

В одной семье имеются выписки из решений суда об осуждении членов семьи за измену Родине – во времена правления Сталина и в двух семьях документы о смерти родственников – заключенных в лагерях на Севере.

Большинство жизненных историй семей, описывается через предания, сопровождаются устными историями и тем самым, они могут *дописываться и додумываться* теми, кто их рассказывает, привнося свой контекст и колорит в повествование.

Данные нарративы, подкрепленные разнообразными материальными или устными свидетельствами выступают образами конструирования индивидуальной семейной истории, социальной памяти семьи, конструируя идентичность ее членов, формируя условия и формы репрезентации себя как человека, как носителя рода, как гражданина. Семейная история – это часть идентичности человека и отдельных социальных групп. Воссоздание семейной истории является полноценной социальной практикой создания новой повседневной реальности.

Таким образом, самоосмысление и идентификация с прошлым семьи – это главные продукты данного вида деятельности. В ходе воссоздания личной семейной истории участниками производилось обретение, укрепление и экспансия личностной идентичности через нормативное конструирование психологической, поведенческой, нормативной, аффективной, деятельностной и так далее преемственности и связи поколений.

Качественный анализ интервью дополнительно подчеркнул особый акцент в работе с идентичностью. Респонденты на практике иллюстрировали процесс создания биографических семейных нарративов, понимание самоосмысления (своего места в роду, своих поступков и мотивов, проведение параллелей с собственной жизнью или жизнью более известных людей (генералов, царей) формирует *понимание своего места в истории, понимание того КТО Я*. Также имели место попытки понять и оправдать различные поступки предков (предательство, внебрачные дети, преступления).

В процессе повествования происходит расширение идентичности за счет новых знаний о семье, интерпретации этих знаний и включение их в общий контекст знаний о истории города, края или страны в целом.

Данные нарративы и объяснения укрепляют семейные связи и родственные узы, что способствует конструированию исторической, географической, социокультурной аутентичности своего Я. Включенность в значимые и знаковые события прошлого как на уровне локальном – формирование диаспор или миграции, так и более глобальных – участие в войнах, революциях, строительстве городов и прочее – позволяет связать себя и историю своего рода с более значимыми событиями в истории страны и мира.

Выбранные методы поиска или реальные возможные варианты поиска информации о своей семье – создают ореол у того, кто собирает, как и кому повествует историю своей семьи. Это также формирует его идентичность. По моему мнению, любительская генеалогия – это вид социальной практики, где организация самих действий выступает побудительным мотивом определенных действий и вовлечением в эти действия людей (а не только форма социальной или когнитивной психологии, отвечающая интересам и склонностям участников). Любительская генеалогия как социальная практика позволяет избежать методологического индивидуализма и волонтаризма в процессе понимания и осмысления идентичности.

Литература

1. Панова А.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Методы распознавания кодирования эмоциональных

состояний в прикладных исследованиях // Социология. 2018. – №4. – С. 140-145.

2. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. 2017. – С. 157-159.

3. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений. Монография. Иркутск, ИГУ. 2014. – 164 с.

4. Bottero W. Practising family history: «Identity» as a category of social practice // British j. of sociology. – L.; Hoboken (NJ), 2015. – Vol. 66, № 3. – P. 534–556.

5. Erben M. Genealogy and sociology // Sociology. – L., 1991. – Vol. 25, № 2. – P. 275–292

Глобальные и социальные процессы. Социология глобализации

Современные вызовы миграционной политики: роль диаспор

Гулина Д.С.

В данной статье приведено обоснование рассмотрения диаспоры как самостоятельного актора миграционной политики, выделены три модели государственной миграционной политики, в зависимости от степени привлечения диаспор к управлению миграционными процессами: консервативная, либеральная модели и модель неиерархического участия диаспоры, даны характеристики каждой из этих моделей, рассмотрен опыт их применения в миграционной политике трёх государств: Япония, ОАЭ, США.

Ключевые слова: управление миграционными процессами, диаспора, государство-реципиент, государство-донор, «модель треугольника» миграционной политики.

Gulina D.S.

Modern challenges of migration policy: the role of diasporas

This article presents the rationale for the consideration of the diaspora as an independent actor of migration policy. We have identified three models of state migration policy, depending on the degree of involvement of diasporas in the management of migration processes: conservative, liberal model and model of non-hierarchical of diaspora participation. There are characteristics of each of these models, the experience of their application in the migration policy of three states: Japan, UAE, USA.

Key words: management of migration processes, diaspora, recipient state, donor state, "triangle model" of migration policy.

Актуальность темы исследования. Современные миграционные процессы способны неоднозначно воздействовать на социально-экономическую ситуацию в Российской Федерации (с одной стороны, улучшить демографическую обстановку в стране, обеспечить приток рабочей силы и решить ряд проблем плотности расселения в мало населенных районах России, с другой, наблюдается рост нелегальной иммиграции, размывание традиционных ценностей принимающего общества, рост преступности с участием мигрантов, этнические конфликты и др.).

В существующих условиях актуальную значимость приобретает конструирование работоспособной основы государственного управления миграционными процессами, которая сформирует систему основополагающих принципов, методов и средств ее реализации и будет строиться в соответствии с современными научными разработками в этой области. Кроме того, актуализируется необходимость пересмотра принципов управления адаптацией мигрантов к российской социально-культурной действительности. В существующем разнообразии проблем управления миграционными процессами особое место занимают вопросы взаимодействия органов государственной власти с национальными диаспорами. В связи с этим, возрастает необходимость изучения эффективности диаспор как основных посредников РФ в реализации ее миграционной политики, изучения их адаптивных возможностей и разработки действительно действенных механизмов и инструментов регули-

рования миграционных процессов на основе новейших концептуальных подходов.

1. Теоретическое обоснование рассмотрения диаспор как субъекта миграционной политики

Понятие миграционной политики возможно рассмотреть в узком и широком смысле. По определению И.А. Романова, в узком она представляет собой государственное участие в регулировании миграционных процессов, воздействие на механизмы миграционных передвижений. В широком миграционную политику принято понимать как часть государственной социальной политики, касающейся демографических вопросов, проблемы труда и производства, прав и свобод любого человека. Большинство определений миграционной политики объединяет понимание её через комплекс целенаправленных мер регулирования миграционных процессов [1, с. 36; 2, с. 8; 3, с. 37].

Многоаспектная природа этого явления требует применения комплексного подхода, учитывающего демографическую, экономическую, юридическую, финансовую и социально-психологическую составляющие. При усложнении видов миграции (вынужденные и добровольные переселенцы, трудовые мигранты, беженцы и т.д.) государственная миграционная политика не может выполнять исключительно функцию шлагбаума [4, с. 367-402], к тому же эффективность такого подхода снижается. По мнению Л.Л. Рыбаковского, «...кроме мер, миграционная политика включает, например, разделяемые субъектом представления, идеи, цели, во имя которых осуществляется та или иная политика» [1, с. 37]. В связи с этим миграционную политику возможно рассматривать и через призму управления средствами по достижению целей государства, адекватных конкретно-историческим условиям развития общества [Там же].

Предметом расхождения трактовок этого явления остается и определение субъекта миграционной политики. По мнению одних исследователей, им являются государства: государства приема и исхода; государство, принимающее комплекс мер по регулированию миграционных процессов [5]. Другие исследователи признают возможность участия иных акторов в регулировании миграционных процессов: государственных органов, политических партий,

общественных институтов, организаций, элит, физических лиц [6, с. 61; 7, с. 10].

Автор настоящей статьи придерживается точки зрения, согласно которой миграционную политику следует рассматривать в широком смысле, как одно из направлений демографической и социально-экономической политики (в нашем случае, политики государства), включающей комплекс мер и инструментов целенаправленного воздействия на миграционные процессы. Институциональные и инфраструктурные трансформации, обусловленные глобализацией рынка, ростом конкурентоспособности, привели к утрате государством безраздельного влияния на управление миграционными процессами, монополии на миграционное регулирование в результате транснациональных экономических процессов. Следовательно, в качестве субъекта, осуществляющего управленческие меры в рамках миграционной политики, представляется целесообразным рассматривать не только государство, но и международные организации, федеральные органы власти, региональные органы власти, общественные институты и организации, политические партии, элиты и диаспоры.

Диаспора представляет собой транснациональное сообщество мигрантов, сохраняющих материальные и духовные связи с территорией происхождения и адаптирующихся к условиям принимающей страны. За счет поддержания духовных связей со страной происхождения, то есть эмоционального фактора, это понятие включает комплекс сложных социально-психологических компонентов, как то: групповая идентичность, мифы о происхождении и так далее.

Важными характеристиками диаспор являются их автономное проживание при одновременных транснациональных взаимодействиях. Неудовлетворенность диаспорой своим статусом в стране проживания, ожидание перемен в отношениях между диаспорой и принимающей страной, общественно-политический кризис повышают активность диаспоры в подобных взаимодействиях. Демографические, национальные и социальные свойства диаспор коррелируют с уровнем или потенциалом их влияния. Основные цели диаспор в региональном, национальном и глобальном русле достигаются, по преимуществу, посредством взаимодействия с государственными институтами.

Помимо прочего, диаспоры имеют возможность самостоятельно участвовать в международных политических процессах, независимо от государств. При этом главным центром использования и распределения влияния диаспоры, а также выработки стратегии действий становится её элита. Именно стабильность внутри элит становится индикатором управленческих способностей диаспоры.

Ещё одной важной особенностью диаспоры как понятия является транснациональный характер её деятельности, осуществляемой транснациональными же механизмами, поскольку с самого начала диаспора складывалась как сообщество с размытыми границами, главным критерием для идентичности которого служили не границы, а культурный бэкграунд (групповая и культурная идентичность, специфические этнообразующие мифы и так далее). Современные средства коммуникации расширяют потенциал влияния диаспор в обход государственных институтов. Более того, влияние крупных диаспор обладает уникальным потенциалом.

Итак, диаспоры возможно рассматривать как транснациональных акторов мировой политики в целом и миграционной политики, в частности, поскольку они отвечают соответствующим критериям. Масштаб их деятельности расширяется с такой скоростью, что наука сегодня не всегда своевременно успевает осмыслить эти изменения [8, с. 99-108].

М. Кек и К. Сиккинг выделяют среди свойств транснациональных акторов: креативный подход в применении средства коммуникации, возможность вступать в коалицию с иными акторами [9, с. 2]. Их влияние увеличивается ещё и тем, что в качестве дополнительного средства влияния они используют широкую осведомленность в сфере миграционных процессов региона или группы, а также моральный авторитет [Там же, с. 64]. Д. Джосселин и У. Уоллас среди таких черт негосударственных акторов называют: присутствие в транснациональных сетях, относящихся к границам, как минимум, двух государств, значительная степень автономности вплоть до абсолютной, последствия социально-политического характера для государства или международного института [10, с. 3-4], влияние на конкретные общественные и государственные институты.

Таким образом, диаспоры могут влиять на

мировую политику вообще и миграционную политику, в частности, используя разнообразные механизмы. Чаще всего реализации своих целей диаспоры добиваются посредством влияния на государство, что не отменяет её широкую самостоятельность. Влияние диаспоры подтверждает и тот факт, что в ряде случаев они не просто инициирует взаимодействие с государством, но и обладают потенциалом поддерживать это взаимодействие на длительный основе. Социально-политический ресурс влияния диаспор аккумулируют элиты внутри диаспор.

Израильские учёные Й. Шейн и А. Барт к ситуациям прямого и косвенного влияния диаспор на миграционную политику относят следующие: 1) неудовлетворенность диаспор социальным статусом в стране-реципиенте; 2) стремление диаспоры выразить мнение всех представителей этноса, в том числе, проживающих на территориях других государств; 3) отношения, поддерживаемые страной-реципиентом с диаспорой, может сказаться на её отношениях со страной происхождения диаспоры; 4) диаспора предпринимает попытки повлиять на политику государства-реципиента; 5) диаспора предпринимает попытки повлиять на политику государства происхождения [11, с. 453 - 456].

М. Дж. Эсман дополняет эти ситуации следующими пунктами: 6) сам факт поддержания диаспорами транснациональных связей понижает контроль государства над некоторыми кластерами социальной жизни; 7) государство заинтересовано использовать ресурсы диаспоры для решения своих социально-экономических и политических целей; 8) поиск диаспорой убежища в стране-реципиенте во время обострения конфликта в стране происхождения; 9) диаспора становится активным актором социально-экономического, социокультурного и политического развития страны происхождения; 10) члены диаспоры могут быть причастны к деятельности транснациональных преступных сетей [12, с. 121-131].

Г. Шеффер описывал диаспоры как самостоятельных субъектов миграционной политики в рамках «модели треугольника»: государство происхождения - диаспора - страна-реципиент [13, с. 192-199]. Диаспоры способны оказывать влияние и вне модели «треугольника»: к примеру, при росте в их деятельности транснациональной составляющей. На основании сете-

вой организации диаспор и их разнообразия, Шеффер выделяет следующие показатели участия диаспоры в миграционной политике: 1) доля мигрантов единого происхождения в составе населения страны; 2) степень представительства членов диаспоры в сферах государственного, регионального, муниципального управления страной, экономики; 3) уровень локализации диаспоры на конкретной территории; 4) степень солидарности диаспоры и мигрантов и возможности привлечения рычагов политической мобилизации; 5) уровень включенности диаспоры в реализацию государственного курса миграционной политики.

Ресурсы диаспоры строятся на солидарности её членов и могут быть отнесены к социально-политическим и гуманитарным ресурсам, по классификации М.М. Лебедевой [8, с. 97-100].

Российский специалист по национально-этническим проблемам мировой политики К.П. Боришполец, приверженец прагматического подхода к изучению диаспор, считает, что в потенциале диаспоры способны выстраивать сети взаимодействия, в которых государство занимает место лишь одного из звеньев. А потому государства стремятся активно использовать ресурсы диаспор для расширения собственных финансовых и информационных возможностей [14, с. 82-83]. Интенсивность связей мигрантов и диаспор обусловлена, во многом, и прочным эмоциональным связям, складывающимся и активно поддерживаемым между ними. Эти связи интенсивнее институциональной коммуникации, но и менее устойчивы, чем она, и в этом автор данной диссертационной работы видит преимущественные возможности государства в выстраивании миграционной политики.

2. Модели миграционной политики: роль диаспор

Миграционная политика государств в отношении регулирования рынка труда и рабочей силы диктуется, по преимуществу, их экономическими потребностями.

Однако, начиная с 1975 г., всё весомее в ней становится составляющая гуманитарного фактора, диктуемого проблемой вынужденного мигрантства, например, воссоединения мигрантов и их семей и так далее. Помимо прочего, следует отметить интеграционный характер миграционной политики иностранных госу-

дарств, что обуславливается в том числе увеличением трудовой, вынужденной, нелегальной миграции, а также глобальными миграционными процессами как таковыми. Таким образом, складывается определенная база для осуществления и совершенствования международного сотрудничества страны происхождения и принимающего государства. Это формирует потребность государств оптимизировать и совершенствовать механизмы государственного управления миграционными процессами, в том числе его законодательное регулирование.

Сегодня некоторые государства стремятся в осуществлении выбранного курса миграционной политики привлекать потенциал и диаспор как негосударственного актора. В зависимости от степени такого привлечения, можем выделить существующие сегодня три модели миграционной политики, в зависимости от роли в ней диаспоры как негосударственного актора, представленные в Таблице 1.

2.1 Бездиаспоральная модель управления миграционными процессами (на примере Японии)

Страны с бездиаспоральной моделью управления миграционными процессами, как правило, принадлежат группе стран с довольно строгими квалификационными фильтрами допуска на рынок труда, их иммиграционная система считается относительно закрытой. Иммиграционное законодательство таких государств предусматривает легальное трудоустройство на неквалифицированную работу для иностранцев только в ряде случаев: если мигрант имеет происхождение принимающей страны, если обладает статусом иностранного студента или стажера. При этом иммиграционная политика осуществляется с ощутимым предпочтением в пользу высококвалифицированной рабочей силы, владеющими знаниями современных технологий и навыками их применения во вновь открывающихся производственных отраслях [15].

Государственное регулирование трудовой миграции осуществляется национальным министерством внутренних дел, министерством труда и миграционными службами (например, иммиграционной службой Министерства юстиции в Японии). Миграционные службы выполняют функции: - проверки легальности въезда-выезда

Таблица 1
 Модели управления государственной миграционной политикой, в зависимости от ее открытости к привлечению диаспор

№	Название модели управления	Краткая характеристика модели управления	Пример государства, использующего данную модель
1	Консервативная, или бездиаспоральная модель управления миграционными процессами	Относительно закрытая иммиграционная система по допуску на рынок труда неквалифицированной рабочей силы. Участие диаспор в миграционной политике не предусмотрено	Япония
2	Модель государственного управления миграционными процессами с привлечением диаспор/ открытый тип миграционной политики/ либеральная миграционная политика	Высокая экономическая заинтересованность государства в отношении трудовой миграционной силы при одновременной невозможности предоставлять мигрантам весь объем социальных гарантий. Диаспора как смягчающий инструмент в решении этой проблемы	ОАЭ
3	Неиерархичная модель участия диаспоры в управлении миграционными процессами	Возможность привлечения диаспор в управление миграционными процессами на неиерархичных, партнерских условиях, благодаря комплексу гарантий миграционной безопасности и прочной институциональной основе взаимодействия государства с диаспорами. Применение принципа мягкой силы	США

из страны; - установления статуса пребывания иностранных граждан; - контроля за его соблюдением; - регистрации иностранцев; - депортации нарушителей иммиграционного законодательства и некоторые другие функции. В государствах, реализующих миграционную политику без привлечения диаспор, распространена практика работы иммиграционных центров, предназначенных для содержания иностранных граждан, подлежащих высылке из страны (например, в Японии - в префектурах Нагасаки - г. Омура, Осака - г. Ибараки, Ибараки - г. Усику).

В странах, чья миграционная политика не предполагает участия в ней диаспор, можно наблюдать сокращение численности последних. К примеру, некогда крупнейшая в Японии корейская диаспора с 1990-х гг. стала демонстрировать количественный спад, сократившись примерно на 30% за 20 лет, на фоне постоянного

роста численности китайцев. Так, только во втором квартале 2016 г. китайская диаспора увеличилась примерно на 12 тыс. человек, составив около 678 тыс. человек, тогда как численность корейской общины упала без малого на 1 тыс. человек, достигнув показателя 457 тыс. человек [16].

Таким образом, государственная миграционная политика, не предполагающая участия в ней диаспор, вопреки ожиданиям государства, не всегда приводит к сохранению стабильной этнической картины его социума. Игнорирование диаспор как актора миграционной политики может привести к консервации этнических сообществ на территории государства-реципиента как «принимающих анклавов» для временной трудовой миграции (в том числе, в ее нелегальных формах), как стало с китайской общиной в Японии.

Закрытая иммиграционная система таких стран имеет риск обострения проблемы старения населения и нехватки трудовых ресурсов, как следствие, социально-экономических противоречий (к примеру, в Японии проблема старения населения и нехватка трудовых ресурсов стала проявлять себя с 2004 г., в связи с этим власти ставят задачей пересмотр миграционной политики, однако законодательно всё остается на прежнем уровне).

Незаинтересованность руководства этих государств допускать к проживанию на свою территорию иностранцев объясняет целый комплекс ограничительных барьеров, созданных в их иммиграционном законодательстве. К примеру, в Японии даже либералы (Либерально-демократическая партия Японии – ЛДПЯ) высказываются против либерализации миграционной политики. По их мнению, высокие ограничительные меры способствуют безопасности и благосостоянию японских граждан. В марте 2015 г. редакция сайта «Магумагу иэсу но: Ррон» (Общественное мнение: за и против) провела опрос населения с целью выяснить общественное мнение на тему возможного расширения привлечения иностранцев в качестве рабочей силы, а также послабления миграционной политики государства. Результаты показали, что 83% граждан страны не поддерживают либерализацию миграционной политики и только 17% высказались, что не против дополнительного привлечения иностранцев на рабочие места и снижения иммиграционного контроля [17].

С этих позиций, даже вынужденная под давлением социально-экономических факторов, либерализация миграционной политики в таких странах как Япония, где не самой системой миграционной политики сегодня не предусмотрено участие в ней диаспор, приведет, по всей вероятности, к увеличению миграционных квот с сохранением социальных препятствий в процессе ассимиляции мигрантов в принимающее общество. Однако, с учетом вышесказанного, возможно, именно этот подход является для страны-реципиента с бездиаспоральной системой миграционной политики наиболее оптимальным и безопасным, так как нерезкое устранение количественных ограничений на временную трудовую миграции в условиях прежнего социального неприятия мигрантов и препятствий в получении ими гражданства способно

повлечь, с одной стороны, общественную и культурную консервацию диаспоры как принимающего сообщества, а с другой, рост её экономического, а в последствии, вероятно, и политического влияния на территории принимающей страны, что сегодня можно наблюдать на примере китайского сообщества в Японии.

2.2 Модель государственного управления миграционными процессами с привлечением диаспор (на примере ОАЭ)

Государства с открытым типом миграционной политики, как правило, имеют достаточно несложный режим въезда, в том числе для трудовых мигрантов, в которых они экономически заинтересованы. В формировании и реализации миграционного курса таких стран мотив экономической заинтересованности имеет приоритетное значение по сравнению с мотивом поддержания миграционной государственной безопасности. Как правило, на территории таких стран развитой является туристическая деятельность, а потому отдельные потоки трудовых мигрантов оказываются задействованными именно в сферу туризма. Часто оформлением таких трудовых мигрантов занимается сам работодатель, что дает мигранту определенные преференции (так, в Объединенных Арабских Эмиратах по окончании трудового договора работник получает сертификат международного образца и рекомендательные письма, сертификат дает право на получение работы в любом отеле мира, предусмотрена также возможность продлить визу и контракт).

Иностранцев инвесторов в странах с открытой миграционной политикой, например, ОАЭ, может привлекать возможность создания предприятия в свободной экономической зоне, где устранены такие торговые барьеры как налоги и тарифы, снижены бюрократические требования.

В зависимости от конкретных требований, как правило, выдают следующие типы виз: виза для трудоустройства, семейная виза, туристическая виза. Покупка недвижимости в стране с открытой миграционной политикой дает право получения резидентской визы (вида на жительство), действие которой распространяется на всю семью, включая супругов и несовершеннолетних детей. Однако сложности с получением гражданства распространены и в государствах с такой моделью миграционной политики (так, в

ОАЭ не предусмотрено не только получение постоянного места жительства, но и второго гражданства). Как правило, государства с высоким экономическим интересом в отношении трудовой мигрантской силы испытывают затруднения в предоставлении мигрантам всего объема социальных гарантий, во многом потому в качестве еще одного актора миграционной политики государством привлекаются диаспоры. Так, в ОАЭ существует Государственный комитет по работе с диаспорами, и представитель любой диаспоры имеет связь с этим Комитетом. Диаспоры на свои средства могут содержать собственные школы, культурные центры, церкви. К примеру, в ОАЭ армянская диаспора даже участвовала в финансировании строительства здания посольства Армении.

Отношения государства-реципиента с либеральной миграционной политикой и государства-донора, развиваются как правило, на фоне принятия новых визовых привилегий для представителей последнего, однако этого не всегда достаточно для расширения участия диаспоры в реализации государственной миграционной политики. Так, упрощение визового режима ОАЭ с Азербайджаном в октябре 2015 г. привело к увеличению туристического потока, но не упрочило присутствие азербайджанской диаспоры в решении миграционных задач ОАЭ, что говорит о присутствии диаспоры в миграционной политике как о комплексе мер, связей и взаимодействий, развитие которого требует определенной правовой, институциональной, экономической и социальной базы.

2.3 Неиерархичная модель участия диаспоры в управлении миграционными процессами (на примере США)

Государственные институты управления миграцией в странах с неиерархичной моделью управления миграционными процессами за последние десятилетия опираются на шесть столпов: пограничный контроль, визовый контроль и проверки во время переездов, информация и совместимость информационных систем, контроль за рынком труда, взаимодействие контроля миграции с уголовным правосудием, задержание и депортация лиц, нарушивших миграционное законодательство.

Возможность привлечения диаспор в управление миграционными процессами на неиерар-

хичных, партнерских условиях создается благодаря комплексу гарантий миграционной безопасности, к числу которых относится и использование информационных систем и проверка совместимости данных в них. Так, в США дополнительным фильтром для выявления лиц, незаконно пребывающих на территории государства, стала система US-Visit, использующая биометрические показатели (электронные отпечатки пальцев, цифровые фото), при этом система подключена к единой сети – банку персональных данных и данных о преступлениях и правонарушениях. Доступом к этой сети обеспечены ведомства всех уровней, осуществляющих миграционную политику по всей стране. Кроме того, особенностью правовой системы стало взаимодействие контроля над миграцией и уголовного правосудия, что вылилось в правовую практику, когда более 50% федеральных уголовных дел США имеют отношение к нарушению миграционного законодательства). Таким образом, контроль и управление в сфере миграции государств с такой моделью миграционной политики обладают высочайшим приоритетом в государственной правоприменительной практике [18].

Глобализация, интеграция, взаимозависимость, интенсификация миграционных потоков как условия, в которых развивается современная мировая политика, диктуют государствам необходимость использования фактора мягкой силы в выстраивании собственных внешнеполитических стратегий. Примером применения принципа мягкой силы в неиерархичной модели участия диаспоры в управлении миграционными процессами может стать индийская диаспора в США. Сегодня её численность составляет больше 3 млн человек – это вторая по численности диаспора в мире. Руководство Индии считает свою диаспору в Соединённых Штатах важным элементом благоприятного внутри- и внешнеполитического развития Индии. Целый ряд выходцев из Индии занимают руководящие позиции в Microsoft, Adobe, Google и других наиболее крупных компаниях IT-сферы.

На институциональном уровне потребность всестороннего углубления отношений диаспоры с государствами, использующими миграционную политику в рамках данной модели, реализуется путем создания соответствующего профильного механизма (например, Ministry of

Overseas Indian Affairs (MOIA) - американского Министерства по делам выходцев из Индии, US Agency for International Development (USAID) - Американское Агентство по международному развитию, International Diaspora Engagement Alliance (IDEA) - Международный альянс по связям с диаспорами). Таким образом, отличительными особенностями неиерархичной модели участия диаспоры в миграционной политике государства являются обеспеченная миграционная безопасность и прочная институциональная основа для взаимодействия с диаспорами. Часто в таких государствах создается двухпартийная поддержка развития отношений с ключевой диаспорой (например, в США функционирует созданный в 1993 г. Совет Конгресса по Индии (Indian Caucus in the US Congress) и организованный через 11 лет Совет Сената по Индии (Indian Caucus in the US Senate).

Дополнительным ресурсом в развитии партнерских отношений таких государств с диаспорами становится высокая образованность их представителей, принимающее государство, заинтересованное в принятии квалифицированных кадров, выдает представителям таких диаспор больше всего виз [19].

Помимо прочего, мощным фактором развития партнерских отношений с диаспорами таких государств, становится появление крупнейших организаций этой диаспоры в принимающей стране (например, в 1980 г. создана Национальная Федерация индоамериканских ассоциаций - National Federation of Indian-American Associations (NFIA), а в 1989 г. в Нью-Йорке - Всемирная организация лиц индийского происхождения - Global Organization of People of Indian origin (GOPIO) Первая из них - самая крупная в США «зонтичная» индо-американская организация, состоящая примерно из 200 ассоциаций.

Отдельным направлением, в котором динамично развиваются двусторонние отношения диаспоры и страны-реципиента такого типа (как в примере США и Индии), и где потенциал диаспоры широко реализуем, является торгово-экономическое сотрудничество [20]. Предпринимательская активность диаспоры чаще всего становится неотъемлемой составляющей двусторонних экономических отношений.

Подводя итог, на основе вышесказанного, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Диаспора как явление обладает способностью становиться самостоятельным и значимым актором в мировой политике вообще и миграционной политике, в частности, наращивая при этом потенциал своего влияния.

2. Возможно выделить три модели государственной миграционной политики, в зависимости от ее открытости к привлечению таких негосударственных акторов, как диаспоры, и использованию их потенциала.

3. Государства, реализующие закрытую консервативную модель миграционной политики без привлечения диаспоры, как правило, сфокусированы на цели обеспечения миграционной безопасности; осознание ими экономической необходимости либерализации миграционного курса может в данный момент привести лишь к промежуточным послаблениям (например, увеличению миграционных квот), но не выполняет задач политики натурализации, не приводит к ассимиляции мигрантов в принимающее общество.

4. Руководство экономическими соображениями как приоритетом, которое демонстрируют страны с либеральной миграционной политикой, не решает основных задач интеграционной политики, а именно, не дает ряда важных социальных гарантий мигрантам в принимающей стране, не решает вопрос адаптации мигрантов, их полноценного вовлечения в социальную жизнь местного населения.

5. Модель неиерархического участия диаспор в реализации миграционной политики страны является примером партнерских отношений, она возможна при обеспечении государством основных гарантий: миграционной безопасности, социально-экономических гарантий и других, а также определенном уровне развития права, гражданского общества и общественных институтов. Только в случае применения данной модели государство может использовать потенциал диаспор, не передавая им своих прямых полномочий в осуществлении миграционной политики и не теряя своего институционального влияния.

Литература

1. Рыбаковский Л.Л. Миграционная политика России: теория и практика. // Современные проблемы миграции в России. Материалы общероссийской научной конференции (11-13 ноября 2003 г.). - М., 2003.

2. Кононов Л.А. Миграционная политика России: проблемы и пути их решения. Аналитические обзоры Инст. научных исследований и информации при Президенте РФ: периодич. издание. № 4 (14). – М.: РАГС, 2010. С. 5-9.
3. Волох В.А., Суворова В.А. Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны // NB: Национальная безопасность. – 2013. – № 3. С. 34-37.
4. Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe // Migration, Ethnicity, Conflict / K. Bade (ed.). Osnabruck: Universitatsverlag Rasch, 1996.
5. Черняк А.В. Миграционная политика: понятие и сущность // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 6. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/35281> (дата обращения: 29.05.2018).
6. Бобылев В. Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы) // Власть. 2009, № 6. С. 58-62.
7. Прудникова Т.А., Егорова С.А., Акимова С.А. Правовые и организационные особенности миграционной политики в ряде зарубежных стран. – М.: ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2013.
8. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.
9. Keck M.E., Sikkink K. Activist beyond borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell University Press, 1998.
10. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework // Non-State Actors in World Politics. Ed. by D. Josselin and W. Wallace. New York: Palgrave, 2001.
11. Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory // International Organization. 2003. No. 57 (3). P. 453–456.
12. Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Polity Press, 2009.
13. Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. New York, 2003.
14. Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ. М., 2012.
15. Анатолия этнополитики: Монография / Савинов Леонид Вячеславович, Шевцова Елена Владимировна / Scientific magazine "Kontsept", 2015.
16. То:до:фу:кэнбэцу нэнрэй дандзэбэцу дзайрю-гайкокудзин (сонно 1 Тю:гоку) (Распределение иностранцев, постоянно проживающих в Японии, по префектурам по возрастному и половому признаку (Китай)) // Сэйфу то:кэй но мадогуги (Интернет-портал официальной статистики Японии): [Электронный ресурс]. – 01.11.2016. – URL : <http://www.estat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001161643>
17. Нихон ва имин но укэйрэ о сэккекутэки ни оконубэки ка? (Должна ли Япония активно принимать иммигрантов?) // Магумагу изсу но: ерон то йу сайто (Общественное мнение: за и против) [Электронный ресурс]. – 2016. – URL http://yoron.mag2.com/politics_and_economy/topic/result/15890.
18. Иммиграционная политика в США // Демографическое обозрение. 2015. № 2. С. 121-129. / автор: ИА ЕФРЕМОВ.
19. Sahay A. Indian Diaspora in the United States. Brain Drain or Gain. Lexington Books, 2010.
20. India – US Bilateral Trade. [Электронный ресурс] // Embassy of India. Washington, D.C., USA. URL: <https://www.indianembassy.org/pages.php?id=42>.

Российское образование в контексте современных геополитических вызовов

Гусевская Н.Ю., Никонов Р.В.

В статье рассматриваются состояние и перспективы развития российского образования во взаимосвязи с потребностями государства, российского общества и с учетом современных мирополитических реалий. Авторы выделяют несколько важнейших векторов и тенденций развития российского образования. В статье выявляются основные угрозы для стабильного развития российского общества в области образования и предлагается авторское видение развития российского образования.

Ключевые слова: общество, государство, образование, безопасность, геополитика

Gusevskaya N.Yu., Nikonov R.V.

Russian education in the context of modern geopolitical challenges
The article discusses the state and prospects of Russian education development in conjunction with the needs of the state, Russian society and taking into account modern world political realities. The authors identify several important vectors and development trends of Russian education. The article reveals the main threats to the stable development of Russian society in the educational sphere and offers an author's vision of the Russian education development.

Keywords: society, state, education, security, geopolitics

В настоящее время международное сообщество пришло к пониманию возросшей роли науки, техники и инноваций в вопросе модернизации национальной экономики и государства в целом. Если XX век характеризовался глобальной борьбой за природные ресурсы, то в XXI в. главным фактором конкуренции выступает интеллектуальный и инновационный потенциал. Страны, уделяющие серьезное внимание научным исследованиям и предоставляющие для этого достаточно мощные финансовые, производственные, интеллектуальные ресурсы, доминируют в современной политико-экономической гонке и занимают лидирующие позиции на мировой арене.

Совершенствование научно-технологического потенциала Российской Федерации является ключевым фактором развития страны и обеспечения способности эффективно отвечать на внутренние и внешние вызовы. Образование играет решающую роль в инновационном развитии страны и становится более значимым для обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета в современных геополитических условиях. Результативность совершенствования системы образования определяет не только готовность выпускников к осуществлению профессиональной деятельности, но и определяется социальное и духовное развитие молодежи, сформированность активной жизненной и гражданской позиции, определяет ее результативность инновационного развития страны, вовлеченность в международный рынок труда, образования и технологий.

Значение безопасности образовательного пространства неизмеримо возрастает в связи с углублением международных и геополитических системных ограничений развития, повышением значимости внешних угроз. К сожалению, приходится констатировать, что достижение целей повышения качества системы образования не всегда осуществляется эффективно, особенно в части обеспечения доступности и дос-

точного уровня сформированности профессиональных компетенций. Общеизвестным фактом становится несоответствие качества российского образования требованиям нового технологического уклада, в который должна войти РФ, чтобы занять достойное место на международной арене. С другой стороны, напряжение в преподавательском сообществе, вызванное перманентными реформами в российском образовании достигает уже критической точки.

Проблема безопасности и эффективности российского образования остро актуальна и не раз становилась предметом специального рассмотрения. С.В. Камышев в своем исследовании проанализировав соотношение понятий «национальная безопасность» и «безопасность образовательного пространства» в их взаимосвязи, убедительно доказал, что образование как общественный институт можно рассматривать как источник, объект, ресурс и средство обеспечения национальной безопасности. При этом между процессом обеспечения безопасности образовательного пространства и национальной безопасности есть точки соприкосновения и взаимовлияния. Включая в себя все больше факторов влияния на общество, связанных с необходимостью обеспечения безопасности, образование как институт приобретает все большую значимость.

В то же время, именно необходимость обеспечения национальной безопасности позволяет гарантировать возможности сохранения безопасности образовательного пространства. Именно данная взаимосвязь определяет масштабы возможных последствий в результате неверно определенной траектории реформирования системы образования [5].

Невыверенными организационно – управленческими решениями с плачевными для российского общества и государства П.Н. Беспаленко называет проведение необъяснимой стратегии объединения вузов; элитаризацию образования; реализацию жесткого бюрократического подхода, ведущего к избыточному формализму; невысокий социальный статус педагога, а также рассогласование содержания образовательных программ и запросов практики, ориентацию на рост объемов научной деятельности, в целях зарабатывания денег, наряду с педагогической [1].

Большинство исследователей анализируют взаимозависимость образовательной системы РФ и состояния российской экономики, динамики ее развития, поскольку объемы финансирования, материального обеспечения образования во многом коррелируют с состоянием экономики. Так Соловьева Л.В. справедливо отмечает, что только должное состояние экономики обеспечит создание условий для профессиональной подготовки высококлассных специалистов в высокотехнологичных и наукоемких отраслях производства [9]. К основным рискам для развития российского образования, связанным с недостаточным финансированием следует отнести как снижение качества кадрового потенциала в связи с невысокими заработными платами в сфере образования.

Повышение качества образовательного процесса системно ограничивается отсутствием достаточного уровня обеспечения, а также ограниченным спросом на высококвалифицированных специалистов национальной экономикой.

Данные причины определяются в первую очередь ограничениями в удовлетворении потребностей национальной экономики в инновационном развитии. Все это определено отсутствием принятых на уровне государства стратегического плана развития человеческих ресурсов, научного и технического потенциала.

Усиление мировой конкуренции приводит к тому, что только инновации являются источником конкурентоспособности за счет реализации товаров с более высокой прибавочной стоимостью [3]. На базе исследования теории экономики образования и концепции человеческого капитала определяется что именно инвестиции в развитие профессиональных навыков являются основой экономического развития. Механизм реализации данного подхода следующий: инвестиции в человеческий капитал определяют повышение квалификации, в том числе, увеличение производительности труда, что в итоге приводит к повышению экономической производительности производства.

Результативность инвестиций в человеческий капитал определяется взаимозависимостью между технологическим развитием и рынком труда. При этом, данные темпы данного процесса должна осуществляться быстрее, чем увеличение физического капитала. При этом объем инвестиций должен определяться целями, осо-

бенностями реализации образовательного процесса, а также территориальными факторами образовательного учреждения. Однако современное финансирование образования не основано на положениях данной теории, а также данных международных эмпирических исследований, что приводит к негативным последствиям в части приращения человеческого капитала и становится угрозой безопасности образовательного пространства [5].

Трансформация приоритетов государственной политики части развития человеческого капитала является ключевым направлением решения структурных проблем российской экономики, а также источником сохранения национальной безопасности.

Расширение возможностей государства по отношению к финансированию образования является ключевой задачей определения долгосрочных целей развития образования, которые должны проявляться в определении долгосрочных целей, нормативно определенных стратегий развития, многократное увеличение инвестиций в сферы деятельности реального сектора экономики, определяет возможности внедрения инновационных технологий, создания условий конвергенции достижения фундаментальной науки и бизнеса [10].

Особое внимание выделяется аксиологической составляющей образования в контексте обеспечения духовной безопасности образовательного пространства. С.Н. Климов под явлением «духовная безопасность» трактует «состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития» [6]. И справедливо отмечает, что является проблемой воспитания молодежи является не менее значимой задачей развития образования является не только приобретение профессиональных компетенций, но и получение национально ориентированного воспитания, включающего в себя такие качества как патриотизм.

Конечно, глобализация, является процессом объективным, изначально никем не заданным, не обладающим нравственной составляющей.

При этом, глобализация как процесс навязывается последовательной экспансией транснациональных компаний и выражается посредством распространения либеральных идей с целью достижения собственных геополитических целей [4]. Создание мирового рынка образования, структура которого определяется транснациональным капиталом, возможности совмещения систем образования и предпринимательства, приводят в переосмыслению роли национальных образовательных систем [7].

В итоге, российское образование стало обновляться на международных стандартах, в том числе в части технологического и дидактического обеспечения образовательного процесса, что не стало причиной повышения благосостояния населения.

Инновационные коммуникативные технологии, применение которых в результате повсеместного развития стали проникать в национальные образовательные системы, а также оказывать воздействие на политические и культурные подсистемы общества. Данные процессы стали причиной усиления процессов интенсификации образования, в том числе посредством методологии дистанционного образования.

Данные процессы усиливают возможности манипуляции социальных процессов, в том числе воздействия на отдельные социальные группы и национальные и региональные элиты, а в итоге, к результативности получения профессиональных компетенций и навыков.

Данные технологии являются инструментом получения геополитических целей посредством распространения определенных ценностей.

По мнению автора, трансформация данных ценностей должна осуществляться в результате перехода к многополярному устройству мировой политической системы, возобновления процессов диалога культур на условиях равноправного партнерства, восстановление структуры национальной образовательной системы, ограничение применения современных информационно-коммуникационных технологий, применение масс медиа для воспитания национальной гордости и патриотизма у молодежи [11].

В то же время, в настоящее время в системе государственного управления формируется новое представление о возможностях сохранения культурной идентичности народов России, их языковых особенностей, духовности, культур-

ных ландшафтов, а также о том что применяемые для этого инструменты должны быть пересмотрены. При этом именно сфера духовности должна особенно охраняться государством, так как предполагает наличие особой охраны государства [2].

Направленность трансформации образования предполагает, что кроме экономического и военного могущества страны происходит трансформация национальной идеи под воздействием негативных социальных процессов, посредством воздействия инструментов «мягкой силы», основанной на инновационных политических технологиях.

Нейболее значимым положением цивилизационной геополитики является сокращения значимости всех традиционных источников могущества государства – политического, экономического и военного влияния, и повышения значения для обеспечения безопасности сохранения культурного и образовательного пространства, в том числе в аспекте кибербезопасности.

По мнению автора, трансформация геополитических приоритетов, в результате которой ключевым ресурсом государства является проявление силовых методов разрешения любых спорных ситуаций в направлении воздействия посредством пропаганды идеологии посредством инструментов социальной психологии. Все это существенно повышает значимость воспитания национального мировоззрения в рамках системы образования.

При этом с позиции социальной философии концепция безопасности образовательного пространства соответствует идеям концепции цивилизационной геополитики, что позволяет анализировать особенности конвергенции национальных образовательных систем, в том числе связанных с воздействием распространённых в мировой практике моделей.

Российская образовательная политика определяется социокультурными факторами. При ее реализации не ставится цель внедрения традиционных для российского образования ценностей в другие культурные ландшафты. В то же время, российское образование должно быть защищено от внедрения неадаптированных к социальным условиям.

Между тем, в условиях современной геополитической ситуации необходимо активно про-

тивдействовать деструктивным тенденциям, манипуляциям, негативному воздействию на духовную и культурную идентичность народов России [5].

М.М. Скибицкий исследует проблемы переосмысления ключевых нравственных ценностей российского общества в условиях усиления процессов глобализации. Он определяет потребность создания совокупности гуманистических ценностей патриотической идеологии, социального идеала, национальной идеи как ядра идентичности россиян [8].

Потеря нравственных ориентиров, которые произошли с начала 2000-х стало причиной проблем создания национальной идентичности, способности продуцировать и передавать культурные ценности, привело к усилению разрыва между поколениями. Эти проблемы в условиях современной геополитической ситуации только обостряются.

Значительное количество исследователей разделяют мнение о том, что угрозы как национальной и образовательной безопасности России в духовной сфере связаны со сменой традиционных ценностей и нарушением национальной идентификации. В этих условиях наиболее негативно влияет отсутствие системной парадигмы развития общества и его образовательной системы в рамках гуманистической парадигмы.

Психология социальных групп также является объектом защиты от негативного воздействия, которое может проявляться в таких факторах как индивидуализация общества, трансформация нравственных ценностей [1].

Следовательно, образование необходимо рассматриваться как значимый элемент социальной жизни общества, в том числе трансформация парадигмы образования должна основываться на «освобождении» национальной образовательной систем из-под внешнего воздействия, усиление процессов гуманизации, создания новой методологии воспитания в системе образования и изменения общественного восприятия данного института как сферы услуг.

Ключевая задача государственного управления заключается в обеспечении образовательного пространства. Необходимый уровень безопасности образовательного пространства возникает в условиях, когда образование определяется ориентацией на национальные ценно-

сти и гуманизацией образования, применяет инновационные технологии, позволяет обеспечить качество образовательного процесса и распространить его на всех обучающихся, позволяет решить социальные проблемы общества. Решение данной проблемы невозможно без ориентации на формирование в выпускниках человека, ориентированного на ценности образования, а не потребления.

Уровень образования каждого отдельного человека, сформированность его профессиональных навыков и интеллектуальный потенциал, по мнению автора, является фактором интенсификации инновационного развития России, позволяет сохранить и укрепить национальную безопасность. Следовательно, образование может служить источником развития социального характера общества, сокращения экономического неравенства и формирования новой элиты, ориентированной на ценности патриотизма.

Литература

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. №7 (62).
2. Валитов О.К. Влияние СМИ на духовную безопасность населения в России и в странах Азии // Вестник Башкирск. ун-та. 2017. №3
3. Головчин М.А., Соловьева Т.С. Роль системы образования в социально-экономическом развитии территорий // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70)
4. Камашев С. В. Глобализация и развитие отечественного образования // Философия образования. – 2007. – № 2 (19). – С. 60–68.
5. Камашев С.В. Безопасность российского образовательного пространства: формирование современной социально-философской концепции // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, 09.00.11 – социальная философия. Красноярск, 2017
6. Климов Сергей Николаевич, Сысоев Юрий Васильевич Проблемы образования в контексте духовной безопасности современной России // ИСОМ. 2018. №1.
7. Руденко В.А. Глобализация образования и проблема сохранения ценностей национальной культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. №6.
8. Скибицкий М.М. Глобализация и задачи обновления духовных ценностей российского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №1 (17).
9. Соколов Ю. И. Воспроизводство основного капитала в условиях глобализации мирового хозяйства и конкурентоспособность экономики России // Современная конкуренция. 2008. №1.
10. Соловьева Л.В., Соловьева В.И. Образование как фактор социально-экономического развития России и ее регионов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2016. №23 (244).
11. Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В. От национальной идентичности к военной и информационной безопасности: эволюция войны и многообразие ее форм в условиях духовной деволуции современного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015.
12. Янковская В.В. Свойства и основной принцип формирования профессионально-педагогического потенциала // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 741-745.

Понятие цифрового здравоохранения в российском обществе: предпосылки и актуальные проблемы

Месропян М.Г.

Сфера здравоохранения во всем мире меняется быстрыми темпами. Одним из факторов, влияющих на это изменение, является резкое изменение в поведении потребителей. С помощью телемедицины отрасль здравоохранения может лучше взаимодействовать с пациентами в режиме реального времени и, таким образом, адаптироваться к новому поведению и обслуживать своих пациентов используя качественную помощь. Телемедицина - это предоставление высококачественных видео встреч в режиме реального времени между пациентами и провайдером, обеспечивающих уход в любое время, в любом месте и на любом устройстве.

Ключевые слова: демографическое развитие; поведение потребителей; цифровое здравоохранение; телемедицина; цифровая экономика

Mesropyan M.G.

The concept of digital health in Russian society: background and actual problems

The healthcare industry is changing rapidly. One of the factors influencing this change is a sharp change in consumer behavior. With telemedicine, the healthcare industry can better interact with patients in real time and thus adapt to new behaviors and serve their patients using quality care. Telemedicine is the provision of high-quality video meetings in real time between patients and providers, providing care at any time, anywhere and on any device.

Key words: demographic development; consumer behavior; digital healthcare; telemedicine; digital economy

В 2017 году Указом Президента № 203 была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в которой цифровая экономика определяется как «деятельность, в которой ключевыми факторами в производстве являются данные в цифровой форме, обработка больших объемов и использование результатов анализа, которые по сравнению с традиционными формами управления могут значительно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Также определены несколько областей работы на период до 2025 года, одним из которых является цифровое здравоохранение - использование информационных и коммуникационных технологий для решения вопросов здравоохранения. В последние годы технологии телемедицины (ТМТ), которые понимаются как дистанционное развитие медицинской, консультативно-диагностической и методической помощи, а также дистанционная подготовка медицинских специалистов, получили значительное развитие и активное использование в практике мирового здравоохранения. [8]

«Цифровизация» является одной из ведущих тенденций в современном здравоохранении во всем мире, необходимость которой основана на «моральном устаревании» систем здравоохранения, сформированных в прошлом веке в соответствующих социально-экономических и технологических условиях, в отсутствие высокоэффективной медицинской помощи и дистанционного управления. В связи с этим Организация Объединенных Наций включила раздел «Цифровое здравоохранение» в «Декларацию о целях в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия», которая значительно расширит возможности для всеобщего охвата услугами здравоохранения (ВОУЗ), который, согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), стремится обеспечить, чтобы все люди получали качественные медицинские услуги в нужном месте

и в нужное время без финансовых трудностей, связанных с этим, когда возникает необходимость выбора между получением медицинских услуг и удовлетворением других основных потребностей. ВОУЗ предполагает ориентацию систем здравоохранения на людей, а не на болезни; предоставление необходимой помощи в нужном месте и в нужное время; низкий уровень оплаты медицинских услуг, что не приводит к обнищанию пациентов; отсутствие необходимости выбирать между получением медицинских услуг и удовлетворением других основных потребностей [14]. ВОУЗ имеет большое значение для эффективности национальной экономики, социальной стабильности и благосостояния, безопасности и индивидуальной производительности [12] для которых доля платежей, осуществляемых пациентами за их счет не должна превышать 15% от общих расходов на здравоохранение [13].

Эволюция дистанционной доставки медицинской помощи и услуг основана на прогрессе телекоммуникаций. В то же время в каждый период времени самые современные и передовые технологии использовались для целей телемедицины. В определенные периоды телемедицина стала мощным средством приобретения принципиально новых массивов медицинских знаний (например, как в случае радиотелеметрии). Независимо от эволюции систем и моделей здравоохранения, доступность и своевременность медицинской помощи (как первичной, так и специализированной) оставалась чрезвычайно актуальной проблемой. Однако отношение к нему прогрессировало довольно четко: осознание существования проблемы было заменено целевыми моделями (например, центрами морской радиомедицины, санитарной авиации), а те, в свою очередь, превратились в полноценные сети телемедицины, которые решают проблемы, как клиничко-организационные, так и образовательные. Медицинская наука развивалась вместе с практическим здравоохранением: актуальные задачи и насущные потребности физиологии, аэрокосмической и спортивной медицины буквально заставили создавать новые методы научного познания, основанные на телекоммуникациях. Таким образом, периодизация телемедицины следующая [1]:

• 1850–1920 годы - ранний экспериментальный период: единичные эксперименты по передаче медицинской информации через те-

лекоммуникации, первые шаги по интеграции диагностических приборов и средств связи, эпизоды телеграфной связи в военной медицине и в чрезвычайных ситуациях;

• 1921–1954 гг. - период первичной классификации: крупные эффективные телемедицинские сети на основе радиосвязи, являющиеся основным инструментом медицинской помощи экипажам морских судов и населению изолированных территорий (совместно с санитарной авиацией), эксперименты на передача биологической информации по каналам связи, передача видео;

• 1955–1979 гг. - период масштабного применения: расцвет крупных эффективных телемедицинских сетей на основе интерактивной видеоконференцсвязи и транстелефонной электрокардиографии (в том числе с автоматизированным переводом); революция знаний в физиологии благодаря широкому внедрению инструментов биорадиотелеметрии; формирование мобильной телемедицины на основе спутниковой связи; научные исследования в области эффективности с последующей разработкой концепции и методологии телемедицины;

• с 1981 г. по настоящее время - период смены технологий и постепенного перехода к современной клинической телемедицине: модернизация методологии на фоне персонализации компьютерной техники, развитие Интернета, появление цифровой диагностики.

В 1997 году был создан Фонд телемедицины и разработан проект программы телемедицины, утвержденный Министерством здравоохранения Российской Федерации и Министерством науки Российской Федерации. В 2012 году около 600 000 автоматизированных рабочих мест для медицинского персонала были подключены к Единой государственной информационной системе здравоохранения (ЕГИСЗ), а количество оборудования, позволяющего проводить сеансы видеоконференций, увеличилось с 887 единиц в 2009 году до более 4000 в 2012 году. [3].

По данным ВОЗ, успех развития телемедицины зависит, прежде всего, от уровня экономического развития: подавляющее большинство существующих телемедицинских услуг представляется в странах с самым высоким доходом [7]. В большинстве экономически развитых стран, как правило, достаточно развита техно-

логия и информационно-коммуникационная инфраструктура, свобода в распределении ресурсов в системе здравоохранения, а также более широкая поддержка в проведении экспериментов и исследованиях новых подходов к здравоохранению. Это создает потенциал для более формализованной и систематической разработки и внедрения телемедицинских решений. Инициативы в области телемедицины в странах с низким уровнем дохода являются неформальными, не являются частью структурированной программы телемедицины, но остаются частью случайной удаленной связи между местными специалистами и медицинскими консультативными учреждениями. В 2000-2014 гг. Произошло снижение доли государственных средств в финансировании сектора здравоохранения, что ограничивает доступ к медицинской помощи для людей с низким и средним уровнем дохода [9].

Несмотря на активное самосохранительное поведение населения всех возрастов, то есть интерес к сохранению и улучшению здоровья, возможности удаленного здравоохранения неоднозначно воспринимаются россиянами - по данным ResearchMe, даже среди «продвинутых» пользователей Интернета в возрасте от 25–34 лет, каждый второй респондент скептически относится к телемедицине, в основном из-за неточных данных, возможности утечки личной информации и квалификации врачей, работающих удаленно. Хотя в 2017 году был принят закон РФ об услугах телемедицины, об этом знают только 7% респондентов, 36% «что-то слышали», а остальные ничего не знают об этом. Только 57% из тех, кто знаком с регулированием деятельности в области телемедицины, согласились на дистанционную консультацию с врачом [в видеоформатах (42%), по телефону (26%), курьером (21%)]; в основном женщины старше 45 лет [4].

Профессиональное медицинское сообщество также неоднозначно относится к цифровому здравоохранению: некоторые считают, что дистанционная поддержка пациентов «увеличит количество медицинских ошибок», другие - что «помогут в своевременной диагностике в сложных клинических случаях и предоставят большие возможности для МР-изображений», КТ и морфологические исследования позволяют сделать качественные выводы и выявят экономи-

ческий эффект». Это было продемонстрировано социологическим опросом, проведенным в 2017 году среди 1024 практикующих врачей и 101 организатором здравоохранения из всех регионов Российской Федерации [2]. 89,0% из них знали, что такое телемедицина, и врачи были готовы посвятить 19,0% своего рабочего времени сопровождению пациентов с помощью телемедицины, хотя они полагали, что врачи общей практики будут востребованы в телемедицине - 60%, кардиологи - 53%, терапевты - 51%, педиатры - 46%, гинекологи - 19%, медсестры - 9%. Среди практикующих врачей 79% уже имели опыт удаленного общения с пациентами (через «Skype», электронную почту или телефон). Подписчиками медицинских работников были: пациенты, известные врачу - 75%, уже известные пациенты, находящиеся вдали - 52%, личные знакомые респондентов - 65%, знакомые уже известных пациентов - 34%, неизвестные врачу люди - 23%, родственники этого доктора - 3%. 55,0% врачей готовы начать дистанционное консультирование пациентов (в текстовом чате или видео), если клиника оснащена специальным оборудованием для удаленного общения, однако попытки внедрить инструменты для дистанционного общения с пациентами были предприняты только в 56% частных клиник и только в 20% государственных медицинских организаций. 56% руководителей здравоохранения считают, что стоимость консультации по телемедицине должна быть ниже стоимости госпитализации, 37% - аналогично стоимости консультации в клинике, 7% - выше.

45% медицинских организаций имеют электронную карту пациента (ЭКП), 25% учреждений не имеют медицинской информационной системы (МИС). Средняя оценка врачей о том, насколько им удобно работать в МИС, составляет 4,43 из 10. Половина врачей и 3/4 руководителей здравоохранения считают, что пациенту необходим личный аккаунт на веб-сайте клиники или в мобильном приложении, но только 45% представителей медицинского сообщества считают, что информация из ЕСР должна дублироваться в учетной записи пациента: не должно быть информации «о диагнозах и объективном статусе пациента, поскольку пациенты часто неправильно понимают медицинские термины и пугаются», «результаты лабораторных анализов на ВИЧ до консультаций после тестирования», не должно быть

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: с какими трудностями вы столкнулись при использовании услуги «Запись на прием к врачу в цифровой форме»? (%)

Источник. Рассчитано на основе данных из: [5]

Вопрос	Доля
1. Отсутствие актуальных графиков работы медицинских учреждений	18,4
2. Отказ в приеме	16,6
3. Проблемы в работе порталов / систем записи на прием к врачу	31,2
4. Проблемы в работе портала gosuslugi.ru	9,9
5. Другое	14,9
6. Я не столкнулся с трудностями	9,0
Всего	100

такой информации, как: «предварительные диагнозы»; «Информация, которая может психологически «травмировать» пациента», «непонятные термины могут спровоцировать ятрогению», «психический статус пациента», «информация, касающаяся ЗППП, психиатрии, онкологии и т.д.», «Связанная с летальным исходом», «информация должна передаваться по усмотрению врача», «должна передаваться информация, которую хочет пациент». Информирование пациентов до их приема администраторами по телефону практикуется в 33% медицинских организаций, в 8% - с помощью SMS-сообщений, но каждая третья клиника вообще не напоминает пациентам о поступлении, а 89% используют ИТ и телекоммуникации для оценки уровня удовлетворенность пациентов (посредством опросов, обзоров и т.д.).

Согласно Обзору медицинского сообщества по цифровой медицине и автоматизации клиники за 2017 год, 14% представителей медицинского сообщества носят устройства для мониторинга здоровья, например, «умные» часы, фитнес-браслеты, поскольку это мотивирует - 64%, стоит попробовать такие вещи, как специалисты - 49%, это будущее - 39%, нравится быть в тренде - 13%. В то же время, 41% врачей считают, что данные с носимых устройств могут помочь в принятии медицинских решений, если человек носит их вне клиники, 23% считают, что только измерение физиологических параметров самим врачом поможет принимать решения, и 20% респондентов уверены, что такие данные могут помочь только при наличии у устройства свидетельства о государственной регистрации. Значительное количество (17%) респондентов считают, что результаты измерений с носимых устройств не помогут принимать медицинские решения [11].

Одной из задач государственной программы развития здравоохранения Российской Федерации на 2013-2020 годы является создание Единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ), компонентом которой является услуга «Запись на прием к врачу в цифровом виде», что позволяет, в частности, сократить очереди в поликлиниках. Чтобы выяснить, с какими трудностями сталкиваются пациенты при использовании этой услуги, Министерство здравоохранения Российской Федерации запустило интернет-опрос 21 ноября 2013 года, на который ответили 6359 человек. (см. Таблица 1).

Как показал опрос, абсолютное большинство респондентов (91%) столкнулись с проблемами при использовании одной из самых простых, но в то же время самых необходимых услуг. Только каждый десятый пациент, которому нужна полная медицинская консультация, мог получить ее без помех, и более 40% (31,2% + 9,9%) заявителей не смогли этого сделать из-за проблем с инфраструктурой, то есть нестабильности интернет-порталов. Таким образом, задача становится институциональной, поскольку доступность социального интернета определяется государством.

Еще одной институциональной проблемой ЕГИСЗ является нормативно-правовая база для телемедицинской деятельности, которая находится в процессе формирования. В частности, это относится к понятию «информированное добровольное согласие» (ИДС), которое в соответствии со ст. 20 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является необходимой предпосылкой медицинского вмешательства [6], Телемедицинские услуги являются от-

носителем новым классом услуг, их специфика заключается в сочетании медицинских, информационных и телекоммуникационных технологий.

Телемедицинские услуги являются относительно новым классом услуг, их специфика заключается в сочетании медицинских, информационных и телекоммуникационных технологий. Соглашение о телеконсультации предусматривает, что пациент получил всю необходимую информацию и пояснения по поводу предмета телеконсультации; форма согласия должна быть подписана пациентом и документально подтверждена лицом, к которому они обратились за помощью в истории болезни; согласие и цель, для которой оно было получено, должны быть сообщены консультанту, который должен выяснить правильную информацию о пациенте и его согласии; пациент должен быть проинформирован о типичных рисках (например, незаконный доступ к данным пациента и их дальнейшая неконтролируемая передача, прерывание передачи данных из-за технических проблем из-за неисправности оборудования, помех во время передачи данных или прерывания спутникового вещания и т.д.). В этом случае результат телеконсультации выходит за рамки транзакции, т.е. ее достижение является вероятностным и зависит от многих факторов, поэтому в ИДС следует выделить возможные варианты результатов консультации.

Заключение

Основным принципом политики ВОЗ «Здоровье-2020» является снижение неравенства в сфере здравоохранения среди населения, а также важность более широкого вовлечения людей в медико-санитарную деятельность [10]. Это соответствует стратегическим целям демографического развития России, реализация которых возможна, отчасти, благодаря наличию многообещающих ресурсов для включения цифрового здравоохранения в самосохранительное поведение российских граждан. Цифровое здравоохранение может улучшить как медицинскую помощь, предоставляемую населению бесплатно через обязательное медицинское страхование, так и расширить спектр медицинских услуг, обычно связанных со здоровым образом жизни, оплачиваемых населением самостоятельно. При нынешнем уровне развития цифрового здравоохранения разрыв между потребностями

населения в сохранении и улучшении здоровья не уменьшается. Существует растущая потребность в медицинских услугах, а также в возможностях цифрового здравоохранения, но потребности превышают возможности. При формировании самосохранительного поведения население учитывает потенциал цифрового здравоохранения, но его использование зависит от индивидуальных доходов потребителей. Эффективность цифрового здравоохранения при оказании медицинской помощи определяется в первую очередь институциональными характеристиками, коммуникационной инфраструктурой и бюджетным финансированием, а при предоставлении медицинских услуг - личными доходами населения. Возможности цифрового здравоохранения позволяют учитывать гендерные факторы, специфику заболеваемости, облегчают доступность современных технологий для сохранения здоровья, однако степень его развития и, следовательно, включение в самосохранительное поведение населения во многом зависит от общей перспективы цифровой экономики.

Литература

1. Владимировский А.В. 2011, Телемедицина [монография], Донецк: ООО «Цифровая типография», стр. 13-20
2. Кубрик Я.Ю. 2017. Информированность медицинского сообщества о цифровой медицине; Журнал телемедицины и электронного здравоохранения Ссылка: <http://jtelemed.ru/article/informirovannost-medicinskogo-soobshhestva-o-cifrovoj-medicine>
3. Леванов В.М., Переведенцев О.В., Сергеев Д.В., Никольский А.В. 2017 Нормативное обеспечение телемедицины: 20 лет развития; Журнал телемедицины и электронного здравоохранения Ссылка: <http://jtelemed.ru/article/normativnoe-obespechenie-telemeditsiny-20-let-razvitiya>
4. Мингалиева Д. 2017. Исследование: аборт с помощью телемедицины безопасен; Ссылка: https://medportal.ru/mednovosti/news/2017/05/17/582abort_telemedicine/
5. Министерство здравоохранения РФ; Опросы: Ссылка: <https://www.rosminzdrav.ru/polls/1-s-kakimi-trudnostyami-vy-stolknulis-pri-ispolzovanii-servisa-zapis-na-priem-k-vrachu-v-elektronnom-vide?display=true>

6. Министерство здравоохранения РФ; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”; Ссылка: <https://www.rosminzdrav.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g>

7. Телемедицина: Возможности и развитие в государствах-членах; Доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения; Ссылка: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/87687/9789244564141_rus.pdf

8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы Ссылка: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 05.08.2019)

9. Barroy H., Vaughan K, Tapsoba Y., Dale E., Van de Maele N. 2017. Towards UHC: thinking public. Overview of trends in public expenditure on health (2000-2014). World Health Organization. Geneva. Ссылка: <http://www.who.int/iris/bitstream/10665/255782/1/9789241512428-eng.pdf>

10. Engagement and participation for health equity. Reducing health inequities: perspectives for policy-makers and planners. 2017. WHO Regional Office for Europe. Copenhagen. Ссылка: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/353066/Engagement-and-Participation-HealthEquity.pdf

11. ONDOC. 2017. Опрос медицинского сообщества по цифровой медицине и автоматизации клиник; Ссылка: <http://www.armit.ru/review/ondoc-research-digital-health-2017.pdf>

12. Together on the road to universal health coverage. A call to action. 2017. World Health Organization. Geneva

13. Tracking Universal Health Coverage: 2017 Global Monitoring Report. World Health Organization, World Bank. Available at: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017/half-lacks-access/en>

14. World Health Day – April 7, 2018. Ссылка: <http://www.euro.who.int/en/mediacentre/events/events/2018/04/world-health-day-2018-health-for-all/background> (дата обращения 05.08.2019)

Исследование религиозной идентичности студентов мегаполиса в контексте христианских ценностей

Кузьмичева А.А., Пономарева Д.И.

В статье изложены результаты пилотажного исследования особенностей восприятия христианских ценностей современными молодыми людьми, имеющими статус студентов технического университета. Актуальность данной научной работы обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью проблемы религиозного влияния на современную студенческую молодежь, а с другой стороны, объективной потребностью теоретического обоснования религиозности с философско-психологических позиций. В настоящей работе приводятся данные выявленной взаимосвязи индивидуального стиля религиозности и личностных качеств студентов мегаполиса. Была подтверждена гипотеза о том, что субъективная оценка уровня религиозности самими студентами может не совпадать с индивидуальным стилем религиозности обучающихся, определяемым объективным способом.

Ключевые слова: нравственность, христианские ценности, студенты, религиозность, религиозная идентичность, духовность, самосознание личности.

Kuzmicheva A.A., Ponomareva D.I.

The study of the religious identity of students of the megapolis in the context of Christian values

The article presents the results of a pilot study of the features of the perception of Christian values by modern young people who have the status of students of a technical University. The relevance of this research work is due, on the one hand, to the lack of study of the problem of religious influence on the modern student youth, and on the other hand, the objective need for theoretical justification of religiosity from philosophical and psychological positions. This paper presents the data of the identified relationship between the individual style of religiosity and personal qualities of students of the metropolis. It was confirmed the hypothesis that the subjective assessment of the level of religiosity by the students themselves does not coincide with the individual style of religiosity of students determined by the objective method.

Keywords: morality, Christian values, students of the megapolis, religiosity, religious identity, spirituality, self-identity.

Проблематика религиозности в современном мире обширна и многогранна. В большинстве европейских стран христианские ценности являются фундаментальным мировоззренческим основанием цикла социально-гуманитарных дисциплин. Изучение религиозной идентичности находится в поле зрения зарубежных и отечественных исследователей в области философии, социологии и психологии религии. В последнее десятилетие можно наблюдать резкое возрастание интереса специалистов к изучению проявлений феномена религиозности в социальном поведении. Отметим, что психология религии как отдельная область исследований, возникшая на рубеже XIX–XX вв., в настоящее время приобретает не только научную, но и новую социо-гуманитарную значимость [1; 2; 10; 19]. Так, в течение трех последних десятилетий было издано большое количество обстоятельных качественных монографий и хрестоматий, посвященных данной проблематике [3; 5; 16; 17]. Пилотажные и комплексные исследования регулярно публикуются в специализированных авторитетных журналах («The International Journal for Psychology of Religion»; «Religion»; «Journal of Social Issues» и др.). К настоящему времени в этой области собран интересный эмпирический материал, посвященный изучению влияния религии на психологическое благополучие, способность справляться со стрессом, мотивацию и эмоции, семейные отношения, межкультурное взаимодействие, ментальное здоровье и клиническую практику [4; 6; 11]. Изучены особенности индивидуальных различий в степени безопасности привязанности для религиозного развития в подростковом возрасте: надежной привязанности к религиозным опекунам как основу религиозной стабильности («путь соответствия») и ненадежной - как основу регуляции страданий через религию («путь компенсации») [15]. Вместе с тем, на наш взгляд, проблема религиозного влияния на самосознание современной студенческой молодежи в условиях мегаполиса изучена еще недо-

статочно полно и представляет научный интерес с точки зрения социальной психологии и социологии личности [7; 8; 9].

В нашей стране на сегодняшний день реализуется концепция, направленная на повышение религиозной осведомленности в обществе с целью укрепления нравственных основ светского образования и воспитания. В частности, согласно распоряжению правительства РФ от 28 января 2012 г. № 84-р, утверждён план мероприятий по введению с 2012/13 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для образовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики». В Москве с 2010 года успешно реализуется проект строительства православных храмов модульного типа под рабочим названием «Программа-200», согласно которому выделяются земельные участки на территории города для строительства двухсот православных храмов в шаговой доступности. При этом в каждом построенном храме осуществляется образовательная деятельность в форме воскресной школы, открыты молодёжные центры, отделы социальной помощи населению и приюты. Всё вышесказанное ставит перед исследователями задачу объективно оценить религиозное (и прежде всего, христианское) влияние на личность молодых людей, проживающих в условиях мегаполиса, изучить феномен религиозности в образовательной среде.

Религиозность и духовность - разные термины. Религия семантически более близка по отношению к духовности, существуя в форме социального института, но при этом не охватывает все многообразие духовной сферы человека [13; 18]. Религия наделяет идеологическим контекстом духовные стремления человека, обличает в конкретную форму его состояния, сознание и поведение, устанавливает пределы человеческих возможностей. Религиям как системам духовного воспитания присущи свои образцы личности - модификации примеров эталонного поведения, которые опираются на предположение, что это в прошлом - реально существовавшие люди (пророки, мессии, святые мученики) и служат ориентиром для формирования религиозности как личностной характеристики. Данные образцы наделяются субъектностью, им приписываются конкретные личностные черты, индивидуальность поведения и мыш-

ления. Набор личностных характеристик религиозного образца зависит от того, какая идеология подкрепляет конкретную религиозную догматику и практику. Итак, под *религиозностью* мы будем понимать совокупность специфических личностных качеств и характеристик, которые формируются в рамках определенных религиозных систем. Религиозность в данном случае выступает как уникальное качество, формируемое в соответствующей деятельности. Синонимом религиозности является термин «набожность», который обозначает истинную внутреннюю убежденность в существовании Творца и предполагает неукоснительное следование всем христианским нормам и предписаниям. Религиозность формируется в процессе социально-психологической адаптации субъекта к конкретной религиозной системе, а следовательно, к определённому идеалу и модификациям поведения. Процесс формирования религиозности - это стремление адепта к нравственному идеалу, а также модификации образцовой личности в конкретной религиозной системе путем приобщения человека к проявлению его индивидуальной и социальной активности в духовной сфере [12; 14].

Стратегическая цель исследования заключалась в выявлении взаимосвязи религиозной идентичности (как компонента индивидуального стиля религиозности) и личностных характеристик обучающихся (студентов инженерных специальностей). Участниками эксперимента стали 50 человек, относящих себя к христианскому вероисповеданию - из них 28 респондентов мужского и 22 респондента женского пола в возрасте 19-20 лет. В исследовании принимали участие студенты двух технических факультетов Московского авиационного института. Проверка экспериментальной гипотезы осуществлялась с помощью следующих методов: методики определения индивидуального стиля религиозности ТОР (автор Ю.В.Щербатых); методики субъективного определения уровня религиозности И.С.Шемет (УСР); математико-статистических методов обработки данных. Оценка степени связи определялась по характеристике корреляционной связи с применением коэффициента корреляции Пирсона.

На первом этапе респондентам было предложено заполнить анкету определения уровня индивидуальной религиозности ТОР (по мето-

дике Ю.В.Щербатых), которая включает в себя 40 вопросов, касающихся социально-психологических и философских аспектов отношения к вере. Все вопросы сгруппированы в 8 категориальных субшкал. По результатам данной методики средний балл по всем группам респондентов составил 7 (по шкале от 0 до 10), что соответствует среднему значению индивидуального уровня религиозности (согласно методике Ю.В.Щербатых). Это обстоятельство позволило сделать предварительное предположение о том, что респонденты находятся под умеренным религиозным влиянием, что дало возможность приступить ко второму этапу проведения исследования.

Описание субшкал опросника TOP. Первая субшкала опросника TOP отражает гносеологическую суть религиозности и склонность к идеалистической философии («ФИЛ»); вторая направлена на выяснение субъективного отношения к магическим культам и ритуалам («МАГ»); третья субшкала определяет склонность личности искать в религии прежде всего поддержку и утешение («ПОД»), с помощью четвертой шкалы мы пытались выявить наличие внешних атрибутов религиозности («ВНЕ»); с помощью пятой субшкалы определялся интерес респондентов к так называемой «псевдонауке» — необъяснимым, странным и непостижимым с точки зрения атеистического мировосприятия явлениям, в трактовке которых вера играет значительно большую роль, чем знание («ПСН»). Шестая шкала выявляет тенденцию верить в единого Бога (Творца) и/или признавать существование высшей силы, создавшей мир («ВЫС»); с помощью седьмой субшкалы выяснялось наличие у респондентов религиозного самосознания, внутренней потребности в религиозном веровании («САМ»); с помощью восьмой субшкалы определялось отношение студентов к религии как образцу морально-нравственных нормативов и регуляторов поведения («МОР»).

Кроме основного теста TOP, испытуемые получали бланк уровня самооценки религиозности (УСР), с помощью которого они должны были определить свой индивидуальный уровень религиозности по десятибалльной шкале, где 1 балл соответствовал абсолютному атеизму, а 10 - искренней и глубокой вере в Бога.

Результаты проведенного исследования показали, что тест-опросник индивидуальной ре-

лигиозности (TOP) значимо коррелировал с уровнем религиозности, полученным путем самооценки ($r = 0,682$; $p < 0,01$). Однако вклад различных субшкал опросника TOP в интегральную картину индивидуальной религиозности оказался неодинаковым. Максимальную положительную корреляцию с общим индексом религиозности давали шкалы «ВНЕ» (0,682) и «САМ» (0,661). Таким образом, эти две субшкалы теста («ВНЕ» и «САМ») можно выделить в отдельный блок, поскольку их показатель выше 0,6.

Остальные субшкалы показали картину корреляционных связей меньше 0,6 и были также выделены в отдельную категорию. Очевидно, что у данной категории опрашиваемых значимыми являются внешние признаки религиозности и наличие религиозного самосознания, то есть внутренней потребности в религиозном веровании (наибольшие коэффициенты корреляции). Учитывая, что достоверность корреляции всех этих шкал была выше 0,01, можно предположить: внешние признаки религиозности, отражающие большей частью степень христианского конформизма обследуемых респондентов, оказались в приоритете их религиозной идентичности.

Несколько меньший вклад в общую картину религиозности респондентов вносили субшкалы «ПОД» (0,573) и «ВЫС» (0,541). Третья субшкала («ПОД») определяла тенденцию личности искать в религии поддержку и утешение. Шестая субшкала («ВЫС») определяла наличие тенденции верить в Творца и признавать существование высшей силы, создавшей мир; основу интегральной религиозности в исследуемой группе составили потребности в поддержке и утешении со стороны предполагаемых высших сил.

Обособленно, по результатам исследований, выделяются две шкалы — «МАГ» и «МОР» с коэффициентами корреляции по отношению к уровню религиозности соответственно 0,54 и 0,487. Их включение в общий опросник было обусловлено некоторыми стереотипами, до сих пор распространенными в нашей религиозоведческой литературе. Во-первых, большинство специалистов в области научного атеизма подчеркивали связь между религией и магией, зачастую обозначая последнюю как своеобразную форму предрелигии. Во-вторых, было интересно выяснить также, насколько прочно вера людей в различные чудесные и таинственные явления, относя-

щиеся к паранормальным фактам, связана с ортодоксальной христианской верой в Бога. Введение шкалы «МОР» (мораль) обусловлено тем, что современная молодежь в большинстве своем понимает важность моральных принципов в качестве векторов социального поведения в рамках христианской религии, но при этом не знает конкретного смыслового и содержательного наполнения этих принципов, в силу чего не готова следовать им на практике.

Сравнивая индекс самооценки религиозности с результатами опросника TOP, мы установили, что главную роль в структуре индивидуальной религиозности играет вера в наличие высшей силы, управляющей миром, а также осознанная потребность в религиозной вере (уровни корреляции шкал «ВЫС» и «САМ» с показателем УСП равен 0,65 при достоверности 0,01), затем идут шкалы «ПОД» ($r=0,60$), «ВНЕ» ($r=0,52$), «МОР» ($r=0,49$) и «ФИЛ» ($r=0,43$).

Итак, в результате обработки всех полученных данных, можно сделать следующие практические выводы по различию поведенческих характеристик внутри выборки респондентов:

1) студенты с высокой положительной корреляцией между уровнем индивидуальной религиозности (TOP) и уровнем религиозности, полученной путем самооценки, характеризуются сочетаниями следующих поведенческих стратегий: активно включены в религиозную деятельность; часто следуют предписаниям, традициям и нормам христианства; демонстрируют приверженность православию через внешнюю атрибутику (носят «Символ веры», соблюдают стиль одежды при посещении церкви и святых мест); постоянно коммуницируют с верующими родственниками и священнослужителями, осуществляют пожертвования в пользу церкви; имеют намерения в будущем приобщать своих детей к религии, соблюдают посты, полностью одобряют, восхваляют церковь, постоянно молятся дома, выполняют бесплатные работы для блага христианской общины. Важно отметить, что данные студенты не признаются перед товарищами о своей активности в духовной жизни, поскольку это не модно в студенческой среде.

2) студенты со средней степенью корреляции между уровнем индивидуальной религиозности (TOP) и уровнем религиозности, полученной путем самооценки, соответственно демонстрируют следующие модели поведения: прояв-

ляют умеренную активность в религиозной деятельности; посещение храмов, соблюдение обрядов и ритуалов носит нерегулярный, эпизодический характер; в данный момент не ориентированы на бескорыстное христианское служение, а также на активное приобщение своих потомков к религии; не соблюдают (или не строго соблюдают) посты, в своём окружении не имеют глубоко верующих людей; не приобщают никого к вере, высказывают нейтральное отношение к церкви. Внешние атрибуты христианства для них важнее с точки зрения имиджа, нежели внутренняя содержательная сторона религии.

3) студенты с низкой степенью корреляции между уровнем индивидуальной религиозности (TOP) и уровнем религиозности, полученной путем самооценки, характеризуются следующими поведенческими стратегиями: практически не включены в религиозную деятельность; не считают нужным и важным посещение храмов, участие в обрядах и церковных праздниках; не видят духовного смысла в соблюдении постов; не считают необходимым условием христианской идентичности чтение домашних молитв; не принимают участия в благотворительных акциях; как правило, данные студенты не были крещены, а крещенные - в обыденной жизни не приобщены к христианской общине, не намерены вставать на путь христианского служения, не имеют набожных родственников (или не хотят контактировать с ними); не работают в качестве волонтеров в христианских организациях; не разграничивают для себя понятия «вера» и «церковь», часто критикуют церковь как социальный институт.

Итак, мы получили экспериментальное подтверждение предположения о том, что специфической религиозного самосознания молодежи является неоднозначность принятия христианских ценностей в иерархии приоритетов при выборе стратегий социального поведения. Вместе с тем, не вызывает сомнений факт воздействия внешней атрибутики и внутренней содержательной сущности христианства на творческую активность личности в процессе духовно-нравственного совершенствования. Помимо мотивации профессиональной карьеры, личностной самореализации, самосознание молодежи включает в себя и духовные, нравственные базисные установки, позволяющие гармонизировать различные стороны жизни, передавать традиции воспитания следующим поколениям. Процесс формирования

ценностных ориентаций современной молодежи в духовной сфере зависит не только от официальной политики государства, но также от личностных особенностей, моделей поведения в образовательной среде и других социально-психологических факторов.

Христианские традиции и морально-нравственные принципы распространяются и утверждаются через многочисленные социальные институты (семьи, церкви, государства, системы начального, среднего и высшего образования и воспитания, научные и профессиональные организации и учреждения), через традиции национальной культуры. Субъективная оценка включенности личности в религию, в систему христианских ценностей складывается из параметров религиозной идентичности, проявляемой в различных областях человеческой деятельности: межличностном взаимодействии, профессиональных предпочтениях, семейных отношениях, участии в волонтерских организациях, социальном партнерстве.

Литература

1. Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сборник материалов Третьего конгресса российских исследователей религии (7-9.10.2016, Владимир, ВлГУ): в 6 т. - Владимир: Аркаим, 2016. Т. 1. - 242 с.
2. Баринаева С.Г. Христианские ценности в современном образовании// Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. - М.: МХПИ, 2018. - С.171-173.
3. Гуревич П. С. Религиоведение. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2016. - 573 с.
4. Двойнин А. М., Данилова Г. И. Психологическое исследование религиозности современной православной молодежи//Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. (Серия IV. Педагогика. Психология). 2012, 25(2). С.131-137.
5. Зенько Ю. М. Психология религии: Монография. 3-е изд., испр. и доп. - СПб.: Центр христианской психологии и антропологии, 2018. - 693 с.
6. Ицкович М.М., Ицкович Т.В. Христианские ценности в мировоззрении современного студенчества// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. №10(54). С.349 - 358.
7. Кузьмичева А.А. Проблема инновационной и научной деятельности студентов учреждения высшего образования//Социология. 2019. №1. С.221-228.
8. Кузьмичева А.А., Почестнев А.А. Проблема профессионального обучения сотрудников, работающих в высокотехнологичной отрасли// Транспортное дело в России. 2016. № 1 (122). С.49-53.
9. Пономарева Д.И., Пономарева Е.А. Мотивация профессионального самоопределения студентов технического вуза//Мотивация в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции. - М.: Интопринт, 2011. - С. 216-223.
10. Пономарева Е.А. Профессиональная психологическая компетентность педагогических кадров в сфере внутришкольного менеджмента// Психология образования: психологическое обеспечение "Новой школы". - М.: Федерация психологов образования России, 2010. - С. 47.
11. Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности//Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. № 2. С. 62-73.
12. Померанц Г. С., Миркина З. А. Великие религии мира. - 4-е изд., испр. - М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. - 206 с.
13. Яблоков И. Н. Социология религии. Теоретические проблемы. - М.: Макс Пресс, 2014. - 265 с.
14. Belzen J. Methodological concerns in the psychology of religion: Continuities, losses and transforming perspectives // Religion. 2005. 35. 3.- pp.137-165.
15. Bond M.H., Miu-Chi Lun V., Man Wai Li L. Religion and Life Satisfaction of Young Persons around the World// Values, religion and culture in adolescent development. - Publisher: Cambridge University Press, 2012. - pp.123 - 145.
16. Brown LB. Psychology of Religious Belief/ Religion Studies. 2008. 25. 4. -pp. 543-544.
17. Handbook of the psychology of religion and spirituality / edited by Raymond F. Paloutzian, Crystal L. Park. - New York: The Guilford Press, 2005. - 590 p.
18. Penelhum T. Religion after atheism// Religion Studies. 2013. 49. 2. -pp. 249-255.
19. Silberman I. Religion as system: Implications for the New Millennium // Journal of Social Issues. 2005. 61. 4. - pp.641-663.

Современные методы разрешения конфликтных ситуаций в современных компаниях

Чеберда М.А.

Данная статья посвящена рассмотрению современных методов разрешения конфликтов в компаниях в современных рыночных условиях хозяйствования. Автором отмечено, что необходимость управления конфликтами ставит перед руководителями предприятий вопросы решения возникающих проблем и налаживания диалога в коллективе. В то же время из-за обострения конфликтного взаимодействия можно наблюдать частичное отсутствие положительных взаимоотношений между работниками предприятия, растет эмоциональная и духовная дистанция между ними, снижается мотивация к трудовой деятельности. Также отмечается, что длительные, нерешенные конфликты негативно влияют на межличностные отношения, разрушают социально-психологический климат в среде предприятия, а неумение управлять конфликтами и находить оптимальные пути и способы их предупреждения и решения негативно сказывается на всех участниках трудового взаимодействия.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная ситуация, компания, решение, метод, персонал.

Chrberda M.A.

Innovative methods for resolution of conflict situations in modern companies
This article is devoted to the consideration of modern methods of conflict resolution in companies in modern market conditions of management. The author noted that the need for conflict management poses questions for managers of enterprises to solve emerging problems and foster dialogue in the team. At the same time, due to the exacerbation of the conflict response, one can observe a partial lack of positive relationships between the employees of the enterprise, the emotional and spiritual distance between them grows, the motivation to work decreases. It is also noted that long-term, unresolved conflicts adversely affect interpersonal relationships, destroy the socio-psychological climate in the enterprise, and the inability to manage conflicts and find the best ways and ways to prevent and address them adversely affects all participants of the labor interaction.

Keywords: conflict, conflict situation, company, decision, method, personnel.

Трансформация экономических отношений отражается в том числе на состоянии рынка труда, что приводит к развитию нового типа социальных взаимодействий внутри трудовых коллективов. Необходимость наиболее эффективного использования человеческого ресурса, наиболее значимым направлением развития инновационной экономики.

В современной компании постоянно происходят конфликты различной природы, особенно в случае, если организация активно развивается. Источником их возникновения являются различия в целях и ценностях.

С самых общих позиций категория конфликта - это наличие разногласий между двумя и более сторонами, в качестве которых могут выступать как организации, так и отдельные сотрудники. Под конфликтом так же следует понимать столкновение противоположно направленных тенденций в психике отдельной личности, в отношениях людей и их формальных и неформальных объединений, обусловленное различием взглядов, позиций и интересов.

Согласно самому общему подходу, конфликты можно классифицировать следующим образом по источнику возникновения как:

- внутриличностный;
- межличностный;
- между социальной группой и личностью;
- межгрупповой.

В работах Э. Мэйо, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс исследуется природа конфликта, где показано, что конфликты не характерны для человеческой природы. Противоположной позиции придерживались К. Маркс, М. Вебер, В. Парето, Р. Дарендорф, согласно их мнению конфликт является основой социальных изменений [1].

Одной из ключевых задач руководителя является постоянный контроль за конфликтами. Ведь 50% конфликтных ситуаций практически не имеют отношения к имеющимся проблемам и противоречиям в компании [2]. Однако именно они приводят к увеличению нагрузки и про-

тивдействию для положительного решения проблем и разногласий взглядов. Только в конфликтных ситуациях проверяются прочность управленческой команды, а также основные принципы корпоративной культуры компании, значимость как коллектива, так и руководителя. Вследствие конфликтов проявляется «искреннее лицо» каждого работника или группы социального типа [3].

Стратегически побеждает только такая организация, в которой конфликтные ситуации решают на спокойном и профессиональном уровне. В случае, если организация применяет в своей деятельности инновационные программы, управленческому персоналу необходимы знания и умения по технологиям управления и решения конфликтных ситуаций.

Согласно ряду исследований, наиболее распространенной формой проявления конфликтов является дезорганизация целевой группы. При данной ситуации происходит следующее: нормы и распространенные способы принятия управленческих решений в той или другой степени не соответствуют новым потребностям. Все более становится значимой проблема взаимоотношений сотрудников разных поколений [4].

Одним из примеров самых распространенных конфликтных ситуаций, характеризующиеся потребностями в изменениях, является конфликт между консерваторами и новаторами. По сути они представляют собой закономерное явление, так как все изменения в обществе осуществляются в результате проявления инициативы отдельных сотрудников, кем он является – инициатором или специалистом.

Существует две категории управления конфликтными ситуациями: структурная и межличностная. Мнение о том, что причиной конфликтной ситуации являются простые разногласия и несовместимости характеров, часто ошибочно. Конфликт представляет собой противоречия позиций сторон, в результате которого стороны стараются достигнуть распространения своих взглядов и помешать противной стороне достигнуть того же результата [5].

Каждой современной компании необходимо осуществлять управление развитием и решением конфликтных ситуаций. Стоит перманентно проводить диагностику динамики развития таких ситуаций и разрабатывать стратегию пошаговых действий для их решения.

Наиболее распространенными причинами возникновения конфликтов являются:

- ресурсы, которые находятся в совместном использовании;
- задачи, которые на уровне выполнения функций работников взаимосвязаны;
- восприятие ситуации или мнения, а именно различия в нем;
- поведение людей;
- плохие коммуникационные качества [6].

Для предотвращения конфликтных ситуаций и успешного их решения, в случае возникновения, необходимо соблюдать определенные рекомендации и советы, разработанные специально для таких ситуаций.

В современных условиях развития теории и практики менеджмента исследователи выделяют несколько направлений управления конфликтными ситуациями:

- философско-социологическое - теоретическое направление, охватывающее общие тенденции развития конфликтов на макроуровне;
- организационно-социологическое - в рамках которого изучают причины и динамику конфликтов в организации;
- индивидуально-психологическое - направлено на изучение психофизических особенностей и характеристик отдельных личностей, их поведения в условиях конфликта [7].

Внутри стратегий разрешения конфликтных ситуаций можно использовать разного вида технологии. Среди них наиболее часто используемыми являются переговоры и посредничество.

Переговоры между сторонами, попавшими в конфликт, предусматривают налаживание деятельности в русле урегулирования противоречий, возникших между социальными субъектами на почве взаимной зависимости и расхождения интересов.

Посредничество предполагает участие третьей незаинтересованной стороны. При этом выделяют три типа посредничества, такие как формальное (используется в решении трудовых споров), неформальное и общественное (используется общественными организациями). В посредничестве используют такие стратегии, как:

- «соглашение по принципу» - выделяется множество способов решений сторон, учитывая при этом границы будущего соглашения;
- «формирование блоков» - предполагает решение проблемы поэтапно [5].

Иногда на переговорах создаются своеобразные тупиковые ситуации, когда приходится применять сразу несколько стратегий для заключения взаимовыгодного соглашения.

Современная система управления конфликтами как сложный процесс включает такие виды деятельности, как:

- прогнозирование конфликтов и оценка их функциональной направленности;
- предупреждение или стимулирование конфликта;
- регулирование конфликта;
- решение конфликта [8].

Основным источником прогнозирования конфликтов является изучение объективных и субъективных условий и факторов взаимодействия между людьми (стиль управления, уровень социальной напряженности, психологический климат, лидерство и микрогруппы), а также их индивидуально-психологических особенностей. Особое место на этом этапе занимает анализ общих и частных причин конфликтов.

Предупредить конфликт можно следующими способами:

1. На основе данных прогнозирования начинается активная деятельность по нейтрализации действия всего комплекса детерминирующих его факторов (вынужденная форма предотвращения конфликта).

2. Конфликты могут предупреждаться на основе осуществления эффективного управления в целом.

Так, непосредственно регулирование конфликта является собой вид деятельности субъекта управления, направленный на ослабление и ограничение конфликта, обеспечения его развития в сторону разрешения. Здесь выделяют такие этапы, как:

- признание реальности конфликта;
- достижение согласия между сторонами по вопросам учета в конфликте установленных норм и правил конфликтного взаимодействия;
- создание групп, которые будут регулировать конфликтное взаимодействие [1].

К современным методам управления конфликтами на уровне организации можно отнести следующие:

1. Метод вмешательства третьей стороны. Сущность метода заключается в конструктивной беседе руководителя с конфликтующими сторонами и функциональное решение конфликтной ситуации.

ликтной ситуации.

2. Метод укрепления «корпоративной морали» и преодоления слабой дисциплины сотрудников, направленный на:

- обеспечение стабильности «рабочего потока» и эффективное управление производственным процессом;
- честную и конструктивную реакцию на жалобы и претензии сотрудников организации со стороны руководства;
- формирование поощрения «обратной связи»;
- создание эффективной и справедливой системы мотивации персонала организации; четкость поставленных задач перед работниками и сроков их выполнения;
- информирование подчиненных о запланированных или будущих изменениях в организации;
- готовность менеджмента организации помочь сотрудникам в решении производственных и личных проблем.

3. Метод «картографии конфликта», сущность которого заключается в заполнении «карты» конфликта. В «карте» конфликта указываются следующие моменты: проблема конфликта, стороны, вовлеченные в конфликтную ситуацию; определяются потребности участников конфликта.

4. Метод компромисса - частичное удовлетворение потребностей обеих сторон и взаимных уступок, что приведет к взаимному выигрышу.

5. Метод социометрии, заключающийся в изучении эмоциональных и психологических связей между конфликтующими сторонами.

Применение того или иного метода управления конфликтами в практической деятельности зависит от природы и особенностей конфликтной ситуации, но они должны базироваться на таких принципах как объективность, системность, достоверность, ответственность, экономичность.

Выделяют следующие инновационные технологии регулирования конфликта, как:

1. Информационная (ликвидация дефицита информации, устранение слухов).
2. Коммуникативная (организация общения).
3. Социально-психологическая (работа с неформальными лидерами, укрепление социально-психологического климата).

4. Организационная (решение кадровых вопросов, эффективная мотивация, изменение условий взаимодействия сотрудников) [2].

Полное разрешение конфликта достигается при условии устранения причин, предмета конфликта и конфликтной ситуации.

Итак, существует множество различных методов предотвращения появления конфликтов, которые следует использовать на предприятии. В их основе лежит цель создания благоприятных условий внутри коллектива и формирования таким образом положительного микроклимата.

Благодаря своевременному решению (а еще лучше - предотвращению) конфликтных ситуаций любое предприятие сможет с легкостью достичь плановых финансово-экономических целей за счет сплоченной и плодотворной работы коллектива. В условиях рыночных отношений важным регулирующим фактором экономического благополучия предприятия становится коллектив, а точнее - его работоспособность и производительность. Внутренние условия функционирования организации довольно изменчивы, поскольку на них влияет множество факторов. Все разнообразие внешних воздействий находит свое концентрированное выражение в отношении сотрудников к предприятию, поэтому важным моментом является формирование благоприятного микроклимата, в частности за счет своевременного выявления конфликтных ситуаций и предотвращения или разрешения конфликта. Диагностика и управление организационными конфликтами должны стать залогом успешного функционирования предприятия благодаря созданию работоспособной атмосферы в коллективе, где каждый будет себя комфортно чувствовать и работать на максимальный результат. При этом дальнейшие исследования должны быть направлены на формирование механизма раннего предупреждения конфликтных ситуаций и механизма разрешения конфликтов, которые уже возникли.

Литература

1. Агафонова М.С., Баутина Е.В., Маркова Л.С. Социальная роль конфликтов и пути их разрешения // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № Т2. С. 427-430.
2. Акофф Р.О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. М.: Книга по Требованию, 2012. 270 с.
3. Кашаев А.Е. Посредничество и переговоры как методы разрешения конфликтных ситуаций // Культура. Наука. Образование. 2013. № 1 (26). С. 123-136.
4. Исмаилова Л.М., Мамакова З.А. Конструктивные методы общения как способ разрешения конфликтных ситуаций // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 12-3 (119). С. 59-61.
5. Ишдавлетова З.Р. Этика разрешения конфликтных ситуаций // NovalInfo.Ru. 2016. Т. 4. № 47. С. 286-290.
6. Мясницын Р.В. Фёдорова А.В. Современные технологии урегулирования конфликтов в организациях // Инновационная наука. 2015. № 3. С. 252-256
7. Щербачев И.Д. Конфликты в организации, причины их возникновения и способы разрешения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. С. 12-19
8. Пенкина М.В. Разрешение конфликтных ситуаций // Экономика и социум. 2016. № 3 (22). С. 992-995.
9. Khizhnyak A.N., Chudnovsky A.D., Svetlov I.E., Sulimova E.A. The mechanism of forming a human capital of the enterprises in the conditions of transition to new technology way // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 6 S3. С. 143-149.
10. Никулин Л.Ф., Сулимова Е.А. Влияние современных технологий на парадигму менеджмента // Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 125-131.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Традиционные ценности в аксиологии жизненного пути современной женщины

Богатырева Л.Г.

В статье рассматриваются традиционные ценности в аксиологии пути жизни современной женщины. В связи с этим внимание обращается на такие ценности женского бытия, как жизнь, ее сохранение и развитие; дети как проявление самой жизни; любовь, брак, семья как формы реализации женской сущности; материнство как главное дело жизни женщины; истина, добро и красота как начала женского существования; люди, включенные в круг ее жизни; стабильность в делах и отношениях; созидание как способ ее существования в мире. По мнению автора, традиционные ценности сохраняются в современной индивидуальной культуре женщины, а традиция как «механизм» воспроизводства человеческих качеств продолжает свое существование в жизни женщины.

Ключевые слова: путь жизни женщины, современность, традиция, аксиология, традиционные ценности.

Bogatyeva L.G.

Traditional values in axiology life path of modern women

The article deals with traditional values in the axiology of the way of life of modern women. In this regard, attention is drawn to the values of female existence, such as life, its preservation and development; children as a manifestation of life itself; love, marriage, family as a form of realization of the female essence; motherhood as the main thing of a woman's life; truth, goodness and beauty as the beginning of a woman's existence; people included in the circle of her life; stability in Affairs and relations; creation as a way of her existence in the world. According to the author, traditional values are preserved in the modern individual culture of women, and the tradition as a "mechanism" of reproduction of human qualities continues to exist in the life of women.

Keywords: traditional values, axiology, women's way of life, modernity, tradition.

Введение

Аксиология жизненного пути современной женщины – важнейшая тема философской антропологии. В сущности, система жизненных ценностей женщины не только определяет, но и направляет течение ее жизни. Совершенно очевидно, что в определенный момент времени женщине необходимо оценить все происходящее в ее жизни для того, чтобы сделать правильный выбор. Без понимания ценностей своей индивидуальной культуры женщине это просто невозможно сделать. Особенно в настоящее время, когда с помощью средств массовой информации ежедневно предлагается огромный объем знаний, нацеленных на реализацию определенных моделей поведения [9]. В этой ситуации необходимо делать ставку на некие «сдерживающие» механизмы, которые помогают женщине следовать своим путем жизни. В этой связи представляется целесообразным специально остановиться на традиционных ценностях в аксиологии жизненного пути женщины, которые на протяжении многих лет помогали ей достойным образом прожить свою жизнь.

В свете сказанного целью настоящего исследования является определение основных традиционных ценностных характеристик пути жизни женщины. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: исходя из био-социальной природы женщины, вычленив базовые ценности женского бытия, раскрыть их значение в определении жизненного пути современной женщины.

Методы исследования

Ключевым методом исследования в работе выступает метод диалектики, нацеливающий на рассмотрение предмета в развитии, в единстве существующих противоположностей, в разрешении возникающих противоречий. Диалектика обеспечивает единство исторического и логического, анализа и синтеза в исследовании традиционных ценностей в пути жизни современной женщины.

Вместе с тем для понимания аксиологии пути жизни современной женщины важно положение, сформулированное Протагором: «Человек есть мера всех вещей». Применительно к теме нашего исследования это имеет особое значение, потому что именно женщина является создательницей своего пути жизни. Определяя ценности своего существования, она формирует направленность своего пути жизни.

Кроме того, в работе используется метод актуализации, который помогает показать важность положений, сформулированных в прошлом, для решения проблем настоящего. В своем единстве указанные методы позволяют всесторонне исследовать вопрос о традиционных ценностях в жизненном пути современной женщины.

Результаты исследования

Мы исходим из того, что «ядром» аксиологии жизненного пути женщины являются традиционные ценности. Они выступают теми константами, которые формируют и обеспечивают бытие женщины. Как и прежде, женщина остается подательницей и хранительницей жизни. Благодаря женщине человек приходит в мир и укореняется в нем. В этом смысле, можно сказать, что дети рождаются потому, что их хотят женщины. Вне женщины (ее тела, природных и социальных умений и навыков, духовных качеств) человечество не смогло бы воспроизводить себя и выживать в сложнейших природных и социальных условиях. Именно женщины стоят на страже семьи как важного социального института. Это подтверждается современными социологическими исследованиями: «для женщин самой главной ценностью в той или иной степени является семья. Так, в частности, 93 % молодых саратовцев указали на это. Второе место в рейтинге «женских» ценностей занимает желание удачно выйти замуж (66 %)» [2]. Семья и

удачное замужество остаются ведущими жизненными ценностями женщин, определяющими их цели и линию поведения.

И, конечно же, доминантой женской аксиологии является Любовь. Через любовь и в любви раскрывается женщина. В ней она черпает свои силы, и с ее помощью она привносит в мир людей гуманистические ценности, являющиеся основой индивидуальной культуры человека. Можно сказать, что любовь – это вектор устремлений женщины. Ожидание любви и особенно ее реализация наполняют жизнь женщины подлинно фемининным смыслом. Не случайно концепция качества семейной жизни с необходимостью включает в себя любовь. «Под любовью как ресурсом качества семейной жизни понимается «выражение нежного отношения, теплоты и комфорта» [11]. Для женщины важно, чтобы с ней был не просто мужчина, а любящий ее мужчина. Ведь только любящий мужчина может перенести вместе с ней все сложности совместной жизни, в которой рождение и воспитание детей станет главным семейным делом. Для женщины любовь – это врата в мир материнства.

Материнство – это то, к чему себя готовит женщина с раннего детства [12; 3]. Играя в куклы, девочка уже отрабатывает важные навыки общения с младенцем. Она пеленует его, кормит, рассказывает ему сказки, поет песенки, укладывает спать – словом совершает все те действия, которые необходимы во взаимоотношениях с детьми. Когда приходит время стать матерью, женщина на психологическом и поведенческом уровнях уже готова к выполнению этой святой миссии. Причем, если пуповина, соединяющая мать с ребенком, перерезается в момент родов, то «социальная пуповина» незримо связывает мать с ребенком в течение всей жизни. До тех пор пока бьется материнское сердце, оно волнуется о ребенке, переживает о нем. В этом особенность материнства. Не случайно в христианстве так возвышен образ Богородицы, женщины, родившей Христа! «Вся жизнь Богоматери, – по словам протоиерея Валентина Свенцицкого, – была постоянным соединением неизреченной скорби и неизреченной радости» [1, с. 241]. И главная радость матери – жизнь ребенка.

Дети наполняют жизнь матери смыслом. Это отмечается в современных социологических исследованиях [4]. При этом отмечается, что со-

временные женщины «хотят родить двоих (70%), но если бы им позволяли условия (социально-экономические, в частности), они бы хотели завести троих и более детей (24%)» [10]. Это и понятно. Ведь благодаря ребенку женщина становится матерью, благодаря ему жизнь ее идет по пути материнства. Оберегая ребенка, воспитывая его, давая ему образование, мать выполняет свое предназначение на земле: дать миру человека. И когда этот человек обзаводится собственным ребенком, для матери нет большего счастья – она становится бабушкой, т.е. женщиной увидевший плоды своего труда в рождении внука (внучки) и получившей надежду на появление (в свое время) правнука (правнучки). Дети, внуки, правнуки – подлинные ценности бытия женщины.

Далее. Истина, добро и красота – величайшие ценности жизни женщины. Жизнь как истина женского бытия была и остается доминантой ее существования. Давая начало жизни человеку, женщина не только реализует себя, но и радуется за расширение сферы живого в мире. При этом мир как ареал бытия человека может сохранять себя только в мире, т.е. в условиях отсутствия войны. Таким образом, родив ребенка, женщина не только содействует расширению мира, но и надеется на то, что он будет пребывать в мире, делает ставку на мирное его существование. Поэтому «мир» – величайшая ценность женской индивидуальной культуры. Жить в мире мирно – вот основа женского бытия.

Для реализации этого жизнь должна наполняться добрыми делами. Это, прежде всего, забота о близких людях. Родители всегда находятся в зоне повышенного внимания женщины. Она всегда остается с ними на связи, помогая им в течение всей жизни. Конечно же, это забота о детях – своих или сестер и братьев. Они заполняют ее думы, являясь объектом ее повышенного внимания. Женщина, собираясь в гости, обязательно продумает, какие подарки она подарит не только хозяевам, но и их детям. Безусловно, ее забота распространяется и на подруг, которым она готова уделять внимание каждый день. Многочасовые телефонные разговоры являются хорошим подтверждением этого. Ну, и несомненно, это любимый человек, ближе которого нет. Забота о нем доставляет женщине удовольствие, она ощущает свою значимость в его жизни и этим наполняет свою жизнь.

Добрые дела включают в себя сочувствие, сопереживание, содействие. Словом, позитивное совместное существование в пространстве и времени с милыми сердцу людьми. Это единение для женщины очень важно. Через сопричастность к благому, она движется по пути к совершенству. В этом – несомненная ценность добродетельной жизни.

Кроме того, добродетельность важна для женщины как путь к прекрасному. Стремление к прекрасному занимает все женское существование [7]. Его особенность такова: от прекрасного тела к прекрасному внешнему виду, далее к прекрасным отношениям, которые являются основой прекрасной жизни. Другими словами для женщины важна красота тела, внешнего вида, отношений, которые создают прекрасные эмоции и возвышенные мысли, являющиеся основой ее духовного мира.

Достаточно бросить взгляд на то, как протекает день жизни женщины, чтобы понять это. Утро начинается с того, что женщина приводит себя в порядок. Во сколько бы ей не пришлось вставать, она всегда выделит время на прическу, макияж и одежду. Причем одежда должна отличаться от той, которая была накануне, иначе сослуживцы могут подумать, что у нее нет другой одежды. В течение дня женщина неоднократно подводит губы помадой, душит духами, поправляет прическу. Если у нее освобождается время, то она может сходить на маникюр, сделать новую стрижку, купить косметические кремы и проч. Вечер, если он проходит в семье, кроме ежедневных забот, обязательно будет наполнен подготовкой к завтрашнему дню, разговорами с подругами о том, что увидела, услышала, узнала в течение дня, возможно ее внимание привлечет информация в журналах или по телевидению. В любом случае, отходя ко сну, женщина опять приведет себя в порядок, используя различные кремы: для лица, рук и ног и т.п.

Таков порядок жизни женщины. Из года в год повторяя одно и то же, она формирует свой путь жизни, в котором прекрасное получает свое предметное воплощение через аккуратность, чистоту и заботу о себе. Все это помогает женщине формировать свои жизненные традиции. Они во многом индивидуальны. Но они обязательно есть. Традиции как типизированные образцы поступков женщины, в свою очередь, воз-

действуют на ее жизненный путь, выступая в качестве константных образований.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что роль индивидуальных традиций в жизни женщины значительна. В сущности, они выступают теми «инструментами», которые формируют путь ее жизни. Скажем, женщина привыкла проводить лето в деревне. Свой дом, свой быт, свой ритм и порядок жизни – все с годами налажено. Ей остается только поддерживать сложившийся образ жизни, чтобы следовать избранным путем. Насколько она сможет сохранить приобретенный уклад жизни, настолько она и продолжит следовать своим путем. При этом стабильность всегда выступала отличительным признаком женской жизни. И современность при всей ее быстроте и изменчивости не нивелирует данного признака в жизни женщины. Удивительным образом стабильность в отношениях, в интересе к прекрасному, в налаженных связях сохраняет себя как ценность женского бытия. Это те константы женского бытия, благодаря которым все держится в ее жизни. Понятно, что отношения не существуют без людей. Собственно, человек и есть субъект отношений. Поэтому, говоря о ценностях жизни женщины, следует обратить внимание на людей, окружающих ее.

Люди, включенные в жизненный круг женщины, особенная ценность ее бытия. Этот круг имеет свои «страты». Если представить женщину центром круга, то ближайшие к ней люди – это родители, любимый человек и дети. Затем идут подруги, коллеги по работе, приятельницы. На периферии круга находятся все остальные знакомые и незнакомые люди. Общение с ними доставляет женщине огромное удовольствие. Кроме того, она чувствует, что пользуется большим доверием у людей различного пола и возраста, с которыми общается. Это утверждает ее в мысли, что следует уделять значительное время общению. Таким образом выстраивая свои отношения с людьми, женщина реализует себя. Не случайно было замечено, что женщины – лучшие коммуникаторы, поскольку могут расположить к себе человека, найти слова поддержки, окружить его заботой и вниманием.

При этом следует отметить, что общаясь, женщины созидают. Созидать – значит производить, основывать, т.е. создавать то, чего не было. В этом отношении женщина – это созидательница, начинательница, устроительница.

Неслучайно, созидание выступает одной из важнейших ценностей ее бытия. Все, к чему прикоснется рука женщины, получает свое развитие. Даже согласие женщины на брак с мужчиной есть не что иное как создание возможности для перехода из одного качественного состояния в другое. Обретая спутника жизни, женщина получает новый статус «замужней женщины», который позволяет ей реализовать свои жизненные планы.

Заключение

Таким образом, традиционные ценности составляют значительный «пласт» аксиологии женской жизни. Такие ценности, как: жизнь, ее сохранение и развитие; дети как проявление самой жизни; любовь, брак, семья как формы реализации женской сущности; материнство как главное дело женщины; истина, добро и красота как начала женского существования; люди, включенные в круг ее жизни; сам жизненный круг ее бытия; стабильность в делах и отношениях; и, конечно же, созидание как способ ее существования в мире. Все это – важнейшие традиционные ценности женской жизни. Нарботанные многими столетиями эти ценности сохраняют свою значимость по сей день. Они в той или иной своей части становятся элементами современной индивидуальной культуры женщины. Выстраивая свою жизнь, женщина опирается на эти ценности. Это особенно важно в ситуации, когда внешние негативные тенденции начинают оказывать влияние на ее жизнь [8]. Отстаивая свое право на благополучную жизнь [6], женщина устремляется к лучшему. Поэтому можно с уверенностью сказать, что традиция как «механизм» воспроизводства человеческих качеств продолжает свое существование сегодня в жизни женщины. По нашему глубокому убеждению, ее необходимо учитывать при анализе пути жизни женщины для того, чтобы понять «целостность женского бытия» [5].

Литература

1. Валентин (Свенцицкий), протоиерей. Монастырь в миру. М.: ЛЕСТВИЦА, 2003. 387 с.
2. Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи: опыт социологического измерения // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 19-29.

3. Безрукова О. Н. Материнство в контексте социальных и психологических проблем репродуктивного здоровья // Биосоциальная природа материнства и раннего детства. – СПб.: СПбГУ, 2007. С. 41-119.

4. Безрукова О. Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 88-110.

5. Богатырева Л. Г. Особенности жизни современной женщины // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. Сборник научных статей под ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 200-202.

6. Ермаков С. А., Ермакова Е. В. Благополучный путь жизни человека: вопросы теории // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 101-104.

7. Ермаков С. А., Ермакова Е. В. Философия бизнеса в культуре предпринимательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 2. С. 63-64.

8. Ермаков С. А., Кашина О. П. Негативные тенденции в жизни современного человека зрелого возраста // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7. Ч. 2. С. 73-75.

9. Ермаков С.А., Мезина Л. Г. Модели пути жизни человека: позитивные и негативные аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 1. С. 62-65.

10. Кутявина Е. Е., Курамшев А. В., Мифтахова А. Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных женщин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология и социальная работа. 2014. № 2. С. 81-87.

11. Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. №1. С. 43-52.

12. Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.

Особенности социального положения женщины в Китае

Ильченко М. В.

В данной статье рассмотрены экономический и политический аспекты изменения положения женщины в китайском обществе. Особое внимание уделено особенностям положения современной китайской женщины в социально-экономической и политической сфере, и показано, как они взаимосвязаны с изменением гендерной роли женщины. В период, исследуемый в данной работе, социальное положение женщины в Китае существенно изменилось: она обрела значительно большую свободу, возможности обретения экономической независимости и проявления политической активности. Ключевые слова: положение женщины, гендерная роль, трудовая дискриминация, политическая активность, СМИ

Ilichenko M.V.

The features of social position of women in China

The article describes economical and political aspects of the transition of women's status in Chinese society. Considerable attention is given to the specificities of the situation of women in politics and socioeconomic spheres within Chinese society and how they affect women's gender role. During the period examined in the study social position of women in China has changed significantly. Women in China gained more freedom, possibilities of becoming economically independent and politically engaged.

Key words: position of woman, gender role, employment discrimination, political activity, mass media

В наши дни, в условиях интенсивных социокультурных трансформаций, происходящих в глобальном мире, особый интерес исследователей самых разных областей социогуманитарного знания вызывает аксиологическая проблематика, вопросы о формировании и динамике ценностных ориентаций.

Фундаментальные социально-экономические и социокультурные изменения, происходящие в китайском обществе в последние десятилетия, с необходимостью влияют на положение женщины в китайском обществе. Поэтому анализ трансформации гендерной роли женщины может способствовать выявлению общих тенденций и векторов социальной динамики в стране.

Развитие технологий в двадцатом веке сделало возможным беспрецедентную диффузию культурных ценностей во всем мире. Исследование гендерной роли женщины в современном Китае позволит углубить понимание глобализационных процессов в культуре, механизмов взаимодействия традиционных китайских и западных ценностей, осваиваемых населением страны в условиях глобализации.

На протяжении длительного времени в трактовке понятия "гендерной роли" были сильны биологизаторские тенденции. При этом основой различий женщин и мужчин считались природные особенности.

Далее, существующее издавна стереотипное представление о том, что роль женщины состоит в воспитании детей и сохранении домашнего очага, а мужчины - в обеспечении безопасности и материальными благами находит отражение и в работе философов разных эпох. Французский философ О. Конт говорил о том, что роль женщины должна сводиться только к сохранению нравов и морали, при этом материально она должна быть зависима от мужчины. Г. Спенсер и И. Кант сводили роль женщины к сохранению традиций и продолжению рода.

Представительница неофрейдизма К. Хорни считала, что созданная цивилизация - цивили-

лизация мужчин, и женщины для того, чтобы приспособиться, вынуждены принимать ценности и нормы этой цивилизации.

Сторонники теории социального научения, среди которых можно выделить А. Вандура, Р. Уолтерса, также полагают, что в основе полоролевого поведения детей лежит родительская модель, а также одобрение, которое ребенок усваивает в процессе воспитания.

Таким образом, интерпретация полоролевого поведения отличается в рамках различных теорий, однако все большее внимание уделяется социальному компоненту.

В ходе исследования применялся исторический подход при анализе динамики роли женщины в общественной жизни. Политологический подход использовался при анализе положения женщины в политической сфере. Социокультурный подход применялся при анализе трансформации роли женщины в сфере труда.

Положение женщин в традиционном китайском обществе было значительно хуже, чем в европейских странах. Если в них движения женщин за свои права появляются в начале XIX века, то в Китае условия для аналогичных процессов складываются в 20-е годы XX века.

При проведении этого анализа важно иметь в виду, что с образованием в 1949 году КНР был принят ряд законов, закреплявших равенство всех граждан, а также защищавших права женщин. Для понимания того, как изменилось положение женщины в китайском обществе во второй половине XX - начале XXI вв. необходимо охарактеризовать статус женщины в традиционном китайском обществе.

За неподобающие действия по отношению к жене муж не нес тяжелых наказаний, в то время как жена за непослушание мужу, оскорбление должна была предстать перед судом. Оснований для развода женщина также не имела, муж же имел право развестись с женой из-за отсутствия детей, неверности жены, воровства и по ряду других причин. Развод мог состояться по обоюдному согласию супругов. После смерти отца в семье все имущество отходило его сыновьям, замужние дочери не имели право на долю, незамужние же могли купить долю у своих братьев.

Таким образом, в традиционном Китае женщина была далека от общественно-политической сферы и не принимала в ней участия, женс-

кая роль и обязанности ограничивались семьей и домашними обязанностями.

С приходом к власти коммунистической партии в 1949 году правительство стало применять меры по эмансипации женщин и искоренению неравенства. В рамках этой политики был принят ряд законов, позволивших женщинам в полной мере включиться в социальную, культурную и политическую сферы жизни.

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в 70-80-х годах прошлого столетия, к которым можно отнести политику открытости, модернизацию экономики, поток иностранных инвестиций в Китай обусловили потребность в дополнительной рабочей силе, а также привели к изменениям в структуре общества, социальному и экономическому расслоению. Если в традиционном Китае доминировала коллективистская ориентация и интересы общества стояли выше интересов обычного гражданина, то процессы глобализации и реформы 1970-х годов определили для граждан Китая возможность свободного социального самоопределения и достижения успеха, тем самым выделили личность из коллектива.

Глобализация и политика реформы и открытия предоставили больше возможностей для работы женщин. Повышение женской грамотности и образования, а также законодательное закрепление равных прав мужчин и женщин на рабочее место в "Трудовом кодексе" [10] и в законе "О защите прав и интересов женщин" значительно улучшили ситуацию с трудоустройством женщин.

Процент занятости женщин, несмотря на увеличение возможностей, уменьшается. Несмотря на то, что на начало 1970-х 90% женщина работали, в 1990-х процент работающих женщин составлял 73% в 1990 году и 61% в 2017 году [5]. После экономических реформ 1990-х исчезли субсидии по уходу за детьми, а также возросла конкуренция с мужчинами за рабочие места.

В первое десятилетие реформ женский труд преобладал в таких отраслях, как швейная, бумажная и химическая промышленность. К 2000 году женщины составляли более 40% в таких отраслях, как просвещение и наука, СМИ, торговля, здравоохранение [2], таким образом обозначился переход женщин в сферу услуг.

Согласно исследованию Грант Торнтон, доля женщин на постах руководителей средне-

го в Китае не сильно отличается от показателей других развивающихся стран (38% Китае, 24% средний показатель по миру)[6, С. 7]. Исследователи объясняют это тем, что победа коммунистической партии в 1959 году позволила осуществить эмансипацию женщин и утвердить соответствующие ценности. С этим же фактом связывают и высокий процент руководителей в России.

В то же время доля женщин руководителей относительно ниже в сельском хозяйстве, энергетике, горнодобывающей промышленности[6, С. 8], объясняется это преобладанием патриархальных ценностей в корпоративной культуре. Желание женщины внедриться в управленческую среду наталкивается на предписания, установленные мужчинами. Также часто у женщины возникает конфликт между предписанной ей гендерной моделью поведения и жесткими правилами ведения бизнеса. Таким образом, китайская корпоративная культура не достаточно зрела для повсеместного принятия женщин в менеджмент.

Положение женщины на рынке труда в Китае все еще остается тяжелым, часто наблюдается дискриминация по половому признаку при приеме на работу. В основном она связана с предрассудками в отношении женщин (невозможностью женщин выполнять тут или иную работу), а также со стремлением работодателей избежать дополнительных издержек.

Последние годы наметилась тенденция преобладания женщин в отрасли сельского хозяйства. Переход мужчин на несельскохозяйственные рабочие места, а также переезд последних на работу в город обусловил ограниченные возможности для трудоустройства женщин в деревнях.

Таким образом, статус женщины в экономической сфере существенно изменился. Что же касается политической сферы общественной жизни, то здесь женщины большой активности не проявляют. Исследователи считают, что женщины отказываются от борьбы за свои права, поскольку это означает столкновение с патриархально-ориентированным обществом и традиционной культурой, требуются большие усилия для изменения установок, заложенных традиционной культурой[1].

Доля женщин-членов правительства и высших государственных органов остается на низ-

ком уровне. Так, число женщин-членов Всекитайского собрания народных представителей в период с 1978 по 1993 года, на который приходятся основные реформы, был на уровне 21%, и до 2002 года держался примерно на таком же уровне. К 2017 году процент женщин в ВСНП незначительно вырос и составил 24%[7]. Членство в партии также является прерогативой мужской половины: среди 89.4 миллионов участников женщины составляют около 23%[7].

Низкая политическая активность связана, главным образом, с низким образованием среди женщин среднего возраста и традиционным взглядом на роли женщин и мужчин в обществе, которые препятствуют участию женщин в политике. Кроме того, чтобы добиться высоких позиций в государственном аппарате требуется достаточно много времени для восхождения по карьерной лестнице, что ставит в неравное положение женщин и мужчин (пенсионный возраст женщин ниже, чем у мужчин и составляет 50 и 60 лет соответственно)[8].

Женщин часто ориентируют на роли жен и матерей, а женщина, добившаяся успеха на политическом поприще, может вызвать неодобрение общества.

Деятельность китайских СМИ не соответствует стремлениям к равенству полов. Согласно исследованию, в котором приняли участие 8 наиболее влиятельных газет в Китае, упоминания мужчин-участников политического процесса составляет 88%, а женщин - всего 13%, аналогичные показатели и в доле упоминания мужчин и женщин в газетах - 91% и 9% соответственно[9]. В результате усугубляется впечатление бездействия женщин на политической арене.

Женские образы, насаждаемые телевидением, также отражают традиционные представления. Сериалы и фильмы продвигают образ мягкой и послушной женщины, которая страдает от давления, оказываемого семьей и обществом. Такой подход, пропагандируемый на телевидении, оказывает негативное влияние на уверенность женщин в себе и на представления об участии женщин в социальном развитии.

Особая роль в повышении статуса женщины в обществе принадлежит Всекитайской федерации женщин. Ввиду того, что в традиционном китайском обществе женщины не воспринимались как полноправные члены общества, а

также в силу своей меньшей численности, многие женщины становятся жертвами насилия. По инициативе ВКФЖ в 1991 году было принято два законодательных акта: Постановление о запрете проституции и Постановление о строгом наказании преступников, похищающих и торгующих женщинами и детьми [2, С.2]. ВКФЖ сотрудничает с международными организациями и проблема гендерной дискриминации не раз становилась повесткой дня на различных форумах и конференциях. В рамках структуры АСЕАН была создана особая комиссия по защите прав женщин, которая при сотрудничестве с ВКФЖ прилагает усилия для достижения гендерного равенства, организует семинары и практикумы.

Таким образом, во-первых, под влиянием глобализации положение женщин в современном Китае (сравнительно с 1949 г.) значительно изменилось. Этому способствовало: принятие законодательных актов, закрепляющих право женщин на владение землей, а также на получение кредитов, реформа открытия и др. Традиционная гендерная роль претерпела заметные изменения. При этом, однако, все большее значение приобретают ценности женской самостоятельности, равноправия, участия в экономической и – в меньшей степени – политической жизни.

Во-вторых, возросла экономическая независимость женщин, расширились возможности трудоустройства, увеличилась занятость в сфере образования и культуры. Тем не менее, дискриминация женщин на рынке труда сохранилась.

В-третьих, политическая активности женщин сравнительно невысока, доля женщин в ядре власти незначительна. Одной из важнейших причин этого является приверженность традиционным ценностям и взглядам на роль женщины в обществе.

Литература

1. Василенко А. Ю. Трансформация роли женщины в процессе модернизации китайского общества (до конца XX века) URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/76742371/> (дата обращения: 07.05.2019)

2. Симонова А. И. Положение женщин в семье и в обществе в Китае в 1900-2014 гг. URL: http://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10966/uid95749_report.pdf (дата обращения: 26.05.2019)

3. Закон КНР «О труде»: принят на 8-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 5 июля 1994 года, введен в действие с 1 января 1995 г. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 04.04.2019)

4. Bulger Ch. "Fighting gender discrimination in the Chinese workplace" URL: <http://lawdigitalcommons.bc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1174&context=twlj> (дата обращения: 16.05.2019)

5. Female labor participation rate in China from 2007 to 2017 URL: <https://www.statista.com/statistics/252721/female-labor-force-participation-rate-in-china/> (дата обращения: 01.06.2019)

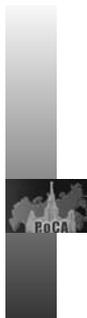
6. Grant Thornton international business report 2014: women in business from classroom to boardroom URL: https://www.grantthornton.co.uk/globalassets/1.-member-firms/global/insights/article-pdfs/2014/ibr2014_wib_report_final.pdf (дата обращения: 01.05.2019)

7. Reality check: does China's communist party have a woman problem? URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-41652487> (дата обращения: 01.06.2019)

8. Lynne E. Devnew, Marlene Janzen Le Ber, M. Torchia, Ronald J. Burke More women on boards: an international perspective. Ch., 2018. С. 101-115

9. Xiaoge X. Women, globalization and mass media: The Chinese experience URL: http://www.academia.edu/1830347/Women_globalization_and_mass_media_The_Chinese_experience (дата обращения: 26.05.2019)

10. -NNSeNIqQHьTэV YsYCgKvЭOнь-XI // -NNSeNIqQHьTэV8^(uXl:_YhQOS-N:XI_ьQhr>y, 19920С. 55-60

Этические принципы современной журналистики

Мартыненко Е. В., Мирзабекова К. Р.

Представленная статья предлагает краткое исследование феномена этики в контексте современной журналистики. В качестве диалектической области журналистская этика охватывает широкий круг вопросов: от изучения конкретных тематических исследований, в которых поднимаются вопросы конфиденциальности и редакционной независимости, до абстрактных нормативных аргументов о том, как концепции из области моральной философии, такие как реализм, релятивизм, и аристотелевское понятие эвдаймонии. Приведенные выше принципы и понятия должны формировать диалектическое представление журналиста о его работе. Нравственные аспекты журналистской деятельности привлекают общественное внимание потому, что в условиях вседозволенности участились случаи использования СМИ для сведения групповых и личных счетов, для выражения разного рода амбиций и пристрастий. Многие издания разных типов и уровней отличаются низкой культурой полемики, искажают позицию оппонента, демонстрируют стойкое неприятие чужих мнений.

Нравственная регуляция поведения журналиста осуществляется на уровне принципа и нормы. Их различие — в степени конкретности. Нравственный принцип имеет мировоззренческий характер, это — связь идеала с регулятором поведения. Нравственная же норма представляет собой некий «регулятор» на практике.

В статье исследуется применение ключевых этических принципов в практической работе современного журналиста.

Ключевые слова: этика, журналистика, правила, обязанности, принципы, стандарты.

Martynenko E.V., Mirzabekova K.R.

Ethical principles of modern journalism

The introduced article offers a brief research of the ethics phenomenon in the context of modern journalism. As a field, journalism ethics spans a wide range of issues from examination of specific case studies that raise questions of privacy and editorial independence, to abstract, normative arguments about how concepts from moral philosophy such as realism, relativism, and the Aristotelian notion of eudaimonia, or flourishing, should form the work of journalism. The moral aspects of journalistic activity attract public attention because, in conditions of permissiveness, cases of using the media to reduce group and personal accounts and to express various kinds of ambitions and preferences have become more frequent. Many publications of different types and levels are distinguished by a low culture of controversy, distort the opponent's position, and demonstrate persistent rejection of other people's opinions.

The moral regulation of journalist behavior is carried out at the level of principle and norm. Their difference is in the degree of specificity. The moral principle has a worldview nature — it is the connection of the ideal with the regulator of behavior. The moral norm is a practical guideline. The article focuses on implementation of the crucial ethical principles in the modern practice of journalistic work.

Keywords: ethics, journalism, rules, duties, principles, standards.

About Ethics

Ethics is the application of moral principles that guide decision-making in our personal and professional lives. Ethics refers to conduct or behavior within societal expectations. The word “ethics,” itself, originated from a Greek word that means character — which is the moral constitution of an individual. Ethics requires people to consider if their actions are acceptable in any particular circumstance, and they are by no means limited to that of the individual, but may also address the moral practices of everything from the corporate world, to government, professionals, to laymen, and all that lies between and beyond. Ethics asks the individual to reflect on their basic values and purpose as a contributing member of society. It is the practicality of imposing norms and standards to common and uncommon circumstances [8].

Ethics generally does not become a concern until a unique situation arises and we are asked to apply our beliefs of what is correct or incorrect, right or wrong. For the journalist, this may happen when they are asked to reveal their sources in open court after promising confidentiality to the informant. In fact, this is one of the most frequent ethical dilemmas the journalist can face. Another troubling aspect of journalism is when the professional may be required to invade privacy in order to investigate allegations of unethical behavior on behalf of a public or private individual. Of course, your response to the issue will probably depend on which side you represent. If you are the person whose privacy has been invaded, you may believe a journalist behaved unethically. However, if you are on the side of the wronged public, you may be very thankful that the journalist investigated the matter. You may even be all for the invasion of privacy for the public good — unless, and until, it happens to you; and then the morality of the behavior could again be called into question.

What is true is humans do regularly behave unethically, and that how we, as a society, believe this should be uncovered and brought to the attention of the public is the source of disagreement. That is not surprising, but rather to be expected,

when there are billions of people inhabiting this planet – each with their own point of view – and most putting the concerns of their own welfare, and that of their loved ones, above those of society.

Although ethics might be seen as inflexible, a case of right or wrong, black or white, to take this stance ignores the underlying complexity of many issues. That is not to say that rules are not an important part of the journalistic (and real world) process. Only that rules serve as a guide and may be referenced in decision-making about the ethics of a situation. All too often, new and unique circumstances arise that push the envelope of perennially accepted ethical responses. There is simply no “one size fits all” ethical principle [2].

Much work in journalism ethics is rooted in two predominant strains found in the philosophy of ethics. One is consequentialism, in which much of the moral weight of decisions is placed on the goodness of the outcome. In journalism, this is most clearly illustrated by the focus on possible harms resulting from newsgathering and publishing. The other predominant strain is deontology, or duty-based ethics. Many news outlets and journalism associations have embraced ethics codes that itemize the various duties that responsible journalists must carry out: duty to serve the public, duty to scrutinize centers of power, duty to be as transparent and accountable as possible. But the “third way” in ethics, virtue theory, has recently been gathering prominence in journalism practice as well. Rooted in the work of Aristotle, this approach focuses instead on identifying “virtues” – what it means to be courageous, charitable, honest, and so forth – and articulating how such virtues ought to be manifested in our lives if we are serious about the promotion of human “flourishing.” Insisting that journalists should “be virtuous” may sound like a less-than-useful platitude, but recognizing and living by virtues is far from simple. We would not still be discussing them thousands of years after Aristotle if it were. And as we have seen, ethics is rarely black and white. We must juggle competing claims, weigh various possible harms, articulate often multiple duties – all in the course of just one ethical question. In moral psychology (discussed later in this article), the idea of “moral commitment” is an important one – the degree to which individuals internalize moral principles, or virtues, into their very self-identities, so that those principles almost reflexively inform daily behavior. Moral “exemplars” are those

among us who not only internalize these principles, but whose moral development has given them what might be called a highly developed skill of discrimination: the ability to make fine-grained distinctions among similar situations and to thoughtfully respond with just the right mix of appraisals, beliefs, and behavior that still reflect one’s broader moral commitments [6].

So today, with each successive generation, it appears the reins of social ethics continue to loosen, as society hurtles toward a model where nearly all behavior is acceptable. That puts the study and application of ethics in a bind – for there are fewer and fewer people who are referring to them in their decision-making process. Collectively, new social attitudes, new technology and a fluid economy and political paradigm have put ethics on the back burner, more and more.

Basic Ethical Models and Terminology

At the same time, people decreasingly seem to have an understanding of ethics or how it applies to their own lives. In light of this, a brief lesson on the subject of ethical theories is in order. Recurring themes in ethics are rights, virtues, and communal relations. Translated to driving questions, the first subject, rights, asks the question of whether an action violates the rights of others. Next, regarding virtues, the question to be posed is if a behavior or conduct impacts the virtue, character or integrity of another. Finally, how does an action affect the relations of persons within a society?

Based on these questions, ethics is often categorized as teleological ethics, deontological ethics, and virtue ethics. Of course, much of this information is distilled from highly sophisticated studies of philosophy, the pursuit of some of the greatest human minds, such as Socrates and Aristotle. The aim here is not to make the reader a philosophical scholar – but to urge them to think about ethics against the backdrop of human behavior, and then apply this to their actions as a journalist.

Teleological ethics urges maximizing outcomes and minimizing harm as the basis for decision-making and actions. It can be thought of as “offering the greatest good to the greatest number of people.”[1] Deontological ethics embraces the concepts of justice and fairness; a sense of duty and basic rights overrides the pursuit of individual

or large group happiness. Virtue ethics aims to create people who are civic-minded and virtuous. Its purpose is to develop ethical character in wisdom that can be applied to complex challenges. Virtue ethics is driven by educating others, and developing their moral compass. The purpose is to achieve a good life through virtuous actions.

There are other ethical models, as well – all sophisticated, and all incorporating an extensive explanation that differentiates it from the others, and serves as the most relevant for human existence. Yet, the reader may find there are kernels of truth in each ethical philosophy that is of value to the human race. This certainly complicates the issue of ethics as it relates to journalism. It may be advisable to think further about these ethical models before continuing, and deciding your own personal view of ethics.

Ethical Ranges

As if it weren't challenging enough to try to internalize the basics of ethical philosophy, it might be quite surprising to realize that ethics falls along the continuum of the human experience. There is the issue of personal ethics, or one's own position on questions of right and wrong. Professional ethics is more rigid in that a set of standards has usually been composed and practitioners of the field are expected to adhere to them. There are also circumstances when the "generally agreed" ethics and personal, professional and mental ethics may clash. For example, in Russia, where the institute of family remains preserved from what is in the Western countries nowadays called "progressive reality" – marriage license to gay couples will never be legalized (the authors strongly believe at least for the coming century), despite the fact that gay marriage has been legalized in a huge majority of Western states.

Ethics also encompasses the social and political in regard to justice and rights. Research ethics is a unique field unto itself, and is aimed specifically at those who are engaged in higher academia and the pursuit of truth in the sciences, social sciences, and areas of learning. Next, a growing field of ethical concern is the environment. Questions of our behavior toward our natural resources, and even the way we treat animals, have come front and center in the study of ethics.

While the subject of ethics could fill another textbook, our purpose was to introduce the reader

to common terminology and basic concepts. To become a scholar of philosophy would require a different academic path altogether. However, the influence of ethics in the role of a journalist is a valid and separate consideration for which the reader should be prepared, based on the brief tutorial [3].

Ethics and Journalism

Journalistic ethics is the application of the professional standards of this industry. These principles are filtered through the broader parameters of philosophy, itself, as well as acceptable social and political assumptions. For example, the journalistic function of keeping the public informed about governmental wrongdoing falls under the commitment of the press to a free and open democracy. (The concept of journalistic ethics is likely to look very different in closed societies where the press is government-run).

The student of journalism or a practicing journalist should realize that there are principles that guide this profession. The prerequisite is to have an understanding of the public function of journalism and the standards by which its aims are met. In other words, what are the duties of a journalist?

It would seem there is no question the journalist has a duty to honesty and integrity, to keeping a promise and actively serving the public good, while avoiding undue harm. Journalists are expected to meet their socially imposed obligation to their skills to offer fair and unbiased reporting, ensuring that a diverse and comprehensive presentation of a story is offered. Journalists are also reminded of their potential to influence readers, the subject of their reporting, and the greater society they serve, and not to abuse this influence.

The journalist must therefore have a deep understanding of the ethical functions of the profession, always be looking to improve and reform standards and construct new ones as necessary, and to promote ethical behavior – in part by acting as a role model, but also by having the willingness to point out the abuse of ethics in this, and other, industries.

These concepts are not ones that have been pulled from thin air. All can be traced back to the ethical code developed by the Society of Professional Journalists (SPJ)[7], an organization forged in the United States, which takes responsibility for reviewing standards and practices as a means of offering

guidance and a framework to journalists, as they carry out their duties. According to SPJ, the journalist's functions include keeping the public honestly informed and acting as a watchdog for abuse of power in public and private practices, and maintaining an open forum for free expression. The journalist must actively seek out truth, independent of influence, while avoiding undue harm. The journalist must also be willing to be held accountable for his or her actions.

Ethical Duties of the Journalist

The journalist must offer the reader a fair, unbiased presentation of facts.

The journalist must not allow personal relationships with sources to tarnish the truth.

The journalist must obey the law in pursuit of the news.

The journalist must not allow competition to taint their professional responsibilities.

The journalist must participate in public life [4].

Journalists must not represent themselves as a mouthpiece for a news source, unless permitted.

The journalist must also disclose potential conflicts.

The journalist must be cognizant of their obligations to their employer.

As a journalist, the following questions should guide your news gathering, writing, editing, and any other aspect of dispensing your duties.

1. Are there any ethical problems that exist in my pursuit or writing of this story? If so, can they be neutralized, or should the story be turned over to another journalist?

2. What are the ethical issues of this story? What are the conflicting values and relevant facts?

3. What are all of the options as I approach this story? What are my duties and responsibilities to myself, my employer, the parties involved, and the public? What will be the consequences to each? What will be the consequences to my character?

4. Can I formulate an ethical justification for pursuit of this story? Can I justify my actions ethically, morally, professionally?

5. Am I able to draw similarities to past situations that will help guide my decision-making? Is my behavior representative of the profession?[5]

Conclusion

The study of ethics and its application to the field of journalism begs the learner to review the information contained within the article more than once. In fact, this is an article that should be printed, and a copy kept close at hand throughout your career. That is just how important journalistic ethics is to the practice on an individual level, as well as to the industry as a whole.

Journalistic ethics is more than a gut feeling of right and wrong. It encompasses a broad set of standards that are under constant review, and you, as a practitioner, must take the ethical responsibilities of the profession seriously at all times, in that way you will bring honor to journalism and see to it that you have helped to maintain the integrity of its practice for future generations.

References

1. Center for Journalism Ethics. URL: <https://ethics.journalism.wisc.edu/tag/politics/>
2. JOURNALISM ETHICS. What they are and where they come from. URL: <https://ethicaljournalismnetwork.org/resources/publications/ethical-journalism/journalism-ethics>
3. Journalism Ethics: A Casebook of Professional Conduct for News Media 4th Edition. Marion Street Press, LLC, 2011. 330 p.
4. Kelly McBride (Editor), Tom Rosenstiel. The New Ethics of Journalism: Principles for the 21st Century Revised ed. Edition. CQ Press. 2013. 256 p.
5. Lee Anne Peck, Guy S. Reel. Media Ethics at Work: True Stories from Young Professionals Second Edition. CQ Press. 2016. 392 p.
6. Patrick Lee Plaisance. Journalism Ethics. URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-89>
7. SPJ Code of Ethics. URL: <https://www.spj.org/ethicscode.asp>
8. Stephen J. A. Ward Radical Media Ethics: A Global Approach. John Wiley & Sons Inc. 2015. 264 p.

Социальное сопровождение пожилых людей 80+

Скоробогатова А.Г.

В статье рассматривается актуальность и практическая значимость создания Службы сопровождения пожилых людей 80+ на примере ВАО Москвы. Анализируются общие подходы к решению задачи повышения качества жизни пожилых людей и разработки эффективных стратегий и практик поддержки и помощи старшему поколению, и именно категории 80+. Тенденция повсеместного роста численности пожилых людей требует коренного изменения социальной политики в отношении этой наиболее социально незащищенной категории общества. Согласно принципам ООН, социальная политика включает в себя следующие направления в отношении пожилых людей: независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала и достоинство. Среди проблем, которые сегодня волнуют лиц старшего возраста, можно выделить, прежде всего, низкий уровень жизни и отсутствие экономической устойчивости, а также сохраняющуюся неудовлетворенность качеством и доступностью медицинских услуг, а также лекарственным обеспечением. Острой проблемой остается заниженный статус пожилых людей в обществе, их социальная невостребованность и одиночество, отсутствие мотивации на поддержание активного образа жизни. На практике в работе системы социального обслуживания в настоящее время складываются два ведущих направления: развитие активного долголетия и организация долгосрочного ухода. Программа «Московское долголетие», объединяющая более 200 тыс. пожилых людей, продемонстрировала небывалый рост их активности и самоорганизации, способствующих внедрению новых инициатив, направленных на развитие гражданского общества. Ко второму направлению по обеспечению достойной старости лиц, утративших навыки самообслуживания и самостоятельного проживания. В связи с этим крайне необходим клиентоориентированный подход к данной проблеме и развитие программ выявления, организации и сопровождения пожилых людей 80+.

Ключевые слова: Пожилые люди, повышение качества жизни, Служба сопровождения пожилых людей 80+, долговременный уход, «Московское долголетие»

Skorobogatova A.G.

Social support for the elderly 80+

The article deals with the relevance and practical importance of the creation of the Service of support of elderly people 80+ on the example of VAO Moscow. General approaches to solving the problem of improving the quality of life of older people and the development of effective strategies and practices of support and assistance to the older generation, namely the 80+ category, are analyzed. The trend of increasing numbers of older persons everywhere requires a fundamental change in social policy towards this most vulnerable category of society. According to the UN principles, social policy includes the following areas in relation to older persons: independence, participation, care, realization of internal potential and dignity. Among the problems that concern older persons today are, first of all, the low standard of living and the lack of economic sustainability, as well as the continuing dissatisfaction with the quality and availability of medical services, as well as with the provision of medicines. An acute problem is the low status of older people in society, their social lack of demand and loneliness, lack of motivation to maintain an active lifestyle. In practice, the social service system currently has two main areas: the development of active longevity and the organization of long-term care. The Moscow longevity programme, which unites more than 200,000 elderly people, has demonstrated an unprecedented growth in their activity and self-organization, contributing to the introduction of new initiatives aimed at the development of civil society. To the second direction to ensure a decent old age of persons who have lost the skills of self-service and independent living. In this regard, a customer-oriented approach to this problem and the development of programs for the identification, organization and support of elderly people are essential.

Keyword: Elderly people, improving the quality of life, Service support for the elderly 80+, long-term care, the project "Moscow longevity"

В современной России в связи со сложной демографической ситуацией наметилась устойчивая тенденция роста численности пожилых людей. По данным ООН в 1950 г. в мире проживало 8% человек старше 60 лет, в 2000 г. - 10%, а к 2050 г. их будет почти 22%. По состоянию на 1 января 2018 г. численность граждан старшего трудоспособного возраста в России составила 25,4%. Увеличение количества пожилого населения определяет социальный вызов, связанный с ростом потребности в качественном социальном и медицинском обслуживании.

Национальная задача - войти в пул стран 80+ целевых показателей Указа Президента РФ от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Президент РФ В.В. Путин поставил задачу вхождения нашей страны в следующем десятилетии в клуб стран «80+», где продолжительность жизни превышает 80 лет. Важное место в ее решении принадлежит разработке эффективных стратегий и практик поддержки и помощи старшему поколению, и именно категории 80+. Чтобы решить эту задачу, необходимо повысить качество жизни пожилых людей.

Пожилые люди встревожены своим материальным положением, высокой стоимостью лекарственных препаратов. Снижение уровня материального обеспечения пожилых людей серьезно влияет на их социальное самочувствие, уровень удовлетворенности жизнью, ухудшает состояние здоровья.

Тенденция роста численности пожилых людей требует коренного изменения социальной политики в отношении этой наиболее социально незащищенной категории общества.

Согласно принципам ООН, социальная политика включает в себя следующие направления в отношении пожилых людей: независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала и достоинство.

Среди проблем, которые сегодня волнуют лиц старшего возраста, можно выделить, преж-

де всего, низкий уровень жизни и отсутствие экономической устойчивости, а также сохраняющуюся неудовлетворенность качеством и доступностью медицинских услуг, а также лекарственным обеспечением.

Острой проблемой остается заниженный статус пожилых людей в обществе, их социальная невостребованность и одиночество, отсутствие мотивации на поддержание активного образа жизни.

На практике в работе системы социального обслуживания в настоящее время складываются два ведущих направления: развитие активного долголетия и организация долговременного ухода.

Первое направление включает в себя программы «Лучшая половина жизни», «Университеты Серебряного возраста», использование ресурсного потенциала пожилого человека и развитие активностей. Программа «Московское долголетие», объединяющая более 200 тыс. пожилых людей, продемонстрировала небывалый рост их активности и самоорганизации, способствующих внедрению новых инициатив, направленных на развитие гражданского общества.

Ко второму направлению по обеспечению достойной старости лиц, утративших навыки самообслуживания и самостоятельного проживания. И здесь важно развивать такие формы услуг, как мобильная социальная служба, «детские садики» для пожилых, «санатории» на дому, социальный патронаж, стационарозамещающие технологии, службы социальных сиделок и т.д.

В связи с этим крайне необходим клиенто-ориентированный подход к данной проблеме и развитие программ выявления, организации и сопровождения пожилых людей 80+.

В организации данной работы необходимо учитывать специфику социального статуса каждого человека, его нужды, потребности, биологические и социальные возможности, определенные особенности жизнедеятельности и т.д.

К проблеме старости, ее определения, ученые и практики подходят с разных точек зрения: биологической, физиологической, психологической, функциональной, хронологической, социологической и других. Отсюда выстраивается маршрутизация решения проблем общественного и социального положения роли и места пожилого человека в обществе и семье,

организации социального обслуживания, социальной реабилитации, социального попечительства над лицами старшего возраста.

В Москве существует развитая и качественная система социальной защиты населения. Но этого явно недостаточно как в количественном выражении - сейчас только 5% москвичей старшего поколения охвачены социальными услугами в стационарной, полустационарной формах социального обслуживания и на дому. Так и в качественном - не все пожилые люди могут или хотят получать социальное обслуживание. Существует значительное число одиноких пожилых людей, о проблемах которых никто не знает, которые остаются один на один со своей бедой.

В Москве в 2018 году более 3,4031 млн. чел. (27,2%) старше трудоспособного возраста. В 2017 году их количество составляло 3,3101 млн. чел. (26,8%), за год старшее поколение приросло на 97 тыс. человек. В Москве число пожилых людей старше 70 лет составляет более 1,3 (10,5%) млн чел. Всего в Москве пожилых людей в возрасте 80+ 405 265 чел. или 15,2%. По ВАО: всего количество пожилых людей составляет свыше 332 800 чел., в том числе свыше 54 700 чел. или 16,4% - представители возрастной категории 80+. Сегодня нуждаются в постоянном уходе из-за состояния здоровья 18% лиц старше 70 лет и более 30% москвичей старше 80 лет.

В Москве действует 33 государственных учреждения стационарного ухода, общая емкость которых более 16 тыс. мест. Очередей нет, но три четверти коечного фонда изношены на 50% и более. При возрастающем количестве пожилых людей до 2025 года ожидается значительное увеличение потребности в постоянном уходе, как минимум на треть. Продолжает развиваться сеть надомного социального обслуживания.

Возрастает материальная поддержка всех представителей старшего поколения. Так, доля получателей региональной социальной доплаты к пенсии (17 500 руб.) составляет более 83%. Это 2 176,0 млн. человек. Практически каждый представитель старшего поколения обладает правом на бесплатный проезд по социальной карте, на доплаты в форме субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, ЖКУ и услуг связи или иные меры социаль-

ной поддержки, на адресную социальную помощь.

В то же время по уровню материального обеспечения - только 0,7% пожилых москвичей могут позволить себе любые покупки. Каждый двенадцатый - 7,3% - «может позволить себе хорошо питаться и приобретать хорошую одежду, но автомобиль или недвижимость недоступны». У трети пожилых москвичей (36,2%) денег на питание и одежду хватает, но предметы длительного пользования недоступны. Для более половины старшего поколения (57,2% - женщин и 52,3% мужчин) «не хватает денег даже на продукты питания» и «на питание и одежду хватает, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения».

Для города средняя стоимость проживания пожилого москвича в стационаре в сутки составляет от 2,8 тыс. руб. до 5,4 тыс. руб., и зависит от уровня самостоятельности обслуживания и медицинских показаний. Масштабное внедрение Проекта за счет осуществления превентивных мер поддержки пожилых людей 80+ позволит увеличить продолжительность жизни, отсрочить помещение в стационарное учреждение.

Проблема социальной изоляции обуславливает необходимость повышения внимания к социальной поддержке пожилых москвичей 80+. Необходимо создавать службы сопровождения, осуществляющие мониторинг и охватывающие вниманием всех москвичей старше 80 лет с целью содействия тому, чтобы каждый пожилой москвич получал адресную поддержку и помощь междисциплинарной команды специалистов и волонтеров. Служба сопровождения пожилых людей 80+ будет осуществлять мониторинг самочувствия ежедневный, еженедельный, ежемесячный - в соответствии с выявленным уровнем риска и оказывать помощь на основе межведомственного взаимодействия. Такой проект станет логичным дополнением системы длительного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами.

Актуальность создания Службы сопровождения пожилых людей 80+ в первую очередь обусловлена его направленностью на содействие реализации поручения Президента РФ от 05.09.2017 №12, о создании системы длительного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансиро-

ванные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому.

Демографическое старение населения - объективная и устойчивая мировая тенденция, характерна как для всей нашей страны в целом, так и для города Москвы. Международный опыт показывает, что многие развитые страны, Канада, Италия, Франция нашли формы социальной поддержки пожилых людей 80+. В Москве сформировался общественный запрос на новую современную, более эффективную модель социальной политики в отношении пожилых людей, обеспечивающей максимально широкий охват москвичей старших возрастных групп. В настоящее время не созданы комплексные службы, осуществляющие социальное, медицинское, психологическое сопровождение пожилых людей 80+, что определяет необходимость дополнительных мер в решении проблем, связанных с повышением качества жизни старшего поколения.

Проект «Служба сопровождения пожилых людей 80+», позволит решить проблемы социальной изоляции москвичей пожилого возраста 80+, способствовать сокращению смертности и станет логичным дополнением развиваемой системы длительного ухода за гражданами пожилого возраста.

Такая Служба сопровождения пожилых людей 80+, путем организации мониторинга, волонтерского сопровождения, консультационной и предметной помощи межведомственной команды специалистов способна сформировать социальную сеть действенной социальной поддержки пожилых москвичей 80+, чтобы не допустить социальной изоляции и оставления без помощи одинокопроживающего пожилого человека.

Проект начал реализовываться в ВАО Москвы. К реализации проекта привлекается междисциплинарная команда специалистов: специалисты по социальной работе, врачи-гериатры, социальные психологи, специалисты по социальным коммуникациям, специалисты по компьютерным технологиям, представители государственных структур, волонтеры, общественные деятели и др. Используются активные формы бесконтактных социальных коммуникаций - телефонный мониторинг, телефонное анкетирование, Skype-конференции; контактные формы - посещения, гериатрическое анкети-

рование и консультирование, беседы, предметная помощь мульти дисциплинарной команды специалистов, инновационные коммуникационные технологии.

Цель реализации проекта – повышение продолжительности жизни, предотвращение и снижение социальной изоляции и смертности пожилого населения, создание, продвижение и активизация сетей волонтерской поддержки и помощи пожилым людям в возрасте 80 лет и старше, содействие вхождению Москвы в пул регионов 80+. Создание модели службы индивидуального сопровождения пожилых людей 80+ на основе мониторинга социального и медицинского функционирования. Будут разработаны и внедрены оригинальные методики и технологии повышения уровня защищенности от рисков и безопасного самостоятельного подерживаемого проживания пожилых людей 80+.

Реализация Проекта требовала тщательной подготовки, связанной с формированием методологических и методических, организационных и информационных основ, изучения общественного мнения и проблемного поля сопровождения пожилых людей 80+, выявления и мониторинга уровня социальной изоляции и «хрупкости» пожилых москвичей старше восьмидесяти лет. Поэтому разработка Проекта «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» предусматривала дополнительные возможности в решении проблем от общего к частному, когда круг решаемых проблем конкретизируется в зависимости от уровня социальной изоляции и функциональных ограничений пожилых людей. Соответственно формируется межведомственная рабочая группа Проекта «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» на территории ВАО и состав ее волонтерского сопровождения.

Основной этап реализации проекта связан с созданием Службы сопровождения пожилых людей 80+, организацией выявления и оказания необходимой помощи пожилым жителям 80+; разработкой оригинальных методик и технологий по развитию уровня защищенности от рисков и безопасного проживания пожилых людей 80+; проведением межведомственных мероприятий по выявлению групп риска среди пожилых людей 80+ и определения уровня нуждаемости пожилых людей; созданием информационно-программного комплекса по ведению

компьютерной базы помощи пожилым людям 80+; формирование и обучение пула волонтеров молодого и пожилого возраста для работы в Проекте 80+; осуществление плановой и систематической работы посредством индивидуального мониторинга через компьютерную базу помощи пожилым людям 80+; проведением мероприятий, направленных на создание социальных сетей волонтерской поддержки и достижением целей проекта. Система активного наблюдения позволяет достичь позитивных результатов с точки зрения социальной и медицинской профилактики и снижения издержек. Основным подходом в реализации Проекта является межведомственный подход, объединяющий усилия специалистов по социальной работе, врачей-гериатров, специалистов по социальным коммуникациям, работников всех ведомств территории - формирование мульти дисциплинарной команды специалистов, необходимые для решения проблемных ситуаций, возникающих у пожилого человека 80+ в процессе жизнедеятельности.

ГБУ ТЦСО «Новогиреево» - координатор Проекта, - оказывает на высоком качественном уровне социальные услуги населению в форме обслуживания на дому и в полустационарной форме. Общий охват граждан, проживающих на обслуживаемой территории районов Новогиреево, Ивановское и Перово, ежегодно обращающихся за социальными услугами, – около 55 тысяч человек и постоянно увеличивается за счет активной работы специалистов ТЦСО в рамках проекта «Московское долголетие».

Специалисты «Новогиреево» имеют большой опыт опытно-экспериментальной деятельности, ими уже успешно завершена разработка инновационных разработок, был успешно разработан и востребован учреждениями инструментарий оценки эффективности деятельности ЦСО по оказанию социальных услуг. В настоящее время успешно внедряется инновационный проект ««Автоматизированный учет оказания социальных услуг работниками социальной сферы в форме социального обслуживания»», в рамках которого свыше 700 социальных работников выходят к получателям социальных услуг с планшетами.

Успешный опыт ТЦСО «Новогиреево» в организации и осуществлении опытно-экспериментальной деятельности 2011-2018 гг. является

основанием для избрания «Новогиреево» координатором данного проекта.

Заключительный этап реализации Проекта будет связан с анализом результатов и определением его эффективности, что позволит подвести итоги, представить методику реализации в целях масштабирования и распространения опыта проекта в интересах всех жителей столицы 80+.

Литература

1. Жуков В.И. Социология социальной сферы. М.: ИСПИ РАН, 2006. – 488 с.
2. Михалева К.Ю., Полякова Н.Л., Концепция социального института в социологической теории // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. - С. 119.
3. На пути устойчивого развития общества и социального благосостояния: поиск ответов на вызовы современности: материалы международной конференции (Москва, 18-19 мая 2017 г.) / Под ред. Е.И. Холостовой; сост. и пер. с англ. Н.Ф. Ригина. - М.: ИДПО ДТСЗН, 2017. – 268 с.
4. Пожилые в современном мире: институты и дискурсы. Монография / Под ред. Е.И. Холостовой, И.В. Мкртумовой. – М.: ГАУ ИДПО ДТСЗН, 2015. – С. 56.
5. Российская энциклопедия социальной работы /Под общ. ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2016. – 1032 с.
6. Социальная защита в XXI веке: образ будущего: Монография / Под ред. Е.И. Холостовой. – М. ИДПО ДТСЗН, 2018. – 430 с.
7. Социология // Журнал Российской социологической ассоциации. №2 – Москва, 2019. - 310 с.
8. Успенская Т.Н., Мкртумова И.В. и др. Доклад о положении граждан пожилого возраста в городе Москве /Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы; Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы; под общ. ред. В.А. Петросяна, Е.И. Холостовой. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2018. – 183 с.

Теоретико–социологический подход к деятельности представительств субъектов Российской Федерации

Степанов В.Е.

В системе органов государственной власти России функционируют институты, чья роль и назначение в данной системе специфические и не совсем ясны – это представительства субъектов Российской Федерации. Несмотря на длительную историю существования, их теоретико-методологические основы деятельности практически были не исследованы. Целью данной статьи является исследование теоретико-методологических основ деятельности представительств и определение роли представительств субъектов Российской Федерации в механизме государства. Методология исследования базируется на анализе социологических и политологических позиций П. Штомпки, Ф. Фукуямы, Дж. Коулмана, П. Бурдьё, Т. Парсонса, Н. Смелзера применительно к представительским институтам. По итогам статьи определено, что феномен делегирования является важным компонентом базиса деятельности представительств субъектов Российской Федерации, а феномен доверия лежит в основе их деятельности и выступает в качестве основы социально-политических отношений, драйвера комплексного развития, одного из принципов функционирования. Кроме того, выявлено, что на современном этапе представительства преимущественно выполняют организационно-технические функции, вместо представительских.

Ключевые слова: представительство субъекта Российской Федерации, регион, доверие, делегирование, организационно-правовой статус, функции, представление интересов

Stepanov V.E.

Theoretical and sociological approach to the activities of representatives of the subjects of the Russian Federation

In the system of state authorities of Russia, there are institutions whose role and purpose in this system are specific and not entirely clear - these are representative offices of the subjects of the Russian Federation. Despite the long history of existence, their theoretical and methodological foundations of the activity were practically not investigated. Purpose: study of the methodological and theoretical foundations of the activities of representative offices and the definition of the role of representative offices of the subjects of the Russian Federation in the mechanism of the state. Research Methodology: An Analysis of Sociological and Political Positions by P. Sztompka, F. Fukuyama, J. Coleman, P. Bourdieu, T. Parsons, N. Smelser with reference to representative institutions. As a result, it was determined that the phenomenon of delegation is an important component of the basis of the activities of representative offices of the subjects of the Russia, and the phenomenon of trust is at the heart of their activities and acts as the basis of social and political relations, the driver of integrated development, one of the principles of operation. In addition, it has been revealed that at present the representative offices of the subjects of the Russian Federation mainly perform organizational and technical functions, instead of representative functions.

Keywords: representative office of the subject of the Russian Federation, region, trust, delegation, organizational and legal status, functions, representation of interests

Анализируя систему органов государственной власти нашей страны, невольно останавливаешься на институтах, чья роль и назначение в данной системе специфические и не совсем ясны. В данном контексте речь идёт о представительствах субъектов Российской Федерации – государственных институтах, существующих уже более двадцати лет. Рассмотрение теоретико-методологических и практических аспектов их функционирования представляет научный интерес для государственного управления и будет реализовано в данной статье.

Исследуя методологию деятельности представительств субъектов Российской Федерации, нельзя не остановиться на феноменах доверия и делегирования. Учредитель в лице регионального исполнительного органа власти, создает представительский институт и при этом не только делегирует ему полномочия, но и доверяет их реализацию.

Детализируя содержание данных феноменов, обратимся к теоретическим позициям ученых-классиков.

Польский социолог П. Штомпка считает, что доверие – это свойство общественных совокупностей. Доверие как культурное правило характеризуется наличием норм, обязывающих к доверию, и норм, обязывающих к соответствующему поведению.

Ученый считает одним из факторов, способствующих доверию – прозрачность организаций. Возможность членов социума свободно получать информацию о деятельности организации, тем более государственной, ее задачах, функциях, статусе, результатах деятельности, отчетах об эффективности благотворно влияет на уровень культуры доверия в обществе, обеспечивает «чувство безопасности и положительные предвидения [1, с. 303]». В условиях открытой информации о прозрачных принципах функционирования, целях деятельности, результатах контрольной деятельности в отношении этих организаций уровень доверия к ним в социуме возрастает значительно, несмотря даже на возможные ошибки в их работе.

Доверие, по П. Штомпке, также является психологической склонностью. Доверчивость может склонять к оказанию доверия, а подозрительность, наоборот, удерживать от этого. При этом это связано с жизненным личным и социальным опытом человека, а не с информацией о партнере [2, с. 329]».

Ученый также отмечает зависимость склонности к доверию от индивидуального и коллективного капиталов [1, с. 307-308]». Итак, чем больше индивид имеет ресурсов, которыми он может распоряжаться, тем больше он способен наделять доверием других. То есть обеспеченные люди более склонны к доверчивости, ввиду их стабильного положения в социуме, высокой самооценке, наличия значимого объема активов. В то время как люди недостаточно обеспеченные, наоборот, менее склонны к доверчивости из-за того, что в результате обмана могут лишиться многого. Из этого следует, что чем выше объем индивидуальных капиталов (коллективный капитал), тем выше в социуме культура доверия.

Данный тип обязательств распространяется и на социальные роли. Например, ряд социальных ролей связан с ожиданием и вынужденным недоверием (сотрудники правоохранительных органов), что предопределено спецификой деятельности – проявлять подозрительность.

Таким образом, доверие – это актуальный социальный элемент, без которого невозможно обеспечение социального порядка. Доверие – звено устойчивости социальных отношений, имеющее многоуровневую природу.

В сфере деятельности представительств субъектов Федерации доверие выступает как основа социально-политических отношений, как драйвер комплексного развития, как один из принципов функционирования.

В рамках первого подхода, подразумевается, что выстраивание конструктивных отношений представителей власти с гражданами, органами власти, другими субъектами социума невозможно без элементарного доверия. Зачастую именно благодаря доверию удаётся принимать важные решения, при этом оперативно. Данный феномен лежит в основе всех нормальных человеческих отношений и способствует поддержанию социального порядка. Вместе с тем на службе государства при решении значимых вопросов доверие даёт мощный социальный синергетический эффект.

Кроме того, мы считаем, что доверие играет в межличностных, а затем и в профессиональных отношениях важную роль, способствуя при этом решению вопросов не только социального характера, но и политического, экономического, культурного и иного. В этой связи, мы всецело поддерживаем идеи Ф. Фукуямы о том, что экономическая эффективность зависит, в том числе, и от уровня доверия [3, с. 51]».

Вместе с тем следует отметить, что представительства субъектов Федерации в системе социального взаимодействия реализуют свои функции на основании формально закреплённого феномена доверия.

Феномен доверия выражается прежде всего в деятельности указанных институтов посредством наделяния их легитимностью административно-распорядительными актами и регулирования их деятельности комплексом нормативных правовых актов. К тому же, если рассматривать доверие с точки зрения Ф. Фукуямы как ожидание предсказуемого поведения, то здесь следует констатировать «полное» доверие, в виду того, что между субъектами (в данном случае учредитель и представительство) существует связь подчинённости, четко определены роли каждого в данном механизме социально-политического взаимодействия.

Вместе с тем феномен доверия как составляющую социального капитала рассматривал Дж. Коулман. С его точки зрения в основе социального капитала лежат ресурсы социальных отношений – качества людей, формы взаимоотношений между ними, которые мотивируют к доверительным отношениям [4, с. 124]».

Соотношение социального капитала с другими видами капитала ученый характеризует так: «...социальный капитал формируется в целом социумом и существует исключительно во взаимоотношениях между индивидами, в то время как человеческий капитал выражается в приобретенных индивидом компетенциях, а физический капитал представляет собой различные материальные формы» [4, с. 128].

Рассматривая феномен делегирования как основу деятельности представительских структур, обратимся к идеям следующих авторитетных ученых.

Французский социолог П. Бурдьё посвятил значительную часть своих трудов данной проблематике и, по его мнению, дефиниции «пред-

ставительство» и «делегирование» взаимосвязаны. Он делает акцент на политическом представительстве, которое считает функцией политического делегирования, при этом политическое представительство – это равноправное политическое делегирование, когда от одного субъекта передаются полномочия другому для осуществления политической воли первого. Однако, когда субъект, получает полномочия от нескольких акторов как социальной группы, он приобретает власть над ней.

С точки зрения ученого, отношения, возникающие в процессах делегирования, являются равноправными. В то же время политическое представительство значительно зависит от типа делегирования прав и полномочий [5, с. 233 - 235].

С точкой зрения П. Бурдьё нельзя не согласиться, но мы отметим некоторые комментарии по указанной проблематике.

Первое. Философ утверждает, что в условиях получения лицом (в данном случае представителем) полномочий от множества лиц как социальной группы, данное «лицо» приобретает определенную власть над ней. Мы не можем согласиться с данным тезисом, поскольку представительство субъекта Федерации находится в подчиненном положении по отношению к региональным органам власти. При этом профанация представляемых интересов представителями практически сведена к «нулю».

Второе. Ученый указывает на характер равноправности отношений, возникающих в результате делегирования. Однако мы считаем, что в результате делегирования учредителем полномочий представительству возникают отношения подчиненности, а не равноправия. Таким образом, органы власти субъектов Федерации транслируют свои политические ресурсы через представительские институты.

Третье. П. Бурдьё утверждает, что политическое представительство значительно зависит от типа делегирования прав и полномочий. С данной сентенцией трудно не согласиться. Действительно, в настоящее время в условиях трансформации функций и статусов представительств, это встречается в практике государственного управления.

Т. Парсонс рассматривал политическое делегирование в качестве инструмента реализации политического представительства, которое, в свою очередь, трактовал как механизм взаи-

модействия между субъектом и объектом властных отношений. Также, по Т. Парсонсу, делегирование – это формализованный процесс политического представительства. Ученый предполагает, что два этих понятия не могут существовать отдельно, так как их социальная сущность в целом тождественна [6, с. 158].

По мнению Н. Смелзера, политическое делегирование включено в политическое представительство [7, с. 148-160]. Взаимоотношение данных дефиниций ученый предлагает строить на принципах коммуницирования политическими субъектами информационных потоков в социальных группах. Таким образом, Н. Смелзер ставит в основу политического представительства коммуникативные ресурсы, которыми обладают политические лидеры в группах. Как мы видим, Т. Парсонс и Н. Смелзер трактуют соотношение данных понятий практически одинаково. В то же время польский социолог Е. Вятр трактует политическое делегирование как инструментальную характеристику политического представительства [8, с. 173-174].

Отечественные исследователи (А.З. Астахов, В.Г. Попов) считают, что оба понятия не тождественны и имеют специфическое содержание. По их мнению, политическое представительство – механизм выражения политических интересов различных групп населения при помощи институтов публичной власти (партии, политические движения, политические лидеры и т.д.), а политическое делегирование – это механизм реализации политических интересов посредством юридического наделения полномочиями политических представителей (партий, лидеров, депутатов и т.д.).

Рассматривая политическое представительство как систему, они выделяют её следующие функции:

Аккумуляция групповых интересов (Согласование и упорядочивание интересов).

Политическая артикуляция интересов социальных групп (Формирование конкретных предложений и требований).

Информационно-коммуникационная.

Вышеописанные идеи ученых подтверждаются историей российской государственности, однако, следует отметить наличие смежных институтов в современном государственном управлении – представительств субъектов Федерации.

По сути данные институции также образованы на основании механизма политического делегирования и выполняли, прежде всего, политические задачи, что подтверждается столетним опытом существования государственных представительских структур.

В настоящее время представительства субъектов Федерации представляют собой государственные структуры, представляющие интересы соответствующих регионов в городе Москве.

Их существование и функционирование обусловлено необходимостью лоббирования интересов региона в федеральном центре страны, а также потребностью включения в различные целевые программы, популяризации региональных успехов в различных отраслях, комплексного обеспечения деятельности должностных лиц субъекта Федерации в городе Москве.

Организационно-правовые статусы данных структур различны. Часть представительств - органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, часть - структурные подразделения органов региональной исполнительной власти, часть - государственные учреждения. Тенденция на трансформацию статусов представительских структур, по нашему мнению, вызвана:

Возросшей ролью деятельности «обеспечивающего» характера, вместо политического.

Необходимостью сокращения финансовых затрат на содержание аппарата государственных служащих.

Сокращением корпуса государственных гражданских служащих в субъектах Федерации [9, с. 44].

Представительства субъектов Федерации реализуют следующие группы функций: представительские, организационные, координирующие, информационные, аналитические, контрольные.

Указанные группы функций образуют собой ключевое направление деятельности представительств – лоббирование. С социологической точки зрения, лоббизм представляет собой систему социальных связей и отношений, которая включает группы участников экономической деятельности, политических процессов, отдельных социальных групп и граждан, и в рамках которой реализуются специфические интересы указанных субъектов [10, с. 19].

Зарубежный политолог С.Е. Файнер, как и многие исследователи, рассматривает лоббизм с политических позиций и определяет его как «деятельность организаций, влияющую на органы государственной власти в целях содействия собственным интересам, причем эти организации, в противоположность партиям, не готовы сами принять ответственность за власть в стране» [11, р. 12]. Отечественный исследователь В.А. Лепехин рассматривает лоббирование в качестве процесса приведения формальной власти в соответствие с властью фактической [12, с. 95].

С экономической точки зрения, данный феномен представляет действия органов власти всех ветвей и уровней, направленные на поддержку конкретных сфер и отраслей экономики регионов, организаций, социальных групп, обусловленных собственной заинтересованностью и сопряженных, в том числе, с коррупционными издержками [13, с. 154]. Иными словами государственные органы оказывают содействие заинтересованным организациям в получении субсидий, льгот, преференций различного характера, создании благоприятных условий ведения хозяйственной деятельности.

При этом практика трансформации статусов представительств, демонстрирует, что лоббирование «классического политического толка» отходит на второй план, уступая место организационно-техническому содействию. По нашему мнению, это вызвано рядом факторов, связанных с развитием транспорта, цифровых технологий, изменением роли представительств в государственном управлении. Поэтому «лоббирование» представительствами региональных интересов больше сводится к оказанию содействия в предоставлении площадки для встреч, переговоров; оказании транспортных и гостиничных услуг; доставке документов должностным лицам; посещении мероприятий по профильным для региона вопросам. Вместе с тем мы считаем, что на современном этапе давать оценки происходящим трансформационным процессам преждевременно, но следует констатировать ослабление роли современных институтов представительств субъектов Федерации в реализации региональных политических интересов.

Таким образом, подводя итог, отметим, что феномен доверия лежит в основе деятельности

представительств субъектов Российской Федерации и выступает, по нашему мнению, в качестве основы социально-политических отношений, драйвера комплексного развития, одного из принципов функционирования.

Следующим важным компонентом базиса деятельности представительств является феномен делегирования. «Политическое делегирование» и «политическое представительство» тесно взаимосвязаны, что обусловлено системой властных отношений в рамках которой они существуют. При этом второе понятие обозначает механизм выражения политических интересов различных групп населения при помощи институтов публичной власти, а первое – механизм реализации политических интересов посредством юридического наделения полномочиями политических представителей.

На современном этапе представительств субъектов Российской Федерации - государственные структуры, представляющие интересы соответствующих регионов в городе Москве. Изначально представительства были предназначены для лоббирования региональных интересов, однако текущая дифференциация их статусов и функций демонстрирует ослабление представительств субъектов Российской Федерации как полноценных участников политических процессов. В связи с этим представительства все чаще выполняют технические, организационные, транспортные и иные функции, становясь по сути обеспечивающими структурами.

Литература

1. Штомпка П. Доверие - основа общества. – М.: Логос, 2012. – 445 с.
2. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
3. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121 – 139.
5. Бурдьё П. Социология политики. – М., 1993. – 336 с.
6. Парсонс Т. О социальных системах. – М., 2002. – 832 с.
7. Смелзер Н. Политология. – М., 1994. – 688 с.
8. Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 1979. – 456 с.
9. Степанов В.Е. Статусно-функциональные особенности представительств субъектов Российской Федерации в городе Москве // Социально-экономические явления и процессы. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 43 – 49.
10. Крамченков С.И. Институционализация лоббизма в современной России (социологический анализ): дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – М., 2012. – 139 с.
11. Finer S.E. Anonymous Empire. A Study of The Lobby in Great Britain. – London, 1958.
12. Лепёхин В.А. Лоббизм – М.: Фонд «IQ», 1995. – 116 с.
13. Ковалев В.В. Экономический словарь. Экономические термины и экономический сленг. – М.: Феникс, 2009. – 283 с.

Авторы

Бартенева Сенильга Эмильевна - старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)

Беляева Екатерина Александровна - канд. соц. наук, доцент, кафедра «Управления персоналом», ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
ekaterina.podergina@mail.ru

Богатырева Людмила Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ), mila_pki@mail.ru

Боровой Евгений Михайлович - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ), bor77@ngs.ru

Глазырин Валерий Алексеевич – доктор социологических наук, доцент, кафедра философии и социологии, Уральский государственный юридический университет,
glazur@olympus.ru

Гулина Дарина Сергеевна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, darinka_good@mail.ru

Гусевская Наталья Юрьевна – канд. пед. наук, доцент, кафедра международного права и международных связей, Забайкальский государственный университет, gusnat1@rambler.ru

Дзуцев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследования приграничных территорий Юга России Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru.

Дружинин Глеб Викторович – преподаватель кафедра государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, E-mail: druzhinin93@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, Россия, Иркутск, zhuravleva_ia@list.ru

Ильченко Мария Валерьевна – бакалавр, МГУ им. М.В. Ломоносова Мартыненко Елена Викторовна – д.полит.н., проф., заведующая кафедрой теории и истории журналистики, проректор по организации приема и довузовской деятельности, РУДН, martynenko-ev@rudn.ru

Ковалев Михаил Николаевич – кандидат социологических наук, кафедра английского языка, Государственный университет управления, e-tutor@yandex.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Кузьмичева Алла Александровна – кандидат философских наук, доцент. доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), allamai@list.ru

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Малышев Максим Алексеевич - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Malishev@spa.msu.ru

Месропян Маргарита Гагиковна - аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, m.mesropyan.93@gmail.com

Мирзабекова Карина Руслановна – соискатель, РУДН, mirzabekova-kr@rudn.ru

Музыка Оксана Анатольевна - доктор философских, профессор, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)

Николаева Наталья Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, sicleph@mail.ru

Никонов Руслан Викторович – канд. пед. наук, доцент, Забайкальский государственный университет

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, E-mail: okwook@mail.ru

Пономарева Диана Игоревна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), di37tap1@mail.ru

Попов Виталий Владимирович - доктор философских, профессор, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал), vitl_2002@list.ru

Пружинин Александр Николаевич – магистр 2 года направления государственное и муниципальное управление Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск. alex.pruzhin@gmail.com

Скоробогатова Анна Геннадьевна – начальник управления социальной защиты населения Восточного административного округа города Москвы, SkorobogatovaAG@mos.ru

Степанов Вадим Евгеньевич – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, vstepanov777@yandex.ru

Чеберда Марта Андреевна – аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова, martacheberda@mail.ru

Шафаревич Ирина Октаевна – аспирант кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет, irina_shafarevich@mail.ru

